

УЛИЦЫ СУРГУТА

К63.3(2-2 Сургут) - 8
348

К 410-летию Сургута

Улицы Сургута

Рассказ об именах,
встречающихся на карте города

Составитель А.П. Зубарев

04101186 ✓

Г МУК ЦБС
Г. СУРГУТ

кр

04101186 кр

Мандр и Ка
Тюмень
2004

9000095374

ББК 26.89

У 48

**У 48   УЛИЦЫ СУРГУТА: Рассказ об именах,
встречающихся на карте города / Сост.
А.П. Зубарев. — Тюмень: Мандр и Ка,
2004. — 232 с.**

Книга рассказывает о наших современниках, чьи имена названы улицы Сургута, и посвящена его 410-летию.

Иллюстрации наглядно показывают, как преобразился город за последние двадцать-тридцать лет. Адресована всем, кто интересуется историей родного края.

© Зубарев А.П. (составление), 2004.

© Дыба-младший В.В. (дизайн обложки), 2004.

© Мандр и Ка (оформление), 2004.

ISBN 5-93020-302-4

**В этом городе
нам жить,
любить,
растить детей**

Написать о Сургуте... Казалось бы, чего проще сделать это человеку, прожившему в городе сорок лет и выросшему вместе с ним, помнящему город «допромышленным». А сегодня, в силу своего служебного положения, знающему Сургут лучше многих.

Но, оказалось, очень сложно написать о городе, который хорошо знаешь и любишь. Невольно возникает вопрос: «А с кем я хочу говорить о Сургуте? Ведь город для меня многолик и многозначен. Прежде всего — это город моего детства, город, по которому щемит сердце, как, наверное, у любого, когда он вспоминает детские годы.

Хотя мое детство прошло здесь, то был другой город. Маленький провинциальный городишко, а точнее, поселок с улицами, заросшими травой, с деревянными тротуарами, чистыми и богатыми реками, где мы, пацаны, удили каждое лето рыбу, с подступающим к

А.Л. Сидоров, глава администрации

самому поселку лесом, где было очень много дичи, грибов и ягод.

Сургут окружала девственная природа, служившая одновременно и подспорьем в незатейливом хозяйстве большинства жителей поселка. Одноэтажные деревянные дома, срубленные мастеровито и добротнo, домашнее хозяйство со всеми надворными постройками и домашним скотом, колодцы с кристально чистой водой в большинстве дворов и зелень, зелень в каждом дворе и палисаднике — рябина, черемуха, акация, цветы. Зелень, которая затем превращала осень в золотую, устилала поселок ковром листьев.

Морозные дни с белым снегом, быстрыми оленьими хантыйскими упряжками, часто наезжающими в Сургут и по одной, и целыми караванами продать продукты своего промысла, купить соль, чай, спички. Весна с ледоходами — золотая пора для пацанов, — с поднимающейся водой и подступающими почти к домам катерами и лодками.

Вот город моего детства. Можно говорить и о другом Сургуте — городе, в котором сегодня живем. Большой, а по меркам нашей широты, огромный город. Парадоксально, но его и сегодня нельзя назвать промышленным, поскольку промышленность его специфична. Многие города вырастают около огромных заводов, комбинатов. Это города, которые питают их рабочей силой.

С нашим городом было и так, и не так. Безусловно, нефть, открытая здесь и впервые отправленная на переработку в Омск в 1964 году, послужила толчком для бурного развития города, стала источником второй моло-

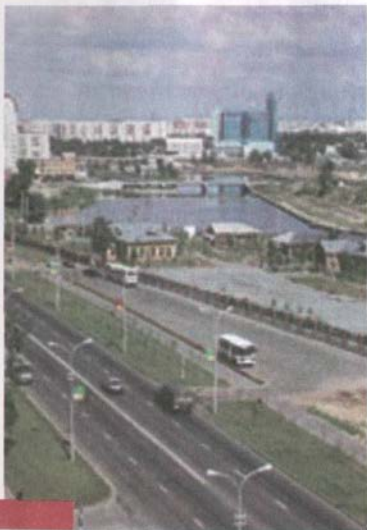
дости. Молодости бесшабашной и буйной, молодости, которая на пути к своей цели губила многое: природную чистоту, речки и озера, уклад коренных жителей и патриархальный быт, и сам старый Сургут.

Бешеные темпы промышленного освоения привели к созданию временных поселков. Никто тогда не знал критериев временности. Это «временное», к сожалению, переросло сейчас в постоянную беду для сотен и тысяч людей, проживающих в этих поселках. Я говорю о нефти, не умаляя ни на йоту значимость для города других отраслей — энергетики, строительства, транспорта, геологии. Но это производные, они пришли в город, чтобы сопутствовать, а точнее, способствовать добыче нефти.

Географическое положение Сургута, его историческая судьба определили, что отрасли, проторившие сюда дорогу за нефтяниками, быстро переросли рамки городского масштаба. Энергетика становится мощной самостоятельной отраслью, обеспечивающей электроэнергией не только всю Западную Сибирь, но и промышленный Урал.

Интенсивно развиваются строители. Создаются тресты и главки как трубопроводного, так и наземного строительства. Поднимается мощнейшая за Уралом домостроительная отрасль. В Сургуте создается самое мощное в стране геологическое объединение. Быстро развивается транспорт, строятся железная дорога, а затем и мощный железнодорожный узел. Развивается речной, автомобильный транспорт, строится аэропорт.

Пишу об этом бегло, потому что все происходило уже на глазах у многих сегодняшних сургутян. Ведь бур-

ное развитие привело их в этот край. Сургут развивается такими ошеломляющими темпами, что, отлучившись на 2—3 года и возвратившись сюда, многие его просто не узнавали.

Так было и со мной в период учебы в институте в 1969—74 годах, когда, возвращаясь на короткую побывку, я с трудом находил свой деревянный, ставший вдруг почему-то маленьким, дом, который все ближе и ближе обступали пятиэтажки. И,

С высоты птичьего полета наконец, вернувшись из армии, я вообще не обнаружил его, а родных искал по адресу на конверте.

Дух того времени, всеобщий настрой, по-моему, определяло одно слово — «надо». Оно было ключом ко всему. Этого слова было достаточно, чтобы люди работали в две смены, в выходные, чтобы инженерно-технические работники выполняли любую работу на площадке, чтобы техника проходила туда, куда пройти невозможно, чтобы вертолеты садились и поднимались там, где сесть вообще нельзя, и в такую погоду, когда «нормальные» люди не летают...

Задумываясь сегодня, почему люди, приехавшие сюда на 3—5 лет подзаработать денег, остались здесь на многие

годы, а другие навсегда, полагаю, что тот подъем, те настроения, с которыми мы работали и жили, — не последняя тому причина. Это потом эти годы назвали застоем. Не знаю, где и для кого, а к Сургуту это подходит меньше всего. Город объединил людей из самых разных точек Советского Союза, людей разных профессий и национальностей, делающих одно большое дело.

К концу 80-х годов город стал центром Среднего Приобья, закрепив свое географическое положение развитым промышленным потенциалом в энергетике, строительстве, других отраслях. Сформировались мощные транспортные узлы, перевалочная и комплектующая базы, развился транспорт. О значимости города как сырьевой базы страны говорить нет смысла, так как цифры добычи и переработки многие знали и сейчас помнят наизусть, поскольку в рывке области на суточные 1 млн. тонн нефти и 1 млрд. куб. м газа Сургут занимал значительное место.

Но тонны и кубометры хороши для рапортов и отчетов. Они тешат самолюбие и являются предметом гордости на торжественных собраниях и конференциях. А что этот бурный рост добычи дал городу как месту проживания людей, где нужно просто

Первые постройки города

жить: рожать и растить детей, учиться, любить, жениться и выходить замуж, — месту, где, увы, приходится и стареть, и уходить на пенсию?

Все познается в сравнении. И, естественно, пытаюсь ответить на этот вопрос, оглядываешься на близлежащие города. Города, ставшие жилищным хозяйством и социальной сферой одного крупного нефтегазодобывающего предприятия, города, ставшие заложниками этих предприятий, процветавшие, а теперь переживающие кризис вместе с ними.

Судьба уберегла наш город от этой беды. Нет, было бы глупо отрицать огромную роль предприятий в развитии города на протяжении этого периода новейшей истории, глупо сегодня не видеть прямую зависимость жизни города от благополучия или неблагополучия предприятий базовых отраслей. Это имеет место, и это неизбежно. Но в свое время соревновательный дух между отраслями и их предприятиями в городе, с одной стороны, ответственное отношение к судьбе коллективов, честное отношение к жителям и городу руководителей предприятий, умелое сочетание интересов каждого из предприятий с интересами города в целом, с задачами его развития руководителями партийных и советских органов — с другой — позволили наш город сделать не придатком той или иной отрасли, а городом в полном смысле этого слова.

Да, нас не обошли многие проблемы северных городов. Сегодня у нас по-прежнему недостает воды, а та, которая есть, не очищается должным образом. В городе, где ГРЭС-1 и ГРЭС-2 вырабатывают столько тепла, что

хватило бы на весь округ, недостает тепла и действует одна магистральная теплотрасса, питающая город. Город не имеет резервного ввода по электроэнергии. Случись что с этими единственными источниками тепла и электроэнергии в зиму, последствия страшно представить. Существует проблема очистки стоков.

Бедой города до сегодняшнего дня остается временное жилье. Старые принципы сноса уже не действуют, а новые, увы, еще не действуют. Да, все это имеет место и не облегчает нашу жизнь.

Но есть и другое. У нас есть все основания, чтобы уверенно смотреть в будущее. Город выстроен и продолжает строиться по единому генеральному плану, имеет четко выраженную структуру инженерных сетей, дорог и транспортных развязок, соединен с остальным миром всеми современными видами транспорта и связи, имеет мощную строительную индустрию и строительную базу.

Но и это не главное. Главное богатство и опора города — это люди, взрастившие здесь своих детей и любящие его со всеми его успехами и достижениями, прощающие ему многое, как любящие родители — своему чаду.

Я умышленно не стал в этой статье упоминать имен и фамилий сургутян, многих из которых я знаю и люблю. Знаю по разным периодам жизни и деятельности. Иначе эта большая статья превратилась бы в небольшую книгу.

Хочется надеяться, что период растерянности, обида за застой, которым назван бурный период развития нашего города, прошли. Настало время, трезво и критичес-

ки оценив свои свершения и опираясь на мощный потенциал, продолжать действовать.

400-летие — это всего лишь маленькая дата в истории. С нее не начинается и ею не заканчивается жизнь города. Отмечая юбилей, просто хочется, чтобы мы задумались, кто и как жил до нас, обратились к историческим материалам, воспоминаниям земляков (благо сейчас есть такая возможность), поняли, что не на нас эта исто-

рия заканчивается. Каким мы сделаем наш город, как благоустроим его, каким построим и передадим нашим детям — такая память о нас и останется.

Поздравляя в эти дни всех жителей города с 400-летним юбилеем, я прошу вас: давайте любить наш город! Сделаем все от нас зависящее, чтобы он стал чище и красивее. Давайте честно относиться к месту, где мы живем.

*Александр Сидоров,
глава администрации Сургута*

Их имена на карте города

Улицы — это лицо любого города, его как бы внутренний мир. Немногие сургутяне знают, как назывались в прежние годы нынешние улицы Республики, Ленина, Свободы... До недавнего времени — это Советская, Революционная, Красноармейская, Красных партизан... Еще раньше — Никольская, Троицкая, Купеческая, Мещанская, Богородицкая... Ничего удивительного: меняется время, меняется город, меняются улицы, меняемся мы.

С открытием в 1961-м году нефтяных месторождений наш край изменился в своем развитии. Из поселка Сургут стал городом. И подвиг геологоразведчиков, нефтяников, строителей, энергетиков, транспортников и работников других отраслей, участвующих в создании топливно-энергетического комплекса Сургута, будет жить вечно в памяти поколений. В эти интересные созидательные годы выросло много замечательных руководителей производств, инженеров, рабочих и людей из интеллигенции. И приятно, что город, жители их помнят. И в знак благодарности именами особо заслуженных нарекли улицы.

Я почти всех их хорошо помню, работал с ними — они в моем сердце. Василий Васильевич Бахиров. Более двадцати лет он жил, работал в Сургуте, свыше десяти лет — первым секретарем горкома КПСС. Затем возглавлял нижевартовскую городскую, ханты-мансийскую окружную партийные организации. По просьбе сургутян, партийного актива ему присвоено звание Героя Социалистического труда. Таких людей я не встречал в своей жизни. Обладая большой властью, Василий Васильевич был прост, скромен, доступен для человека. Каждому он стремился помочь и радовался за счастье каждого.

Иосиф Наумович Каролинский, управляющий треста «Запсибэнергострой» — трудоголик. Жизнь его проходила на строительных площадках, где нередко и ночь заставала. По должности, а работал я в комсомоле, доводилось многократно бывать на объектах энергетики Сургута, замечал, насколько он грамотный инженер, организатор производства, знаток людей.

Игорь Алексеевич Киртбая — уникальный человек. Возглавляемые им мехколонна № 14, затем трест «Запсибэлектросетьстрой» проложили по северным просторам тысячи километров линий электропередачи, построили уникальный переход ЛЭП-500 через Обь... Он всегда был новатором, внедрял в производство самые современные методы и технологии в сетевом строительстве страны. Эрудит, большой знаток поэзии, театра. И очень человечный.

Знавал я и Петра Александровича Мунарева, человека из плеяды верящих в будущее Сургута и творивших его завтрашний день.

Добрые воспоминания — о Григории Михайловиче Кукуевицком, заместителе генерального директора «Сургутнефтегаза», — главном строителе города.

Храню в сердце память о Флегонте Яковлевиче Показаньеве, краеведе, историке...

Они прожили яркую, запоминающуюся жизнь, оставив в судьбе Сургута заметный след. Старожилы их помнят. Приятно, что журналисты написали эту книгу, — пусть нынешнее поколение сургутян знает, по какой земле ходит. Пусть знает, чьими именами названы улицы, на которых живут.

*Геннадий Пономарев,
председатель
городского Совета ветеранов
войны и труда*

**О названии улиц,
связанных
с именами крупных
общественных,
политических
и исторических
деятелей**

Рассмотрев схему и паспорта улиц, связанных с именами выдающихся общественных, политических и исторических деятелей, и в соответствии с решением исполкома городского Совета народных депутатов № 34 от 19.02.1987 г. по упорядочению направлений и названий улиц, исполком городского Совета народных депутатов решил:

1. Просить облисполком утвердить название и направление следующих именных улиц:

- пр. Ленина,
- проспект Ф. Энгельса,
- проспект К. Маркса,
- улица Дзержинского,
- улица Губкина
- улица Мелик-Карамова,
- улица Бахилова,

- улица Федорова,
  - улица Щепеткина
  - улица Чехова,
  - улица Лермонтова,
  - улица Островского,
  - улица Пушкина,
  - улица Маяковского,
  - улица Крылова,
  - улица Бажова,
  - улица Артема,
  - набережная Зырянова,
  - набережная Кайдалова.
- (Паспорта улиц прилагаются).

*Председатель исполкома
За секретаря член исполкома*

**О.Д. Марчук
Т.В. Кряжева**

*Из решения исполнитель-
ного комитета Сургутского
городского Совета народных
депутатов № 317
от 17 сентября 1987 г.*

Сегодняшний город

О присвоении улице имени Бахилова

Рассмотрев предложения трудящихся города о присвоении одной из улиц города имени Бахилова Василия Васильевича, Героя Социалистического труда, внесшего большой вклад в развитие г. Сургута, и в соответствии с п. 30 Положения о порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 августа 1982 г., исполком городского Совета народных депутатов решил:

1. Ходатайствовать перед областным Советом народных депутатов о присвоении улице № 7 имени Бахилова.

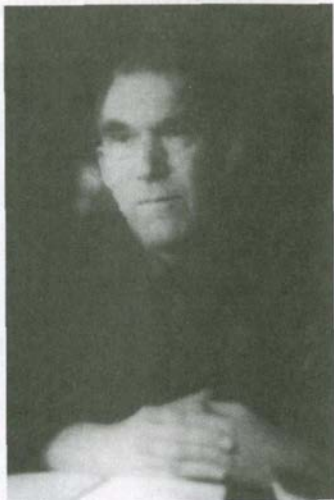
*Председатель исполкома
Секретарь исполкома*

**О.Д. Марчук
Л.Д. Волкова**

*Из решения исполнительного комитета
Сургутского городского Совета народных депутатов
№ 167 от 18 августа 1983 г.*

В.В. Бахилов (1920—1983).

Родился на юге области — в Ишиме. Участвовал в Великой Отечественной войне. Вся жизнь без остатка — профессиональная партийная работа: Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Тюмень. Герой Социалистического труда.

Родом из Сибири

Бахиллов упаковывал вещмешок, когда к нему подсел замполит дивизиона капитан Крутойров:

— Наверное, мыслями на гражданке? Истосковались руки по работе. Мирной.

— Во сне родители снятся. Как они войну пережили?

— Неслыханные трудности люди перенесли. Выдюжили. Как и мы на войне.

Замполит крепко затянулся махрой. Положил руку на плечо Бахилова и в глаза заглянул:

— Привязался я к тебе, Василий. И прощаться не хочется. Слушай, давай махнем ко мне в Калугу? Я ведь добровольцем уходил на фронт. В обкоме партии работал. С кадрами трудно будет. А ты истинный партиец. Поверь мне, от тебя исходит такая любовь к людям!..

— Спасибо, Панкрат Степаныч, на добром слове. Домой поеду, в Ишим.

Долгая дорога к дому. Длилась почти пять лет. Через окопы, огонь, кровь войны...

Вставая на партийный учет, Бахиллов попал на глаза заворгу горкома Д.И. Богомолу. Дмитрий Иванович пригласил его в кабинет, придвинул стакан с чаем. Он

хорошо знал Василия Павловича и Парасковью Семеновну, родителей Бахилова: жили по соседству на одной улице.

— От войны-то не скоро отдохнешь, а дел по горло. Давай берись за работу. Как раз по тебе должность. Правда, замысловатое название: председатель президиума по работе среди молодежи. Не в названии дело. По рукам?

— Согласен, — почти по-военному ответил Бахилов.

И не знал тогда Василий Васильевич, что стал партийным работником на всю жизнь. Профессионалом. Ишим. Сургут. Нижневартовск. Ханты-Мансийск. Тюмень.

...За сорок сургутских лет мне доводилось видаться, разговаривать со многими видными деятелями партии, государства — от министров до генсека: город был в эпи-

центре ТЭКа. Высокие чины посещали ударные стройки, нефтяные промыслы. Василий Васильевич на стройках, на буровых, трубопроводах бывал чаще, чем московские визитеры. Он поднимался на опоры ЛЭП, забирался в кабину трубоукладчика, ехал на КраЗе в дальний карьер. И вел разговор по душам. Кто приезжал в поселок с концертом? Чем кормят в столовой? Работает ли телевизор в Красном уголке?...

Когда прокладывали в Среднем Приобье первый нефтепровод от Усть-Балыка к Омску, я напросился с ним в дальнюю поездку. По трассе до Демьянского дня три тряслись в неудобном, грязном вездеходе. Забирались в таежные поселки строителей, мертвецки засыпали часа на два-три, умывались на ветру снегом, пили чай из закопченного ведра... По возвращении в базовый поселок Бахилов собрал руководителей стройки и... выдал им по первое число. За то, что в котлопунктах бедное меню, за то, что в трассовых поселках не работают бани, за то, что месяцами люди не брали в руки газеты...

Кто-то из сидящих проворчал:

— Спрашивает за «бытовку». Когда ею заниматься? Как бы с планом управиться...

Василий Васильевич услышал и повернулся к ворчуну:

— А вы не задумывались, почему великий полководец Суворов не проиграл ни одной кампании?

— Талант...

— Правильно. Во-вторых. А во-первых, он уважал, любил солдат, заботился о них. И знал, что, если солдат накормлен, одет, хорошо обеспечен боеприпасами, он одо-

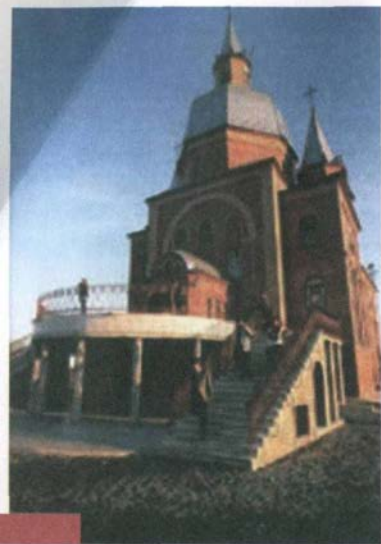
леет любого противника. У нас с вами тоже идет сражение. С болотами, морозами, сроками. И выиграть схватку можно, если обеспечить стройку материалами, людей вовремя и сытно накормить, проявить заботу об отдыхе. Это непреложное правило к любому успеху.

«Дикая любовь к людям», по выражению замполита Крутоярова, была правилом жизни Бахилова. Во все времена.

...Северная Одиссея Бахилова началась с Сургута, куда он по направлению обкома партии приехал поздней осенью 1950 года. Заведующий орготделом, секретарь райкома, а в 1959-м его избирают первым секретарем.

Предшественник — В.Г. Бахмат — держал аппарат в непрерывном напряжении. Он и сам засиживался в кабинете до полуночи, и работники бодрствовали. Никому не приказывал: сиди, пока я в райкоме, но контролировал через секретаршу. Среди ночи ничего полезного, понятно, не делали. Инструктора читали газеты, играли в шахматы, а особо ревностные служаки сочиняли очередную форму отчетности, составляли какие-то справки. Похвально было, если у инструктора всегда под рукой «всеобъемлющие и всеисчерпывающие» сведения о предприятиях, первичных организациях...

Когда Бахилов разобрался во всем этом, он начал исподволь перестройку работы аппарата. Первое недовольство высказал Хуланхов. Небольшого роста, с неизменной сигаретой в зубах, малоулыбчивый, фронтовик, ханты по национальности, до мозга костей аппаратчик, Виктор Захарович принес на ближайшее засе-

дание бюро проект решения. Возглавляемый им орготдел обследовал обстановку партийной работы на рыбокомбинате, отыскал множество недостатков. Все они тщательно и многословно были расписаны. После их описания шла сугубо назидательная часть: осудить решительно, добиться перелома, мобилизовать усилия... Документ занимал четырнадцать машинописных листов. Бахилов, настороженный размерами проекта, по-

Храм пытался произвести сокращения. Почеркал-почеркал да и бросил.

— Ты думаешь, партийной организации комбината эта бумаженция поможет?

— Не понимаю постановки вопроса.

— Они аккуратно подошьют ее к делу — этим и ограничатся. Интересно, не подсчитали у себя в отделе, сколько времени ушло на составление этой бумаги?

— Нет, как-то не задумался...

— Давай-ка вместе попробуем.

Бахилов снова взялся за ручку, стал прикидывать, сколько времени два инструктора и три активиста, входившие в состав комиссии, потратили на то, чтобы напи-

сать свои выводы и предложения. Они просидели два вечера по четыре часа, затем комиссия шесть дней занималась обработкой справки. И восемь часов изучал, корректировал проект решения заведующий отделом. Итого получалось семнадцать рабочих дней.

— Половина месяца. А польза? Разве мы с вами не знаем, что на комбинате всего один освобожденный работник? И вот он получит нашу грозную бумагу. Ну и что? А ничего... Иначе надо решить это дело, Виктор Захарович. Надо выявить недостатки, причины проанализировать. И вместо громких слов «осудить», «добиться», «усилить» послать на комбинат одного-двух инструкторов, и пусть помогают устранять недостатки практическим делом.

Когда подготовленный вопрос вынесли на заседание бюро, его члены поддержали предложение Бахилова. Хуланхов пожал плечами. После этого случая Василий Васильевич созвал совещание аппарата: пора объявить поход против канцелярщины и начать работу за живое руководство, за общение с людьми.

— Мы ведь погрязли в бумагах, — говорил он, — в непродуманных, непроизводительных действиях. Смотрите, квартальный отчет партийного просвещения: отдел пропаганды и агитации должен произвести свыше десяти тысяч арифметических действий на бумаге, что занимает десять дней работы отдела. Сорок дней в году! Чудовищно! Мы же не бухгалтерия, а партийный штаб района! Партийный работник должен быть с людьми, на предприятиях, в учреждениях!

— Так что же, в райкоме не засиживаться до полуночи? — спросил инструктор А.А. Трофимов.

— На предприятиях надо быть. Я же объяснил довольно понятно.

— А если окружком потребует сведения, а их у нас нет, тогда что? — продолжал Анатолий Александрович.

— С вышестоящими органами как-нибудь поладим, — успокоил Василий Васильевич, хотя сам еще не знал, что может получиться в таком случае.

Со временем Бахилов убедился, что его новшества идут на пользу делу. Вопросы решались проще и оперативнее, инструктора — почти все дни недели на предприятиях: знание жизни рабочих коллективов у них складывалось не по бумагам, а по собственным

наблюдениям. Разбирались на месте основательно, глубоко.

И пример показывал сам Бахилов. Он любил бывать в народе и с народом. Но не бродил среди людей молчаливым подслушивающим повелителем: любил поговорить, рассказать, что он думает, как думает, к чему стремится, выслушать других.

...Когда пробило пять часов, Василий Васильевич распахнул дверь кабинета в приемную, чтобы убедиться, много ли желающих пришло к секретарю райкома поговорить с ним о своих заботах, нуждах. Во время приема иной раз удавалось узнать о явлениях, неведомых никому из инструкторов. Возле дверей на стуле, демонстрируя всем, что она заняла первое место, сидела бабушка в вытертом пальто, платке, повязанном за спиной крест-накрест. Бахилов провел ее под руку в кабинет, усадил в кресло. Она молча смотрела на него поблекшими глазами, белые сухие веки часто мигали, руки, положенные на колени, мелко дрожали.

— Что, бабушка, у тебя стряслось? — спросил Бахилов, придвинув стул к ее креслу вплотную. — Жаловаться на кого пришла, помощь нужна?

— Помощь, сынок, помощь, — бабка утвердительно кивнула. — Внук у меня стал непутевый...

Должно быть, у нее запершило в горле, она закашлялась. Бахилов подал ей стакан воды.

— Доченька моя, мать его Анна, не понимает, что так негоже парня бросать... Отец-то, зять мой, рассуждает: никто меня за ручку не водил, а вишь, кем я стал? Самый знатный рыбак во всей округе...

Художественный музей

Бахилов умел слушать людей, где-то поддакивал, выражал удивление или посмеивался — ему люди любили рассказывать.

— У таких родителей доброго слова не дожدهшься, продолжала бабка. — Парень женился в девятнадцать. Работает на пищекомбинате. Не та беда, а другая: пьет, слышь-ка, глядеть душе больно. И хожу по людям, правду ищу.

— Где ты была, бабушка, у кого? — спросил.

— Ой, не спрашивай, сынок, весь околоток обошла.

— У докторов-то была?

— Они, доктора-то, стали грубые, шумливые. Кричат: «Давай, бабка, скореейча, чего тебе надобно, где болит, говори, вишь-ка — очередь!» А я, милый, не на лошадиные бега пришла, не нормы сдавать по физкультуре... Мне от докторов-то надо совет услышать, как внука от болезни отвадить...

— Это я запишу, бабушка, — сказал Василий Васильевич, раскрывая блокнот. — Об этом мы поговорим, как улучшить медицинское обслуживание. Нам, знаешь, партия и правительство все время наказывают: заботиться о людях, люди у нас — самое главное.

— И не выполняете! — Бабка устремила свой сухой палец в лицо Бахилова. — Влетит вам от партии.

— Придется ответ держать, — засмеялся Бахиллов. — Хорошо, бабушка, попробуем что-нибудь сделать. Хотя дело очень трудное.

— Сама, милый, знаю, что трудное.

Бахиллов принял и остальных посетителей. Кто просил устроить на работу, кто жаловался, что не чинят крышу дома, кто возмущался, что зажимают рационализаторское предложение... Часов в девять, когда поток посетителей иссяк, Василий Васильевич пошел домой.

Несколько дней кряду, помня разговор с бабушкой, Бахиллов занимался постановкой лечебного дела, у него накопился богатый материал, появились предложения. Первый секретарь собрал медицинский актив. Открылось такое множество недостатков, что даже перечень их оказался неполным. Многие из этих недостатков можно было исправить своими силами. Например, никаких правительственных решений не требовалось, чтобы медицинский персонал относился к больным чутко, внимательно, заботливо, чтобы в лечебных заведениях всегда было хорошо натоплено, чисто, опрятно...

По понедельникам с утра в райкоме проходили аппа-

Качалки, символ нефтяной мощи города

ратные совещания-планерки, на которых обычно встречались ответственные работники райисполкома, прокуратуры, милиции, руководители предприятий. По продолжительности они были короткими: каждый высказывался по-деловому, не растекаясь мыслями по древу.

На утренних совещаниях я тоже присутствовал (работал тогда первым секретарем райкома ВЛКСМ), но Бахилов сделал исключение для комсомола: вечером он либо приходил к нам в райком, либо аппарат комсомола собирался к нему в кабинет. Объяснение тому простое: комсомол стал расти численно, заметным становилось его влияние, и Бахилов считал необходимым чувствовать пульс жизни молодежи, где-то покритиковать, где-то посоветовать.

На сей раз после «вечерки» мы остались с ним наедине. Неделью назад попросил Василия Васильевича познакомиться с докладом, с которым мне предстояло выступить на необычном пленуме райкома комсомола. Суть его в том, что после принятия решения все активисты разъезжались по деревням и поселкам и в течение месяца работали над выполнением документов. Потом возвращались и докладывали, что сделано.

— Доклад получился обстоятельный, — сказал Бахилов, посматривая на меня. — С ответственностью подошли к делу.

Я был доволен, что он одобрительно отнесся к самой идее пленума, докладу, стал веселее, разговорчивее:

— Готовили доклад коллективно, много раз перерабатывали, обсуждали на расширенном заседании бюро...

— Я все прочитал, от первой до последней страницы. Самокритики достаточно, но не об этом хочу сказать.

Я поднял голову, насторожился: «Что же мы упустили?»

— Вот ты приводишь цифры по росту комсомольско-молодежных коллективов, результаты их труда. Какие отсюда вытекают выводы? Дальше. Ты называешь рост художественной самодеятельности, спортивного движения. Ну а резюме? Ведь ты учти, что наш район во многом характерен для всего Севера области. И я считаю, что докладом ты должен заинтересовать и обком ВЛКСМ.

— Ну, Василий Васильевич, вы истинный философ, — засмеялся я. — Если обо всем этом говорить — пяти часов будет мало для доклада...

— А тебя кто ограничивает во времени? И второе. Доклад сильно перенасыщен фактами, примерами. В нем ты называешь десятки активистов, передовиков производства. Это необходимо, а все-таки о людях у тебя говорится мало. Они даны у тебя в одной плоскости, как производители материальных ценностей. А почему умалчиваешь другой, не менее важный аспект: их жизнь, духовный рост, мечты, чувства, наконец. Конечно, цифры высокой производительности в какой-то степени характеризуют человека, но все же не настолько, чтобы сказать о них больше было нечего. По моему представлению, если у человека есть потребность показать образцы труда, то и духовный облик его наиболее содержательный и сложный. Вспомни хотя бы буровиков Бориса Минца, Анатолия Осипова. Их трудолюбие и новатор-

ство проистекают не от духовной нищеты, а наоборот, от богатства их интересов и запросов.

Умалчиваешь в докладе и о прямой инициативе комсомольцев, направленной на развитие района. Я припоминаю охотника-ненца Антона Иуси. Помнишь его предложение о развитии пушного промысла? Мне кажется, что таким фактам нельзя не придавать значения.

— Рассчитываю, что доклад дополняют активисты, —

помрачнев, сказал я.

— Конечно, и выступят, и дополнят. Но мне хотелось, чтобы ты и сам показал в докладе, что же скрыто за каждой цифрой, за каждым предложением молодых.

Попрощался с Бахиловым с двояким чувством. Прежде всего было обидно, что он положил меня на лопатки с докладом, в пух и прах раскритиковав. А во-вторых, досадовал на себя: Бахилов куда как шире, объемнее, точнее, масштабнее смотрит на проблемы молодежи и потому, видимо, был так безжалостен к моим доводам. Еще раз внимательно прокрутив в памяти разговор, убедился, что первый — умница и тактик. Своими нелицеприятными замечаниями он как бы подготовил почву для се-

рьезных размышлений и действий, анализа и предложений. Ничего не скажешь — стратег!

Предвидение, взгляд в завтрашний день — замечательное качество Бахилова. И как часто оно помогало выбирать новые направления в развитии района! Вспоминается характерный пример.

А.К. Протозанов, секретарь обкома партии, объезжал как-то экспедиции, знакомясь с их работой. На партийном активе он выступил с резкой критикой, смысл которой заключался в том, что необходимо усиление геолого-разведочных работ. В перерыве Бахилов подошел к нему:

— И я думаю, что уже сейчас необходимо выдвигать перед правительством проблему промышленной разработки открытых нефтяных месторождений.

Протозанов окинул Бахилова своим волевым взглядом и сказал как отрезал:

— Давайте через месяц встретимся. С вашими предложениями, расчетами, обоснованиями. Не стесняйтесь, звоните, помощь какая потребуется — окажем. Значит, через месяц!

Как раскрутил эту пружину Бахилов! Встречи со специалистами на буровых, телефонные переговоры с институтами... И повсеместно доказывал одно: пора нефть

Дорога, ведущая в даль...

добывать. И удивительно, как он этим настроением заразил всех! Сколько было споров до хрипоты! Сколько было выполнено экономических расчетов, составлено схем, диаграмм! И все делалось не по указке, не за вознаграждение, наконец, а на энтузиазме, интересе к большой проблеме.

Когда все расчеты были подготовлены, Бахиллов собрал у себя «большое вече»: еще раз обмозговать, взвесить все плюсы и минусы.

— Сначала послушаем Салманова, — предложил Василий Васильевич.

— В ближайшие два-три года мы откроем несколько месторождений, — докладывал начальник нефтеразведочной экспедиции. — По нашим подсчетам, запасы сырья огромны. Убежден, что Приобье станет главным нефтедобывающим районом страны...

— Чтобы эти богатства быстрее взять, надо с большим умом поработать, — прервал Салманова первый секретарь. — Тут должно действовать правило: семь раз отмерь, а потом отрежь. Чтобы быстрее получить нефть, надо смелее выходить в правительство с предложением о выделении больших капиталовложений на разведку недр, расширение поисковых работ и ставить вопрос о промышленной разработке месторождений, строительстве нефтепроводов и заводов по переработке сырья. Без этого Среднее Приобье можно погубить. Скажи, Фарман Курбанович, где в первую очередь следует приступить к разработке?

Салманов поглядел на карту района, поводит по ней длинным пальцем и сказал:

— Первый промысел надо посадить в Усть-Балыке. Второй — в Сургуте.

— Согласен. И давайте завтра в обкоме будем убеждать, доказывать, — а мне позвонили, что на совещание приглашены товарищи из министерств, ЦК, — чтобы следующую навигацию объявить нефтяной. Согласны? Вот и хорошо!

...24 мая 1964 года теплоход «Капитан» с первым нефтяным караваном взял курс по маршруту Усть-Балык—Омск.

В преддверии 50-летия Октября строители уложили последние километры трубопровода Усть-Балык—Омск, самого крупного в Сибири.

Самый крупный, самый первый — эти словосочетания стали привычными и волнующими для сургутян. Чем они и гордятся. Приятно сознавать, что слово «первый» созвучно с первым секретарем горкома (Сургут в 1965-м году получил статус города) Бахилковым: он как никто другой вложил свой ум, талант, работоспособность в достижение этих первых больших успехов!

...Осень 1981 года. Созвонившись с Салмановым (он работал начальником Главтюменьгеологии), вылетел в Тюмень, чтобы повстречаться с теми, кто открывал Усть-Балыкское месторождение: 20 лет стукнуло с того дня.

В кабинете сидели Евграф Тепляков, Николай Багдасарьянц, Сергей Пыряков, Николай Бехтин — самые первые из ведущих специалистов команды Салманова конца 50-х — начала 60-х годов. Неторопливо разговаривали. Пили чай. Фарман Курбанович оставался за столом, к нам не подсаживался.

— Кто-то задерживается? — интересуюсь у Салманова.

— Я пригласил еще одного человека. Поздно предупредил, он задерживается. Он, правда, не тянул сейсмические «косы», не рубил таежные просеки, не стоял у ротора на буровой, не вызывал фонтан... Но всегда был с нами. Верил, вдохновлял, торопил нас...

— Бахилова ждем?

— Да. Сейчас подъедет.

Дверь раскрылась. Чуть торопливой, обычной, походкой Василий Васильевич прошагал по кабинету. С каждым поздоровался. Обнялся. Присел за стол. И по привычке закурил «беломорину». Затянулся раз, второй. И громко засмеялся:

— А что, Фарман, сургутской газете иск будешь предъявлять?

— Иск? Газете?

— О, товарищи! Салманову память отказала.

Бахилов посмеялся, а потом спросил:

— Помните, перед открытием Усть-Балыка наша «районка» вышла с необычной фантазией? В ней рассказывалось о богатых нефтепромыслах, заводах, многоэтажных кварталах Сургута, асфальтированных магистралях, судах на подводных крыльях, бороздящих Обь...

— Вспоминаю, — отозвался Тепляков.

— Так вот, Салманов тогда хотел потребовать от редакции опровержение опубликовать. И знаете, за что?

— И надо было настоять, — подал голос Салманов. — Чего надумали: золотыми буквами мое имя на Доске почета высечь...

— И что я тебе тогда посоветовал? — с прищуром смотрел Бахиллов на хозяина кабинета.

— Э-э-э... Я всегда знал, что вы хитрый человек, Василий Васильевич.

— Газета преподнесла как бы коллективную мечту: каким будет Сургут через двадцать лет. И говорю Фарману Курбановичу: «Предъяви газете иск в 1981 году. Тогда и посмотрим, кто прав». Так как? Отзываешь иск районке?

Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук, начальник Главтюменьгеологии вместо ответа раскрыл американский журнал «Ньюсуик» и стал читать: «Русские вы-

полнили все задания по Тюменской области. Памятником их усилий, бесспорно, является Самотлор, Сургут. Так что они не просто мечтатели...»

Не просто были мечтатели и журналисты Сургута. И партийный работник Бахилов, который их защитил от гнева обкома КПСС.

В своей книге «Дорога к нефти» Василий Васильевич писал: «А все-таки я схитрил, кажется, сказав, что не виден труд партийных работников. Виден! Новые промыслы, дороги, линии электропередачи, города, аэропорты — вот что стало среди топей и болот. И не наблюдателями, а активными участниками преобразований являются десятки и сотни моих коллег». Скромница, он опять не выпячивается, как истинный профессионал.

Бахилов не командовал промыслами, трестами, не возводил мостов, не прокладывал трубопроводов. Бахилов был политкомиссаром могучей трудовой армии. Организовывал, настраивал, вдохновлял тех, кто разведывал земные недра, кто добывал нефть, кто возводил ЛЭП... И был убежден: малое и большое в жизни зависит только от человека. От его стержня, духовной силы.

...Заканчивался год 1970-й. По телефону был созван пленум городского комитета партии. Приехавший в Сургут секретарь обкома Г. Богомяков с улыбкой обратился к собравшимся:

— Без вашего согласия и разрешения обком на пленуме в Нижневартовске предложил на должность первого секретаря Василия Васильевича Бахилова. Соседи приняли его добродушно. Какими мотивами обком руковод-

ствовался? Богатый партийный опыт, умелое руководство по развитию геологоразведочных работ, нефтедобывающей отрасли в Сургуте. А в Нижневартовске начинается эпоха Самотлора. И мы посчитали, что Бахилкову этот труднейший участок будет с руки. Какие будут соображения?

В зале — шок: Сургут без Бахилова? Тишина стояла минут пять, а то и больше. Постепенно оцепенение стало спадать, и на трибуну поднялся главный геолог НГДУ «Сургутнефть» кандидат геолого-минералогических наук Р. Мамлеев:

— Конечно, красть средь бела дня чести не делает. Но доводы обкома весомы. И мы, пожалуй, согласимся, но при условии. Просим обком: надо записать в решение пленума — ходатайствовать перед ЦК КПСС и правительством о присвоении Бахилкову звания Героя Социалистического труда!

Анатолий Зубарев

О присвоении названий улицам города Сургута

Рассмотрев представленные ходатайства трудовых коллективов ... молодежного центра спортивного туризма «Югория» о присвоении одной из улиц города Сургута имени С.Н. Безверхова и учитывая рекомендации комиссии по переадресовке, присвоению названий улицам и нумерации зданий и сооружений в городе (протокол от 23.11.98), городская Дума решила:

1. Присвоить:

— вновь строящейся улице от улицы Дзержинского до улицы Республики — имя Сергея Безверхова...

2. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на первого заместителя мэра Новицкого В.Ф.

Мэр

А.Л. Сидоров

*Из решения городской Думы города Сургута
Ханты-Мансийского автономного округа
Тюменской области
№ 141-ПГД
от 30 декабря 1998 г.*

С.Н. Безверхов (погиб в 1988). Человек из песен Высоцкого: альпинист по имени «Снежный барс». Мастер спорта, призер чемпионатов СССР, первовосходитель многих вершин.

«Как будут без нас одинокі вершины»

*Я сердце оставил в Фанских горах,
Теперь бессердечный хожу по равнинам,
И в тихих беседах, и в шумных пирах
Я молча мечтаю о синих вершинах.
Лежит мое сердце на трудном пути,
Где гребень высок, где багряные скалы,
Лежит мое сердце, не хочет уйти,
По маленькой рации шлет мне сигналы.
Когда мы уедем, уйдем, улетим,
Когда оседлаем мы наши машины, —
Какими здесь станут пустыми пути,
Как будут без нас одиноки вершины.
Я делаю вид, что прекрасно живу,
Пытаюсь на шутки друзей улыбнуться,
Но к сердцу покинутому моему
Мне в Фанские горы придется вернуться.*

Ю. Визбор

Необъяснима тяга к горам тех, кто хоть раз поднялся на вершину. Наверное, прав певец гор Визбор, сам не единожды побывавший в штормовке альпиниста: там ос-

тается сердце. Приступая к работе над очерком о Сергее Николаевиче Безверхове, я, конечно же, предполагала, что в истории его жизни немало интересного. Но такого нагромождения событий и дат, мистики и совпадений... Годы, прошедшие с трагического дня гибели Безверхова, совсем не сказались на чувствах и привязанности к нему тех, кто имел счастье жить и работать с Сергеем Николаевичем. Все свежо и живо... Он до сих пор с ними. И с нами.

Личность Сергея Николаевича уникальна. Уходящий век нередко удивлял нас такими. Коренной ленинградец, той еще петроградской закалки, крепкий и подвижный, ершистый, честный и принципиальный, мужественный и стойкий, романтический и сугубо практичный... На снимке тех лет — настоящий киноактер. Щегольские шляпа и кашне, мудрые и лукавые глаза.

В наш город он приехал случайно. У жены, Любови Федоровны, в Сургуте жила сестра. Город Ухта Коми АССР, куда был направлен по распределению Сергей и где довелось этой семье жить-поживать, все чем-то не нравился, вот и решили махнуть в город на Оби. К тому времени «в багаже» было двое ребятишек, страсть к покорению горных вершин, несколько десятков восхождений и Любовь. Любовь к единственной в жизни женщине — жене. Во имя и ради которой он покорял свои высоты, в разное время — разные.

Странно и необычно начинались их отношения. Именно эта хрупкая девочка, студентка экономического факультета Ленинградского горного института, стала той

первой, поначалу совершенно недоступной вершиной, которой ему, студенту того же вуза, пришлось добиваться долгие годы. Да, в то время девушки были неприступными, как скалы.

Уроженка Средней Азии, Люба с детства знала, что такое горы. И ходила, и «брала», и никогда никого не подвела, вопреки недоверию тренеров. Так что бойцовский характерец тоже имелся. Он-то и помог девчужке из далекого кишлака поступить в престижный институт северной столицы, стать его жительницей, пусть и временной. По рассказам подруг-студенток Люба знала, что есть, дескать, на геофизическом факультете какой-то совершенно замечательный Сергей — душа факультета, весельчак и балагур, широкая натура. Встретиться им до самого окончания учебы не довелось. Но судьбу не обманешь, она медленно, но верно вела их жизненные дорожки к точке пересечения, достигнув которой, эти двое поняли, что созданы друг для друга.

Любочка — красавица. И в подтверждение сего имела кучу поклонников. За одного из них — статного и пригожего — она собиралась выйти замуж. Все было решено, оставались детали, но какие-то мелочи все не увязывались.

Это был Божий промысел: они познакомились. Случайная встреча на свадьбе сокурсницы вмиг поменяла все. Сергей Безверхов, тот самый, тот замечательный, сразу же предложил ей руку и сердце. Что по тому дале-

кому, нравственно строгому шестьдесят шестому году было как-то неожиданно скоро. От неожиданности или испугу она сказала «нет». И прошел год, прежде чем Люба и Сережа, испытав свои отношения на прочность, стали настоящими мужем и женой.

Распределили их в разные уголки страны: ее — на Дальний Восток, его — в не менее «дальнюю» Ухту. Все это время Люба терзалась, как быть. У нее был жених, который регулярно писал ей письма. Но был и Сережа, и женское чутье подсказывало: только он — тот самый, та половинка, та настоящая любовь. Сергей не знал адреса, куда распределили его Любушку, но фанатично писал письма «в ту сторону», в сторону Дальневосточного геологического управления. Почтальон, чудом обнаружив адресата, принес как-то сразу гору писем... Кое искали Любу-Любовь по всему Дальнему Востоку — и нашли. Сергей каждый день рассказывал о себе, о своих буднях, обычно суровых, а у него — ярких и насыщенных, писал о прочитанных книгах, делился планами совместной жизни. Письма его были захватывающе интересными, как романы. Сейчас так не пишут.

Тот роман в письмах Любовь Федоровна хранит до сих пор. Может быть, именно эта гора и растопила оставшийся ледничок недоверия и извеч-

Зацвело все вокруг...

ной девичьей осторожности. Люба сказала «да». И никогда не пожалела о своем выборе.

Он приехал. Сам оформил открепительные документы в московском министерстве и увез к себе. Гора с горой сошлись и зажили в счастье и радости. Потенциальный жених испарился из мыслей как прошлогодний снег. Чем взял?

— С ним было так интересно, он столько знал, его рассказы можно было слушать часами. Сергей значительно уступал претенденту внешне, но зато внутренне... Он никогда не был «сереньким». Очень восторженный, с горящими глазами, он очень красиво говорил и красиво ухаживал. Был настоящим рыцарем. Рыцарем по отношению к жизни. Мог покорять — и покорил.

Именно жена подарила мужу мысль о горах. Сергей имел понятие о горной романтике, слышал рассказы друзей, будучи на практике в Киргизии, но Люба, как настоящая горянка, так говорила о своей родине... Бывший самбист Сергей Безверхов «заболел» горами. Но первые совместные планы о великих восхождениях, увы, не сбылись. И по путевке в Талгар в 1966 году он поехал один, ее не отпустили с работы. Позже они вместе побывали в горной Дугабе, Варзобе, Шхельде. Семейный альбом хранит великое множество фотографий той счастливой поры. На них на фоне величественных гор и необъятного неба — одухотворенные лица, огромное счастье и великая любовь.

А потом Люба стала мамой.

— И мы решили, раз Сергею это так необходимо, пусть ездит на сборы, пусть тренируется, а я ему нужнее

именно здесь, дома. Чтобы, как ни тянуло в заоблачные выси, ему было куда возвращаться.

*Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
горы будят у нас — и зовут нас остаться.*

*Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем,
потому что всегда мы должны возвращаться.*

В. Высоцкий

После Алеши родилась Саша. Вместе с мамой ждали папиных возвращений, его рассказов. А Сергей Николаевич шел вверх и вверх, в прямом и переносном смысле. В 1969 году он взял уже несколько сложных вершин, по горной «системе координат» это были вершины третьей, четвертой категории сложности. И далее каждый год — все серьезнее, все «круче». Сергей выступал в техническом классе, представлял команду альпинистов на первенстве Союза.

— Все свои медали и звания он получил как раз в то время. 1972-й год — Пик Ленина — 7 тысяч 134 метра, 1974-й — второе место в чемпионате СССР в техническом классе, 1976-й — первопрохождение и третье место в чемпионате СССР, 1987-й — Хан-Тенгри — 7 тысяч, Пик Коммунизма — 7 тысяч 495 метров... За покорение семитысячников он получает звание — «Снежный барс».

*Вот это для мужчин — рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин, чтоб не вступать в игру,
А есть такой закон — движение вперед,
И кто с ним не знаком, навряд ли нас поймет.*

Ю. Визбор

Не каждый начальник, руководитель предприятия понимал эту необъяснимую тягу Безверхова к горам. И обязательное его условие руководству — продолжительный отпуск летом. Начались конфликты, переходы с одного места работы на другое. Из рабочих вышкомонтажного управления Сергей Николаевич ушел в преподаватели в нефтяной техникум. Молодежь любила своего наставника, его стиль общения и особую манеру преподавания.

Храм Он был педагогом от Бога. Его слушали раскрыв рты. Шутки Безверхова разлетались среди студентов и оставались в их памяти как особые, безверховские афоризмы. Несмотря на успехи, Сергей Николаевич снова ушел, теперь в геофизику, где все сложилось всерьез и надолго.

...Трепетной нервной рукой перебирает фотографии Любовь Федоровна. Их много, на них — моменты счастья и радости. Они пронизаны светом и теплом взаимных чувств, а неземная красота гор только дополняет красоту отношений между этими людьми. Вновь и вновь всплывают в памяти незабываемые моменты побед: его и ее. Их.

— Сережа очень любил восточную поэзию, по любому поводу Омара Хайяма цитировал. Вообще, он был

настоящим энциклопедистом. Вот это старое издание, не знаю, какого уж года, ему подарил отец. На нем он и рос, знал все и про всех. И всегда стремился поделиться знаниями и новыми открытиями.

Детей он воспитывал очень жестко. Был к ним столь же требовательным, как к самому себе. Если и были у нас ссоры, то лишь по этому поводу. Саша, дочурка, иногда обижалась... Едем на дачу, он строит, а ей поручено собирать щепочки, чтобы землю не мешали обрабатывать. Ее это обижало. А он говорил, это просто необходимо воспитывать. Я работаю, пусть они тоже трудятся. Не очень уж это важное дело, но собрать нужно, иначе начнешь копать огород — щепки будут мешать.

Сережа всегда все делал на совесть. И дачу сам построил, и погреб там глубокий, чистый, сухой. Везде у всех вода, а у нас — хоть танцуй. Идут, бывало, соседи мимо, а он словно крот или бульдозер копается там. Один, вручную. Только комья земли веером разлетаются во все стороны.

Сам все сделал, мне на память. Мы с внучком Сереженькой бываем на даче каждые выходные. Посмотрю на хозяйство — и тепло становится, ко всему его руки прикасались, на всем — его дыхание.

Сразу же, с первых дней жизни в Сургуте Сергей Безверхов начал искать единомышленников. В городе, выстроенном в самом центре великой болотистой низменности, он, как инструктор альпинизма, мастер спорта СССР, взялся за создание альпинистской секции. С Женьей Федоренко, Федореночкой, своей ученицей, любимицей и в хорошем смысле «протеже», он встретился в семьдесят седьмом году. С этой встречи все закрутилось еще быстрее. В том же году в альпинистский лагерь, где альпинисты, подтверждая наработанное мастерство, сдают спортивные нормативы и получают разряды, поехали два человека, а в семьдесят девятом — уже шестеро. В то время эти лагеря на Памире, Тянь-Шане, в других горных районах необъятного Союза были постоянными, имели всесоюзное значение. С 1978 года в Сургуте официально зарегистрирована сургутская альпсекция.

Эта группа единомышленников, горных фанатов, славилась необыкновенной дисциплиной. Практически каждый вечер напряженного трудового дня после основной

работы спортсмены летели в залы, арендованные бог знает где. И занимались, самозабвенно, стоически, не побоюсь этого слова — творчески. Первое крупное мероприятие сургутской альпсекции состоялось в 1980 году. В честь 50-летия Ханты-Мансийского автономного округа сургутяне, найдя безымянную вершину на Памиро-Алтае в Средней Азии, организовали экспедицию и совершили первовосхождение. Теперь там красуются вымпелы и памятная доска, которая, в соответствии с положительным решением Всесоюзной комиссии по географическим названиям, зовется Пик Ханты-Мансийск. Наверняка мысленно этот подарок Сергей Николаевич посвятил своей жене. Ведь именно Средняя Азия дала ему счастье: профессиональное и личное, человеческое.

Спустя пару лет в том же районе было совершено еще одно первовосхождение, на другую безымянную вершину, ребята назвали ее пиком Сургутских нефтяников. Эти вершины значатся во всех географических картах.

С годами росло спортивное мастерство членов альпсекции, их постоянной мечтой была организация более сложных восхождений, высотных, коими считаются вершины высотой более шести тысяч метров. И уже в 1984 году любимица Женя Федоренко, за четыре года «сделавшая» кандидата в мастера спорта — полновесная уже альпинистка, вошла на семитысячник, пик Евгении Корженевской.

...Собирая в один круг желающих рассказать о Сергее Безверхове и сообщая его друзьям об идее издания этой книги, я и думать не смела о таком отклике. На

своеобразный вечер его памяти пришли 12 человек. И вспоминали, перебивая друг друга, и взрывы смеха сотрясали стены маленькой кухоньки. Они живо помнят все его жесты, фразы и словечки. А любимые до сих пор летают из уст в уста.

Например, вот эта, традиционно символизирующая начало восхождения: «Внимательно следите за движением моей правой руки. От винтей!». Или эта, прозвучавшая в ответ на вопрос наивной газетчицы: мол, что вы чувствуете на вершине горы? «Когда, обмороженный, усталый и злой, как все черти ада вместе взятые, на карачках вползаешь на вершину, то ощущаешь только затемненную психику и желание немедленно спуститься вниз», — отвечивал Сергей Николаевич.

Близкий друг Безверхова преподаватель Сургутского музыкального училища Евгений Иванович Гусаков говорил о Безверхове только в превосходных степенях.

— Я рад, что этот человек остался в памяти Сургута. Более достойную и уникальную личность трудно себе представить. Он был первым и единственным альпинистом на весь город, город, построенный на болотах. Для несведущих: альпинисты «растут» только в горах.

Однако самые сильные альпинисты живут как раз в равнинных городах — Москве, Екатеринбурге. Дело совсем не в горах, дело в личности, в характере. Сергей всем этим обладал. Появившись в городе, он начал обрывать дружба. Создал секцию, в которую вошли фанатики. Он всех заразил. Из всех спортивных секций, которые были и будут еще — хорошие, очень хорошие, я не спорю, альпсекция на порядок, на голову выше. Работали бескорыстно, никто не получал ни рубля, все только тратили. Но делали это с громадным энтузиазмом. Мы самоотверженно, подчиняясь его напору и трудоспособности, работали, секция росла, пришлось разделить ее на две части, потом на три. Занимались по три раза в неде-

Здание Газпрома

лю, систематически, не пропуская, по два часа в день, в самое неудобное время.

Для Сергея было типичным и вполне нормальным после 20-минутного бега в хорошем темпе, зацепившись пальцами на баскетбольном щите, подтянуться 25 раз. И это в возрасте около пятидесяти лет. Исключительной силы и подготовленности был человек. А по вечерам тренировался в беге. Представьте, сургутская ночь, темнота, сугробы, два часа от профилактория до стадиона, туда-сюда, едва ли не каждый день. Плюс зарядка утром, легкая разминка.

Потрясающие организаторские способности, потрясающее количество времени он тратил на нас. Вел уникальную переписку: горы писем и адресов. В 40-градусный мороз бежал на переговоры со всем СССР. И когда сургутяне-альпинисты выходили в горы, то они были готовы на сто процентов. Кто, где, в какой команде, кто встретит, кто проводит, документы — все было оптимально и по максимуму.

В Сургуте из ничего появилось колоссальное количество действующих альпинистов, около 60 человек. Альпсекция была самой результативной, даже по духу, который в ней царил. Дружба, взаимовыручка, бескорыстие. Ни в одном виде спорта этого в то время не было.

Я узнал Безверхова, когда он работал преподавателем нефтяного техникума. Его очень любили студенты, он обращался с ними не панибратски, но дружески. Для преподавателя это была идеальная личность. Он очень эрудированный человек, историю знал исключительно, в

общем и в деталях. В литературе и философии мог говорить на любые темы, Ницше цитировал «с полпинка», хорошо знал немецкий.

Сергей Николаевич не был «гладким». Кристально честный, исключительно принципиальный, он никому не давал послаблений, не поступался ничем и никогда, и ему это часто вредило. Однажды это стоило квалификации. Горы стали недоступными.

...Мелочный случай. Школа в альплагере. В группе альпинистов были девушки. В больших делах мелочей нет, и на такую «нежную деталь» здесь особого внимания не обращают. На первых порах им очень тяжело, требуется поддержка, но... «никто не звал, а раз пришла — терпи». Всякие есть люди, среди альпинистов, увы, тоже. Кто-то, для пущей важности, зло подшутил над ними, девчонки сдрейфили, Сергей вступился.

На очередном восхождении незаметно, исподтишка «шутник» стал подталкивать да подтыкивать Безверхова ледорубом. Тот возмутился, аналогичным приемчиком ответил на хамство — и был дисквалифицирован. Дело раздули, горячие партийные головы усмотрели в этом едва ли не покушение. Разразился скандал, и ему, альпинисту союзного масштаба, закрыли дорогу в горы. «Ушли» его и из тренеров.

За Сергея вступились, поддержали. «Верхи» смягчились, посадили за парту, как школяра, устроили пересдачу. Он это чувствовал, немного шалил, опаздывал «на уроки», потому что знания у него были не книжные, а заработанные кровавыми мозолями, «вбитые в руки». Без-

верхова восстановили. Хотя и через унижение, как и было принято в то время.

...В горах человек познается быстрее, истиннее, что ли... В высотном альпинизме — свое измерение. Там — борьба, преодоление немыслимых трудностей, там нет ни стартов, ни секундомеров. Одним из главных факторов является психологическая совместимость. И физика: пришел живой — хорошо, здоровый-веселый — отлично. Хотя той самой радости на вершине — нет. Есть смертельная усталость. У каждого организма — свой потолок, своя «точка кипения». Кислородное голодание, обезвоживание, ветер, снег и лед, мороз далеко «за»... Каждый шаг дается бешеным усилием воли, с надрывом, с напряжением последнего нерва. Меняется психика, часты нервные срывы. Многие, начав, не выдерживают. С гор они спускаются старше самих себя на десятки лет. Женя-Женечка испугалась, глянув на себя в зеркало после своего семитысячника. А вот и фотография Сергея — уставший мужчина с остекленевшим взглядом, мумия.

*И нет там ничего — ни золота, ни руд,
Там только-то всего, что гребень слишком крут,
И слышен сердца стук, и страшен снегопад,
И очень дорог друг, и слишком близок ад.
Но есть такое там, и этим путь хорош,
Чего в других местах не купишь, не найдешь —
С утра подъем, с утра и до вершины — бой,
Отыщешь там, в горах, победу над собой.*

Ю. Визбор

Так что же влечет их в горы? Этот вопрос не давал мне покоя на протяжении всего разговора с ребятами. Никто ничего не сказал, хотя в глубине души свой ответ есть у каждого. Те, кто сходил, вернулся и снова пошел, — настоящие люди. То самое, настоящее Человечество. С большой буквы. Только внизу, по суровой логике альпинистов, познается, кто есть кто. Таким был общий ответ.

Сейчас, после распада СССР, альпинизм возрождается. Но возрождается в диком, уродливом, коммерческом виде. В горы идут за деньги. Очень многие гибнут. А недавно, по сообщениям «Новостей», в районе Варзоба альпинистов взяли в заложники.

Сегодня сургутской альпсекции предлагают участие в любом восхождении — но за деньги. А раньше за высокую честь подняться, к примеру, на пик Ленина нужно было бороться. И любое звание теперь можно купить. Без ответственности за истинный уровень подготовки.

...Смерть Сергея Безверхова необъяснима. То ли сработали мистические законы судьбы: всегда случается то, чего боишься. То ли это действительно дичайший несчастный случай. Техника безопасности у него, как у специалиста, всегда была на высоте. Он был мастером, очень дисциплинированным альпинистом, педантом. Этого не могло быть, потому что не могло быть НИКОГДА.

О его осторожности и предусмотрительности, особой интуиции и даре предвидения ходили легенды. Сергей Николаевич — это ходячий знак качества, это гарантия. Рассказывают, что Безверхов, большой любитель встреч

с народом, с журналистами, частенько выезжал в коллективы. Экипировка была что надо: фильмы, слайды. Договариваясь о встрече в очередной раз, спрашивал, есть ли переходник, чтобы подключить аппаратуру для показа слайдов. На том конце телефонного провода отвечают: есть. «Берем свое», — говорит, кладя трубку. Приезжают на место — нет переходника, а он, как подарок, достает свой. И посмеивается. Всегда и везде Безверхов был застрахован от случайностей. Ворчал в спортзале на учеников: «Потише, щеглы. Не хватало, чтобы мы, альпинисты, поломали ноги дома, не добравшись до гор».

Он страховал и других. Был случай: шел по своему маршруту, увидел страховочный трос своего товарища, Ильина, и так, на всякий случай, завел веревку за скальный выступ. А у Ильина вырвались из породы два вбитых крюка, и только петля, сделанная Сергеем Николаевичем, спасла ему жизнь.

Женя Федоренко услышала о гибели какого-то сургутского альпиниста, будучи в Тюмени.

— Причина? Пренебрежение страховкой. Говорили, что мастер спорта. Такой у нас был один, и сердце екнуло: Безверхов? Но сразу остыло: этого не может быть. Чуть позже, читая отчет, с горечью поняла. Он. **НО КАК?**

В тот последний для него поход он шел с Наташей Каминской.

— Мне надо было сделать «пятерку». Сергей Николаевич нашел парней для связки. Сразу сказал: ребята техничные, но камнеопасные, неаккуратные. Чтобы нагрузить камень, встать на него, протянуть страховку, его

надо проверить. «Живой» или, напротив, надежный, капитальный, монолитный. Мы завершили восхождение, спускались обратно по ледянистому склону. Сергей Николаевич торопился сделать контрольный звонок по рации, чтобы на базе отметили время восхождения, контрольный срок. По альпинистским правилам необходимо вернуться к контрольному времени, тогда восхождение тебе засчитывается, а не успел, пропустил время связи — пиши пропало, восхождение могут не засчитать. Бывает, что сигналу рации мешает какой-то гребень. Так было в этот раз, и Безверхов спешил вниз. Все уже развязались, кроме той последней связки тех самых мальчишек. Эта последняя связка и «спустила камни» на тех, кто был внизу. Сергея Николаевича накрыла огромная глыба.

Он чувствовал, что возможен камнепад, даже мне говорил, пойдем левее, но там был лед, идти невозможно.

Он даже не успел ничего осознать. На узкой тропе посреди огромного пространства — прямое попадание. Как предательский выстрел в спину.

Я не могла ничего с собой поделать, теряла сознание, билась в истерике. Я не могла поверить в то, что это произошло. Но надо было везти его домой и, отдавая должное Человеку, оказать последние почести телу.

Его убила нелепость. «Его забрали горы», — сказала Любовь Федоровна.

*Ложь, что умный в гору не пойдет!
Ты пошел, ты не поверил слухам!
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...*

*Если в вечный снег навеки ты
ляжешь — над тобою, как над близким,
наклонятся горные хребты
самым прочным в мире обелиском.*

В. Высоцкий

«Тебе что, больше всех надо?» Всю жизнь Сергея Безверхова сопровождала эта фраза. За ней сторонние наблюдатели, обыватели, среднестатистические граждане привыкли скрывать свою лень, беспомощность и потребительское отношение к жизни. Слава богу, что порой в этой серой массе находятся те, кому действительно больше всех надо. Именно их непокою благодаря сдвигаются горы. Именно на них глядя, мы начинаем стыдиться са-

мих себя. И загораются маяки, что ведут каждого из нас к своим маленьким вершинам. И даже не в обязательной победе счастье. Оно в движении!

...Практически сразу после смерти мужа Любовь Федоровна потеряла сына. А уже после его смерти на свет появился внук Сереженька. Ни разу не выдавший ни отца, ни деда, очень меж собою похожих, он собрал все их капельки. И кушает, как они, и ходит, и разговаривает. И любознательный, и подвижный такой же. Вот и не верь после этого в переселение душ. Внимательно слушает Сережка (храни его Бог!) рассказы друзей-альпинистов, которые частенько собираются в доме Безверховых. Разглядывает фотографии, коих великое множество хранится у Любви Федоровны, думает пацанячьи думы. Унаследовал он от старших Безверховых и глаза лукавые, и характер упрямый, и веселость открытую. Чем несказанно радуется нашу стойкую и мужественную бабушку. Которая краснеет по-девичьи, вспоминая дедсережины проделки, которая по сей день любит его нежно и трепетно и никогда не говорит о нем в прошедшем времени.

Сейчас так любят?

Ольга Гаврилова

Автор благодарит друзей Сергея Николаевича Безверхова, оказавших большую помощь в данной работе: Каминскую Наталью Павловну, Мильтон Татьяну Михайловну, Федоренко (Якубову) Евгению Сергеевну, Пархоменко Людмилу Ивановну, Кривобокова Ивана Федоровича, Плескач Валерия Георгиевича, Гусакова Евгения Ивановича, Куликова Сергея. Особая благодарность и низкий поклон супруге Любви Федоровне Безверховой (Паниной).

О названии улицы города именем генерала Иванова

Учитывая предложения депутатов городской Думы, рассмотрев представленные ходатайства департамента архитектуры и градостроительства администрации города о присвоении одной из улиц города имени генерала Иванова и учитывая рекомендации городской комиссии по топонимике (протокол от 29.04.2003 № 19):

1. Присвоить улице № 12«В» от проспекта Мира до Нефтеюганского шоссе (между микрорайонами № 33, 34) название «Генерала Иванова».

2. Контроль за выполнением распоряжения возложить на заместителя мэра Марана В.Л.

Мэр Сургута

А.Л. Сидоров

*Из распоряжения мэра Сургута
№ 3245 от 6 октября 2003 г.*

С.В. Иванов после окончания Ленинградской военной академии тыла и транспорта был командиром бригады. Генерал-лейтенант, кандидат технических наук.

Будучи заместителем мэра Сургута, убит в Москве в 2002 г.

Нарекли именем генерала

Известие о гибели генерала Иванова я услышала случайно. По радио. Вздрогнув, подумала: «Наверное, однофамилец». Прослушав сообщение еще раз, поняла: это не совпадение. В Москве убили Сергея Владимировича Иванова — заместителя мэра Сургута...

Я встретилась с ним накануне роковой поездки в Москву. За несколько дней до гибели. О генерал-лейтенанте Иванове была наслышана как о человеке думающем, интеллигентном. Убедилась в этом, поговорив с ним более двух часов. Он собирался в столицу всего на несколько дней — повидать сына, а еще походить с семьей по театрам.

Тема моего интервью была довольно «горячей» — власть. На вопросы генерал отвечал искренне. От острых вопросов не уходил, как принято порой у чиновников. Не успел «обтесаться» и усвоить их (чиновников) правила игры? Вряд ли. Еще до службы в мэрии слыл человеком прямым. Но без того «дубового» солдафонства, что присуще многим военным. Думаю, он был настоящим офицером и понятие чести сложилось у него где-то еще на генном уровне...

Сергей Иванов родился 25 октября 1956 года в городе Шахты Ростовской области. В семье военнослужащего. В 1974 году закончил школу и поступил в Московское высшее командное училище дорожных и инженерных войск. За первые шесть лет офицерской службы прошел путь от командира взвода до командира дорожно-строительного батальона. Дальше он будет «расти» так же стремительно. Слыша упреки в карьеризме и протекции папы-генерала.

Из интервью генерала Иванова

— *Может ли большим коллективом управлять достаточно молодой человек, у которого за плечами нет богатого жизненного опыта?*

— Может, если человеку это дано с молоком матери, а дальше он работает над собой, развивает свой талант, данный Богом. Тогда ему по плечу управлять многотысячным коллективом. Тогда не мучаются ни коллектив, ни руководитель, а все получают удовольствие от работы. Есть такие молодые люди, не очень опытные, но со звериной интуицией, звериным чутьем, если угодно — хваткой. Таких людей — единицы на десятки тысяч, но они лидеры по определению. Вот эти люди при стечении обстоятельств могут занять соответствующий пост руководителя крупной организации, предприятия и успешно руководить, параллельно обучаясь на собственных ошибках, ошибках сподвижников, коллег...

...На мой взгляд, Сергей Иванов и сам был лидером по определению. Карьеристом в хорошем смысле этого

слова. Человеком, который не стоит на месте. Всегда идет вперед — по служебной лестнице и вверх — растет сам как личность.

Что касается военной служебной лестницы, кажется, порой он «перепрыгивал» через две-три ступени. Закончив Ленинградскую военную академию тыла и транспорта, он получает распределение в Сургут и должность — заместитель начальника штаба отдельной дорожно-строительной бригады. Через два года Сергей Иванов — начальник штаба. Еще через три — уже командир этой бригады.

Звание подполковника и полковника Сергей Владимирович получил досрочно. Помог ли ему отец? Люди, хорошо знавшие эту семью, говорят, что нет.

Вспоминает Сергей Кружилин, полковник юстиции запаса, военный прокурор Сургутского военного гарнизона с 1993 по 2001 годы:

— Отец Сергея Иванова — военный старой закалки. Сына всегда мог четко поставить на место. И мне говорил: «Если с ним что-то не так, вы мне сразу скажите». Отец никогда не составлял протекции сыну, не двигал его по служебной лестнице. Да сами подумайте, ведь Сергей Иванов при желании мог найти теплое местечко в Москве и остаться там. Но он поехал на Север — в Сургут...

Из интервью Сергея Иванова

— *Общепринято думать, что чиновники падают на лесть. А как вы относитесь к подхалимам?*

— Отрицательно. И люди, которые со мной проработали не один год, а некоторые не один десяток лет, знают, что сам я никогда не был

льстецом и очень не любил слов лести, которые звучали в мой адрес. Просто-напросто это всячески пресекаю, не допускаю. Можете спросить у моих сотрудников...

Думается, стремительная военная карьера Сергея Иванова — суть его личные качества и устремления, а не папина «волосатая» рука. Иванов на звездочках, тех, что на погонах, не почивал. Энергия жизни была из него ключом. Он постоянно учился сам и не давал покоя другим. Владея немецким почти в совершенстве, начал осваивать английский. В 1995 году Сергею Иванову было присвоено звание генерал-майора, а в 1997 году — генерал-лейтенанта. Казалось бы, можно успокоиться. Но он пишет диссертацию. В 2000 году успешно защищает ее и получает ученую степень кандидата технических наук. Чуть позже становится членом-корреспондентом Международной академии инвестиций и экономики строительства. Кстати, на его визитке заместителя мэра именно эти ученые регалии стоят впереди. И лишь в самом конце — воинское звание. Не потому, что он им не дорожил. Просто для Сергея Иванова личностное наполнение человека всегда было важнее формальных должностей и звездочек.

Из интервью Сергея Иванова

— *Вы, принимая на работу специалиста, что прежде всего станете учитывать: его человеческие или профессиональные качества?*

— Прежде всего идет оценка человеческих качеств. А потом он уже оценивается как професси-

онал. Потому что если он обладает прекрасными человеческими качествами, из него можно сделать профессионала, если только он не круглый идиот. Его можно научить выполнять свой служебный долг качественно и в тех объемах, которые требуются. Если человек поступает по меньшей мере некрасиво, от такого надо освобождаться. Особенно эта проблема относится к чиновничьему классу, то

есть к людям, которые по определению должны контактировать и очень плотно работать с населением. Представьте, что население начинает работать с подлецом. Это значит, что дальше пойдут и коррупция, и вымогательство. Именно поэтому и нужно от этой швали освобождаться. И чем быстрее, тем лучше. И дело в конечном итоге от этого только выиграет...

Генеральские звания, между прочим, Иванов получает в самый сложный для армии период. Девяностые можно назвать временем развала российских вооруженных сил. Хотя тогда это называли сокращением. И в это время Иванов умудряется не только «отстоять» свою бригаду, но и добиться создания на ее основе дорожно-строитель-

ного корпуса. Безусловно, это говорит о его уникальных организаторских качествах. А еще о том, что он всегда хотел сделать все как можно лучше. Пусть простят мне высокий штиль и некоторый пафос, думаю, стремление к совершенству — главная черта характера Сергея Иванова. Знак лидера и примета сильной личности.

Отсюда понятны и его постоянное желание учиться, и неуспокоенность в делах казарменных. Иванов и в быту был зарядом со знаком плюс, а не минус. По крайней мере, стремился к этому. Базу своей войсковой части на улице Островского Сергей Владимирович привел почти в идеальный порядок. Некогда заброшенный и практически всегда затопленный подвал переоборудовал вначале под столовую, а потом и в уютное кафе.

Да и сам в жизни всегда выглядел безупречно. По словам Сергея Кружилина, он даже на рыбалке появлялся безупречно выбритым, аккуратно одетым и подтянутым. А ведь, казалось бы, в лесу среди своих близких друзей можно и расслабиться. Просто Иванов, видимо, считал, что уважающий себя человек не может быть не-
Летний город

ряхой. Я видела его и в военной форме, и в «гражданке». В штатском костюме он выглядел столь же безупречно, как и в генеральском мундире.

Угадывалась фигура военного без того портящего многих служака ощущения «будто лом проглотил». В общем, смотрелся вполне по-светски. Казалось, ему по плечу все. И по силам.

Впрочем, так оно и было. Причем легких путей Иванов не выбирал. Когда в Сургуте воинскую часть все-таки расформировали, ему предлагали генеральскую должность в Москве. Отказался.

Из интервью Сергея Иванова

— Люди, которые идут во власть, преследуют самые разные цели: собственную власть, возможность лоббирования интересов тех или иных групп, деньги и тому подобное. Их можно долго перечислять. А вы почему и для чего стали чиновником?

— Вопрос непростой. Так получилось, что, завершив карьеру военного в 43 года, я встал перед выбором. Мне необходимо было определяться: либо оставаться в рядах вооруженных сил с перемещением (тогда пришлось бы уехать из Сургута), либо находить себя уже на гражданском поприще. Поступило большое количество предложений. Я достаточно долго определялся. И когда было сделано предложение мэром — пойти его заместителем, возглавить строительный комплекс, я с большим удовольствием воспринял его. Мне показалось, что это предложение выгодно отличалось от других. Мне показалось, что именно на этой должности я буду востребован. Я согласился. И до тех пор, пока я буду полезен городу,

буду находиться на этой должности. Для чего я стал чиновником? Я и до этого был чиновником, только государственного уровня. Если посмотреть мою анкету, мой послужной список, то это 28 лет чиновничьей службы. Каких-то корыстных целей здесь преследовать не приходится. Мои критерии — это возможность реализовать себя в должности и быть востребованным...

Как военный Сергей Иванов добился многого. Помимо того, о чем я уже рассказала, стоит упомянуть и о наградах. Их немало. Это два ордена: «За службу Родине в ВС СССР» третьей степени и орден Почета. А кроме того, восемь медалей и именной пистолет.

Став заместителем мэра, Сергей Иванов тоже хотел добиться многого. Для Сургута. В тезисах своего выступления на городской Думе он формулирует задачу так: научиться строить быстро и качественно. А цель: создать город, достойный нас с вами, город, где живетсЯ уютно и комфортно.

Кто-то может сказать, что 2000 год — начало гражданской службы Сергея Иванова — время очень удобное для свершений. Бюджет Сургута не только наполнен под завязку, но и переполнен. Деньги есть — трать не хочу. Все так. На первый поверхностный взгляд. Человек безответственный вполне мог пустить пыль в глаза и построить потемкинских деревень. Сергей Иванов такому искушению не поддавался.

Вот что говорит по этому поводу Александр Швачко, зам. начальника департамента архитектуры и градострои-

тельства: «Главная заслуга Сергея Владимировича в том, что деньги, которые были в бюджете, он сумел грамотно освоить и распорядиться ими во благо города».

При нем и под его руководством был скорректирован генеральный план Сургута, сделаны проекты застройки нескольких микрорайонов, подготовлен эскиз памятника «Основателям Сургута», появились дома новых серий, Музейный центр. Все перечислить вряд ли возможно. Да и есть ли смысл? Ведь это было только начало гражданского пути генерал-лейтенанта запаса Сергея Иванова.

Из интервью Сергея Иванова

— Честный чиновник — это миф или реальность?

— Это реальность. И, поверьте, сегодня честных чиновников гораздо больше, нежели паразитов, по которым пытаются оценивать всю армию чиновников. Абсолютное большинство людей, работающих в городской администрации, на уровне округа, области, федерации, — это честные и порядочные люди, которые добросовестно выполняют служебный долг. Причем свою жизнь за достаточно невысокую плату они положили на алтарь благополучия людей...

Последние строчки из последнего интервью теперь мне кажутся мистически-про-роческими. Сергей Иванов был убит в Москве 25 марта 2002 года. Его именем названа улица между 33 и 34 микро-районами. Один при нем на-чал строиться, второй только проектировался. Улица — как символ того, что Сергей Ива-нов многое успел в своей жизни и... многого не сде-лал. А мог. Ведь ему было всего 45 лет. Один из его близких друзей, по-моему, сказал очень верно: «Жил ярко, как комета, и быстро сторел».

Татьяна Бондарчук

Кварталы нового Сургута

**О названии улиц, связанных
с именами крупных общественных,
политических и исторических
деятелей**

Рассмотрев схему и паспорта улиц, связанных с именами выдающихся общественных, политических и исторических деятелей, и в соответствии с решением исполкома городского Совета народных депутатов № 34 от 19.02.1987 г. по упорядочению направлений и названий улиц, исполком городского Совета народных депутатов решил:

1. Просить облисполком утвердить название и направление следующих именных улиц:

...набережная Кайдалова.

(Паспорта улиц прилагаются).

*Председатель исполкома
За секретаря член исполкома*

**О.Д. Марчук
Т.В. Кряжева**

*Из решения исполнительного комитета Сургутского
городского Совета народных депутатов № 317
от 17 сентября 1987 г.*

И. Кайдалов (погиб в 1921).

Один из первых комсомольцев Сургута. Зверски убит в период кулацко-эсеровского мятежа в Приобье.

Иван

На высоком обском берегу под сенью вековых сосен стоит скромный обелиск, на котором в алфавитном порядке высечены имена шестнадцати сургутян, значок ВЛКСМ, который сейчас стал раритетом, и слова: «Первым комсомольцам от молодежи 60-х годов». Шестым в этом списке значится Иван Кайдалов, чьим именем в свое время была названа одна из улиц города, а ныне — небольшой участок набережной вдоль речки Саймы.

Кайдаловы — фамилия в Сургуте распространенная, но среди них не отыщется ни одного продолжателя рода того человека, которого увековечили земляки. Не успел он оставить наследников, слишком рано оборвалась жизнь Ивана. Этот рассказ основан на исторических фактах, воспоминаниях тех, с кем И. Кайдалов рядом жил, учился и кого уже тоже нет с нами, журналистских поисках

и находках, газетных публикациях. Многие сведения до сих пор неизвестны, не сумели местные историки и краеведы докопаться до истины, до мельчайших подробностей восстановить историю, когда были живы ее свидетели. Поэтому мы не претендуем на глубину исследования, рассчитываем, что оно когда-нибудь будет дополнено.

Родом из детства

Родители первых комсомольцев Сургута братьев Кайдаловых, Александра и Ивана, — из местных: Матвей Матвеевич считался потомственным сибиряком, его брат Егор Матвеевич принадлежал к купеческому сословию, но между родными по крови людьми не было ничего общего. Еще в молодые годы, по воспоминаниям Александра Кайдалова, отец после женитьбы, не желая быть прислужником у состоятельного брата, уехал в Томск. Там он работал в университете у профессора Зайцева в качестве старшего рабочего геологоразведочной группы, которая каждое лето выезжала в экспедиции на Алтай или Урал. Зимой приходилось работать в лаборатории этого вуза, где изучались образцы минералов, в большом количестве привезенные из длительных командировок.

Матвей Матвеевич был неоценимым помощником ученого: он умел искусно готовить шлифы для микроанализов, образцы для коллекций и учебных пособий. В родительском доме Кайдаловых хранились различные минералы, о которых отец мог рассказывать долго и увлеченно. Супруга Матвея Матвеевича Олимпиада Александровна в то же время работала в студенческом буфете, там проявилось ее замечательное кулинарное искусство, которое и в семейной жизни не было последним делом, и в последующем ей пригодилось. Семья могла быть большой: одиннадцать детей появилось на свет, но жили они недолго, лишь троих сыновей удалось сохранить, поднять. Однако одного из них — Виктора — впоследствии тоже потеряют, произойдет это уже в Сургуте. Родители примут решение вернуться на родину: чужбина не принесла им радости и счастья.

В Сургуте их, естественно, не ждали, не было тут, как говорится, у них ни кола ни двора. Идти на поклон к зажиточно живущему брату Матвей Матвеевич не пожелал, устроился работать в Народном доме. Глава семьи был кем-то вроде завхоза, а мать убирала помещения, работала в так называемой чайной, где и проявила свои врожденные и приобретенные изумительные поварские способности, ее пирожки все домочадцы, а особенно сыновья и их друзья, просто обожали. Здесь же, при Народном доме, семья жила, впоследствии купили собственный дом: видимо, и в Томске удалось скопить немного денег, и на новом месте работы кое-что откладывали, чтобы своим углом обзавестись.

Дом был не из новых, но вполне приличным, просторным, места в нем было в избытке. Бывший хозяин, видимо, строил его с таким расчетом, чтобы и семьям сыновей было где разместиться. Одно время квартировала у Кайдаловых семья бывшего моряка Балтфлота, который во время кулацко-эсеровского мятежа 1921 года возглавил небольшой отряд коммунистов и комсомольцев. Присутствие в доме балтийца, «университетские» годы жизни родителей, когда они расширяли свой кругозор, не могли не сказаться на воспитании Александра и Ивана, они росли любознательнее многих своих сверстников, все схватывали на лету.

Жили Кайдаловы открыто, дружили с соседями, ребятами проводили вместе все время — и в школе, и на досуге. Дети не доставляли много хлопот взрослым, которые вели свое единоличное хозяйство, как и большинство сургутян. Иван был на три года старше Александра, учился он вначале в церковно-приходской школе. О том времени его одноклассник В. Баталин вспоминал так: «Оба мы с ним были усердные, не помню, чтобы получали отметки ниже пятерки. Всегда наш Ваня мужественно заступался за меня. Мы окончили школу с похвальными листами.

Иван был смуглолицый, черноглазый, коренастый, крепкого телосложения. Играл на гитаре, немного пел. Любил природу и часто рисовал с натуры. Отличался трудолюбием, был требователен к себе и товарищам. Не терпел фальши и легкомыслия. Умел убеждать, потому что сам искренне верил в то, к чему призывал. Если, бывало, чем-то заго-

рался, то своей убежденностью и энергией увлекал всех нас». К сожалению, как не раз впоследствии писал и говорил Александр Кайдалов, ни одной фотографии брата ни у него, ни в семье не оказалось, по той простой причине, что в Сургуте в те годы фотографа не было.

В Сургуте действовало еще и высшее начальное училище, где сложилась группа передовой, прогрессивно настроенной молодежи. Эта группа в дальнейшем станет боевым ядром, вокруг которого сплотится молодежь, поможет ей сформироваться сургутская группа РКП(б). На общегородском митинге будет создана первая комсомольская ячейка, в которую войдут учащиеся высшего начального училища Тая Яркова, Валентина Конева, Пана Лихачева, Михаил Щепеткин, братья Кайдаловы... Первым председателем ее, а затем и первым председателем Сургутского уездного бюро РКСМ изберут Ивана Кайдалова.

СК «Факел»

31 января 1920 года — эта дата на протяжении многих десятилетий отмечается как день рождения комсомольской организации Сургута.

Они были первыми

Журналисты Новомир Патрикеев, Николай Ездаков спустя много десятков лет попробуют восстановить историю деятельности комсомольской организации в двадцатые годы. Очень активно подключится к этому

Александр Матвеевич Кайдалов, кое-кто из первых комсомольцев, которые в последующие годы уехали из Сургута, но сохраняли тесные связи с его жителями, со школьниками, занимавшимися поисковыми работами.

Как вспоминали первые комсомольцы, они слабо представляли в то время, чем должны были заниматься: ни литературы, ни инструкций в тот момент в городе не было. На первых порах кое-кто полагал, что Союз молодежи — это некая культурная организация, из этого и надо было исходить, строя работу. А когда задумались над словом «коммунистический», то прозрели, и некоторые даже в попутчиках не пожелали остаться. Но почти у тридцати молодых сургутян было горячее стремление принести пользу стране, наполнить свою жизнь новым содержанием. Все стало более или менее понятно, когда пришли документы из губкома, разъясняющие задачи и цели комсомола. Ряды активистов быстро множились, комсомольская организация разрасталась. Собрания проводились чуть ли не каждую неделю, до конца 1920 года их состоялось около восьмидесяти, на них обсуждались самые острые, насущные вопросы того времени. Никого не нужно было просить дважды, напоминать о чем-либо, каждый старательно выполнял поручения.

Тогда молодые сургутяне много занимались общественно полезным трудом. Комсомольцы оказывали помощь фронту, голодающим Поволжья, проводили субботники по разгрузке барж, заготовке и вывозке дров для школ и больницы, трудились на починке тары под соль, муку. Они разбирали непригодные здания, чтобы

из них построить летний театр, вели перепись детворы, сбор кедровых шишек, организовывали экспедицию «красной культлодки» по деревням. Комсомольцы были лекторами, агитаторами, информаторами, которые просвещали северян, участниками художественной самодеятельности. Им можно было поручить все: открыть в деревне школу грамотности, избу-читальню, организовать какой-либо кружок. Всюду сверстники встречали их с радостью, потому что они несли свет новой жизни, открывали для себя и для других новые ее грани.

Были созданы драматический кружок, кружок струнных музыкальных инструментов. Самодеятельные артисты разучивали произведения, соответствующие времени и моменту, исполняли их на митингах, собраниях. Сургутские комсомольцы любили политические песни, которые воодушевляли всех, призывали к самоотверженному труду, к битве за правое дело. Молодежная организация беззаветно трудилась на так называемом союзном огороде. Особой заботой ее были окружены семьи тех, кто добровольно отправился на фронт. Например, известен факт, когда трем молодым сургутянам, пожелавшим участвовать в боевых действиях, выдали два аршина красной материи — чтобы сделать из нее флаг, в их честь была исполнена революционная песня. Наверное, все это покажется с позиции сегодняшних дней очень наивным, но так было, молодые сургутяне искренне верили в идеи Октября, которые, как их учили, должны были принести всем народам справедливость, равенство, братство и еще много того, о чем они мечтали.

Военно-патриотическому воспитанию в комсомольской организации отводилось едва ли не первое место. Все очень интересовались положением дел на фронте, ликовали, когда Красная Армия громила врага, выражали готовность встать на защиту Отечества, светлых ленинских заповедей. Несли последнее во время сборов посылок для красноармейцев — это были и теплые вещи, и деньги. Установлено, что с белополяками сражались 25 комсомольцев Сургута, а с Врангелем — пятнадцать человек.

Душой и совестью комсомольской организации стал Иван Кайдалов, который беззаветно был предан порученному ему делу. Он пользовался непререкаемым авторитетом, был заводилой, за все брался энергично, азартно. Родители не корили сыновей за то, что общественные интересы преобладали над всем остальным. Они не отговаривали ребят и тогда, когда те решили связать свою судьбу с комсомолом, а это было не так уж безопасно: не все в Сургуте в ту пору приветствовали создание комсомольской организации, ее активную просветительскую работу. Хватало тех, кто выжидал момента, чтобы расквитаться с теми, кто разбудил глухой таежный край, принес идеи социализма.

Когда потребовалось создать ячейки в обских селениях, то поручили их организовать Ивану. В семье отъезд сына, как ранее и другие отлучки тоже, восприняли спокойно, хотя пара сильных мужских рук в домашнем хозяйстве никогда не была лишней.

Иван Кайдалов стоял у истоков рождения нескольких комсомольских ячеек как инструктор-организатор.

Он агитировал молодежь, проводил беседы, создавал ячейки. Одним словом, оказался прирожденным вожаком, за которым безоглядно шли, кому верили.

Всего семь месяцев Иван руководил комсомольской организацией — его решили отправить на учебу, а председателем учкома избрали А. Рокина, секретарем — Т. Яркову, которая была одной из самых активных комсомолок. И, наверное, счастливо сложилась бы судьба первого комсомольского лидера сургутской молодежи, больших высот смог бы он добиться, если бы не последующие события, которые для Ивана Кайдалова и многих его земляков закончились трагически.

«Да здравствует революция!»

В 1921 году на Севере вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж, который сегодня называют крестьянским восстанием. Об этих тревожных событиях подробно рассказывается в книге «Мы не знаем пощады...», повествующей о малоизвестных страницах из истории края, в письмах первых комсомольцев Сургута, которые внесены в дневники журналиста И. Ездакова и переданы на хранение в Сургутский краеведческий музей.

Местные кулаки и остатки колчаковских банд предприняли попытку свергнуть Советскую власть в Сургутском уезде, но встретили сопротивление коммунистов и комсомольцев, которые представляли тогда небольшую силу.

Сургут переживал голодное время, не хватало хлеба; пользуясь моментом, кулаки припрятывали его, чтобы вызвать недовольство людей. Произошел, к примеру, такой случай. Из Тобольска в Сургут отправили обозы с

хлебом. В одном вместо муки были погружены разбитые сани, оглобли, колеса и другая рухлядь. Кулаки внушали землякам, что Советская власть отныне так и будет их кормить. Провокация удалась, народ взялся за оружие.

В Сургуте было объявлено военное положение. Революком начал формировать вооруженные отряды добровольцев. Один за другим их направляли на сборный пункт в Самарово. В одном из приказов, изданных уездным Во-

енно-революционным комитетом в феврале 1921 года, есть такие строки: «От лица рабоче-крестьянской власти Советов и РК Красной Армии объявляется благодарность юным красным орлам — членам сургутского Союза комсомольской молодежи, вступившим добровольно в ряды красноармейских коммунистических частей Сургутского гарнизона. Честь и хвала юным героям, сознающим необходимость помощи своим старшим товарищам и ставшим в боевые ряды в тревожный момент, переживаемый краем Тобольского Севера». Приказ подписан предуездвоенревкома Зыряновым и членом комитета Зориным.

В деревнях и селах, захваченных бандитами, творились дикие расправы над коммунистами и комсомольца-

Кинотеатр «Аврора»

ми. В воспоминаниях одной из первых комсомолок Таисии Ярковой говорится о том, что каратели вспарывали своим жертвам животы, набивали их соломой и писали: «Разверстка выполнена». Она видела собственными глазами такую расправу над Борисом Лосевым, пятнадцатилетним сыном коммуниста. Мертвый, он был поставлен в сугроб у дороги в назидание всем, кто попытается оказать сопротивление.

В первой декаде марта мятежники захватили Сургут. Командир отряда Антонин Петрович Зырянов увел последний отряд добровольцев в сторону Нарына. А в городе расправлялись с теми, кто не успел эвакуироваться, кого бандиты привезли сюда для казни в назидание остальным жителям. Каратели арестовывали одного за другим оставшихся в Сургуте коммунистов и комсомольцев, которых выдавали предатели. Туго приходилось и семьям тех красноармейцев, активистов, которые оставили город, чтобы собраться с силами и нанести сокрушительный удар по врагу. Бандиты отбирали скот, уводили единственную кормилицу-корову, под прицелом ружья заставляли женщин долбить стылую землю, строить укрепления на речке Бардаковке, варить им еду.

Сургутянка А. Королева вспоминала, как арестовали ее подругу — Веру Силину, как по ночам белогвардейцы приходили в камеры и отводили комсомольцев на расстрел. «Я с двоюродной сестрой Меншиковой Марией, — пишет она, — носила передачи Вере Силиной. Однажды мы заглянули в стойки для скота, которые находились во дворе тюрьмы, — в них беспорядочно, друг на друге ле-

жало множество окровавленных тел коммунистов и комсомольцев». Кому-то удалось из этой кровавой бойни выйти живым. Например, спаслась Тая Яркова, которую после долгих мытарств отправили в село Горно-Слинкино, где она пряталась все страшное время. А вот Ивану Кайдалову не повезло.

Коммунистический отряд Бабушкина, в котором находился Иван Кайдалов, по пути следования в Самарово попал в умело подстроенную бандитами ловушку. Случилось это в деревне Зенково. Многие, по словам А. Кайдалова, тогда погибли на месте. Ивана и другого сургутского комсомольца — Михаила Щепеткина — отправили в родной город в тюрьму. Мишу спас его старший брат, который буквально выхватил его из-под пуль — бандиты не успели даже глазом моргнуть. Хотел он спасти и первого вожака сургутских комсомольцев — не получилось.

Иван был подвергнут тяжелым, нечеловеческим пыткам, его пугали словесно, требовали, чтобы он отказался от своих убеждений, пытались морально сломить молодого человека, обещая взамен свободу и жизнь. Все было бесполезно: юноша держался стойко. Тогда назначили день казни — первый день Пасхи, который пришелся на 1 мая 1921 года (по старому стилю).

В тот день мать Ивана Олимпиада Александровна пришла к тюрьме рано утром, чтобы передать сыну продукты. Бандиты пообещали устроить ей свидание, впустили во двор казенного учреждения. Они хотели покуражиться над женщиной и самым дорогим для нее человеком — ее

сыном, устроить что-то вроде спектакля, поглумиться над людьми, неспособными оказать достойное сопротивление. Полураздетого Ивана вывели из помещения, поставили к забору. Побряцали винтовками, попугали и вернули назад в камеру. Каково было выдержать эту сцену матери, на глазах которой происходило это глумление!

Снова начались уговоры о том, чтобы комсомолец отказался от своих убеждений, покаялся, но все было напрасно: Иван держался мужественно, не давал повода бандитам праздновать победу. Его опять поставили к забору — на этот раз пощады ждать не приходилось. Кайдалов был спокоен, держался с достоинством, и это еще больше распаляло врагов. Свидетели той расправы запомнили слова, произнесенные вожаком сургутской молодежи: «Убивайте! Всех нас не перебить и Советскую власть не задушить. Да здравствует революция!»

Тогда же погибли другие комсомольцы Сургута: Яков

Хворов, Таисья Зорина, братья Лукичевы, Александра Новосельцева...

Брат Ивана Александр находился во время кулацко-эсеровского мятежа в отряде Антонина Зырянова, принимал участие в боях под Нижневартовском, в Мурасово, Широкове. В Сургут освободители прибыли в конце мая в больших лодках вместе с

бронепароходом «Алтай». 29 мая 1921 года город был полностью освобожден. После ликвидации мятежа А.М. Кайдалов продолжил активную работу в качестве члена Сургутского укома. Потом учился в Уральском политехническом институте, который закончил с отличием. Александр Матвеевич под влиянием своего старшего брата приобщился к комсомольской и общественной жизни, в последующем стал хорошим специалистом, был на руководящей работе более четверти века, его труд отмечен многими наградами. Он много раз приезжал в свой родной город, помогал воссоздавать историю сургутского комсомола, поддерживал самые теплые отношения со старожилками.

В 1935 году, когда отцу Матвею Матвеевичу было семьдесят лет, а матери Олимпиаде Александровне — 67, родители переехали из Сургута в Свердловскую область — к своему единственному сыну. Отца не стало через год, а мать ушла из жизни на 93-м году. Олимпиада Александровна нередко вспоминала об Иване, рассказывала о нем своим приятельницам, и всегда в ее словах звучала гордость за сына, который героически погиб, но не пошел на сделку с совестью.

В уже названной книге «Мы не знаем пощады», автором которой является А. Петрушин, помещен очерк «По следам «северных купцов». Он повествует о том, как были разоблачены организаторы мятежа в Сургутском уезде, как расследовались обстоятельства расправы мятежников над местными комсомольцами и коммунистами. Одним из главарей бандитов был А. Силин, который преподавал в выс-

шем начальном училище математику. Ученики дали ему прозвище «Пифагоровы штаны во все стороны равны».

Через год после мятежа в Сургут был направлен уполномоченный губчека ГПУ, чтобы на месте изучить документы: военные сводки, докладные записки, телеграммы и прочие бумаги, подписанные Силиным и другими членами комитета общественной безопасности, как они именovali себя, которые несколько месяцев удерживали власть в Сургуте и его округе. В книге есть и такой эпизод. Будто бы прибывший остановился в родительском доме Кайдаловых. Между ним и матерью состоялся разговор о том, что она просила мятежников отпустить сына на поруки, но ей отказали, сославшись на то, что Иван — преступник, что он не меняет своих убеждений. Уполномоченный губчека пообещал, что главарей найдут и будут судить.

И действительно, Силина разыскали в феврале 1923 года в лесу, где он скрывался около двух лет. Нашли и других главарей и организаторов мятежа. Но следствие и суд не выявили непосредственных участников казни Ивана Кайдалова и других коммунистов и комсомольцев. Организаторов мятежа приговорили к расстрелу, однако в связи с амнистией в честь годовщины Октября это наказание заменили десятилетним сроком лишения свободы.

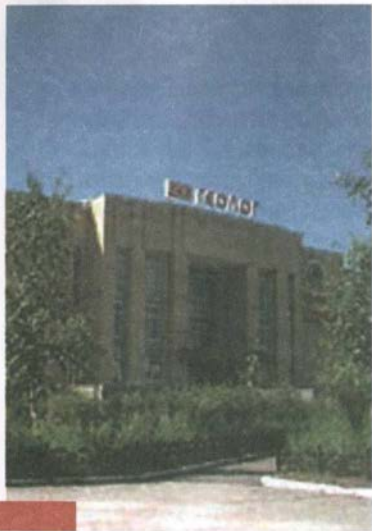
Память людская

Памятник первым комсомольцам Сургута, с которого начался этот рассказ, был установлен 5 октября 1969 года, а двумя днями позже состоялось его торжественное открытие. История его строительства, а также дру-

гих обелисков собрана бывшим первым секретарем Сургутского горкома комсомола Г.Ф. Пономаревым. В свое время он был одним из лидеров молодежи в Березовском районе Ханты-Мансийского округа, занимался сбором материалов о становлении районной комсомольской организации, Советской власти в этом уезде и т.д. Переехав в Сургут, Геннадий Федотович знакомится с историей здешней комсомольской организации. Его, в частности, заинтересовал деревянный памятник борцам за свободу, который был установлен на братской могиле в Тундрино. Простоял он более сорока лет, а потом был перевезен в сургутский музей. Лидер сургутской молодежи внес предложение: на средства, заработанные комсомольцами, построить памятники борцам за Советскую власть, а также первым комсомольцам в селах Тундрино и Локосово, деревне Юган и в Сургуте. Договорились с руководством студенческого строительного отряда, командиром которого был Леонид Рокецкий, а главным инженером Семен Билецкий, о выполнении необходимых работ. Вначале воздвигли памятник в Тундрино, затем — в Локосово. Комсомольцы проводили субботники, заработанные деньги перечисляли на счет горкома ВЛКСМ. За ходом строительства обелисков внимательно следили руководители города. На памятнике начертаны слова Николая Ездакова: «Они свершили прометеев подвиг, нас вырвав из невежества и тьмы...» В составлении списка первых комсомольцев Сургута неоценимую помощь оказал местный краевед Флегонт Яковлевич Показаньев.

ная история. Например, бригада отделочниц из пятидесятого управления треста «Сургутгазстрой», руководимая Тамарой Лаптевой, поддержав движение «Работать за себя и за того парня», включила в свой состав Ивана Кайдалова. Его брат Александр Матвеевич, узнав об этом, порадовался за тех, кто хранит память о прошлом, умеет ценить его, соблюдает преемственность поколений. Он переписывался с девушками, следил за успехами бригады.

Над памятником первым комсомольцам взяли шефство сургутские школьники, особую активность проявляли ребята из школы-интерната, которой в семидесятых годах руководила Г.И. Шилова. В наиболее знаменательные даты у обелиска стоял почетный караул, здесь про-

Возобновилась переписка с первыми комсомольцами, проживающими за пределами города, им отправили приглашения участвовать в городской отчетно-выборной конференции, фотографии памятника. На встречу прибыли комиссар отряда красных бойцов А. Вейс, комсомольцы двадцатых годов А. Кайдалов, А. Меньшиков и другие. В свои ряды комсомольско-молодежные бригады включали своих сверстников, с которых начиналась слав-

ходили дружинные пионерские сборы, встречи с ветеранами, сюда шли молодожены, чтобы возложить к подножию мемориала цветы. Воспитанники школы-интерната, объединившись в поисковую группу, собрали бесценный материал об истории комсомольской организации, ее вожаке. Имя Ивана Кайдалова носило одно из учебных заведений города. Память об этом человеке хранила и одна из улиц в старом Сургуте. А потом и о нем, и о других стали забывать, и только в музейных кладовых да в редких домах сургутян бережно хранятся документы, рассказывающие о былых временах, очевидцы которых давно покоятся в земле. Но снова появилась на карте города улица, носящая имя достойно жившего и героически погибшего земляка, который немного успел сделать за свою короткую, но такую яркую жизнь, сумев зажечь сердца молодых земляков. Тот свет и сегодня не затушила пелена прошедших десятилетий...

Зоя Сенькина

О присвоении названий улицам города Сургута

Рассмотрев представленные ходатайства трудовых коллективов: открытого акционерного общества «Тюменьэнерго» о присвоении одной из улиц города Сургута имени И.Н. Каролинского... и учитывая рекомендации комиссии по переадресовке, присвоению названий улицам и нумерации зданий и сооружений в городе (протокол от 23.11.98), городская Дума решила:

1. Присвоить:

— вновь строящейся улице № 4«В» от проспекта Пролетарского до улицы 30 лет Победы — имя Иосифа Каролинского...

2. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на первого заместителя мэра Новицкого В.Ф.

Мэр

А.Л. Сидоров

*Из решения городской Думы города Сургута
Ханты-Мансийского автономного округа
Тюменской области № 141-ПГД
от 30 декабря 1998 г.*

И.Н. Каролинский (1931–1979).

Умный, талантливый организатор-руководитель. Первый начальник строительства ГРЭС.

Энергия преодоления

Телеграммы в седьмой дом по улице Энергетиков шли нескончаемым потоком. Содержание всех было почти одинаковым: соболезнования по поводу безвременной кончины И.Н. Каролинского. Пришла и правительственная, подписанная тремя заместителями министра энергетики и электрификации СССР — Фалалевым, Сапожниковым, Кожевниковым. В ней говорилось о том, что смерть вырвала из рядов энергостроителей замечательного человека, чья жизнь до последнего дня была связана с энергетикой, что Иосиф Наумович оставил след на строительстве многих электростанций, и особенно на Сургутской ГРЭС. Все верно — еще при жизни, когда Каролинского обходили почестями и наградами, он не раз говаривал: «Я построил себе памятник — Сургутскую ГРЭС». Произносил он эти слова негромко, не держа ни на кого обиды — утешал супругу Миру Григорьевну, которая была ему верной спутницей в кочевой жизни скитальца-строителя. Слова о том, что он построил себе памятник, оказались пророческими.

Каролинский не мог не стать энергостроителем, это была закономерность. В семье, где слово, дело и авторитет отца были непререкаемыми, не могло быть иначе. А отец Наум Маркович, по специальности инженер-гидротехник, работал всю жизнь как одержимый. В тридцатые годы он строил канал имени Москвы, затем — Куйбышевскую и Метинскую гидроэлектростанции. Потом была Великая Отечественная война, на которую мобилизовали старшего Каролинского, а после Победы семья отправилась на новую стройку — Кураховскую ГРЭС, что в Донецкой области. Так что на одной стройке Иосиф Наумович пошел в школу, на другой — получил аттестат о среднем образовании. Географию страны он познавал не на уроках, а на собственном опыте.

Бесконечные переезды, смена обстановки, друзей стали для Каролинского привычным явлением и не тяготили его, он не привык к оседлому образу жизни. После окончания Ленинградского политехнического института, в котором получил специальность инженера-строителя-гидротехника, ему выдали направление на строительство Новосибирской ГЭС. Начинал, как все, — с мастера, прораба, потом добавился ранг старшего, стал начальником участка. Вместе со своим подразделением Иосиф Наумович перебрался в казахский поселок Топар, чтобы возводить вторую Карагандинскую ГРЭС, где вскоре его назначили заместителем главного инженера строительства. Там же он преодолел еще одну ступеньку служебной лестницы, став главным инженером. Далее в судьбе Каролинского была Джамбульская электростанция.

Взлет в профессиональном отношении был стремительным, его деловую хватку, глубину знаний, инженерную смекалку, организаторский талант не могли не заметить, не оценить. И когда встал вопрос о сооружении Сургутской ГРЭС, вряд ли кто-то сомневался в том, что стройку, которая должна была разместиться в далекой глубинке, где не было строительной базы, мог вытянуть только он. Начальнику управления строительства И.Н. Каролинскому тогда не исполнилось и сорока лет — лишь через три года отметит он эту круглую дату.

Летом 1968 года на окраине молодого города, как писал в книге «Тюменские позывные» журналист А. Швирикас, появился плакат, на котором издали читались слова: «Мы построим Сургутскую ГРЭС!». Для будущей строительной площадки была расчищена от худосочного сосняка и кустарника территория, протянувшаяся на несколько километров, с лиловыми островками зарослей иван-чая на вырубках и кедровника вдоль речки Черной, прозванной так за цвет настоящей на торфяниках воды. В следующем году будет принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», и эту стройку объявят Всесоюзной ударной комсомольской. Впервые в мировой практике на просторах Севера начнут возводить электростанцию, работающую на попутном нефтяном газе.

Несколько лет назад довелось встретиться с Мирой Григорьевной Каролинской, которая бережно хранит память о муже. Больше четверти века они прожили вместе.

Судьба их была крепко связана тремя сыновьями, которых пришлось ей доучивать уже без Иосифа Наумовича. Трудно это далось Мире Григорьевне, не легче было и раньше — ведь муж чуть ли не круглосуточно пропадал на стройке, которая была второй «женой» и «семьей». А может быть, даже первой. Именно Сургутская ГРЭС с самого ее рождения заняла все мысли и жизнь начальника стройки, стала его большой, ненасытной любовью. Это была обоюдная счастливая любовь, породившая доселе невиданное чудо энергетики.

Достраивали станцию другие, но первым всегда сложнее, потому что приходится идти по непроторенной дороге — ведь одна станция, как правило, не похожа на другую. Каролинский приступил к строительству ГРЭС с тылов, чтобы впоследствии начать штурм основного объекта. Нужно было расселять прибывающих со всех концов страны энергостроителей, молодых новобранцев — поэтому упор делался на создание жилищных условий: вначале это был временный поселок, затем подняли первый капитальный дом, второй, третий... Требовались детские сады, магазины, школа, больница, дороги...

В конце семидесятого года в Сургут прибыл министр отрасли Непорожний. Показали ему площадку, где должна была подняться пуско-резервная ТЭЦ — там вовсю гуляли ветры, только лес успели вырубить.

— Через год пустим ТЭЦ, — обнадежил Каролинский.

Министр недоверчиво посмотрел на начальника стройки: понимает ли тот, о чем говорит? Уж ему ли не знать, сколько времени требуется на сооружение такого объек-

та. Однако все получилось так, как и обещал Иосиф Наумович. Его инженерный расчет, точно спланированная программа всегда удавались.

Тот напряженный период запечатлен в книге «Солнечная баллада» тюменского писателя К. Лагунова. В одной из глав ее, названной «Триумф», отслеживается хроника тех поистине горячих будней. Каролинского уже не уговаривали — от него требовали ускорить темпы строительства, начать сооружение станции, ему даже угрожали.

«Для стороннего наблюдателя и в самом деле это произошло вдруг. Как взрыв. Как обвал. Стремительно и ошеломляюще громко. 12 июля 1972 г. поставили первую колонну каркаса здания главного корпуса. 24 октября начался монтаж первой турбины. 26 декабря, через 62 дня, машину поставили на холостой ход. 29 декабря 1972 года энергоблок первой очереди Сургутской ГРЭС дал промышленный ток. 160 дней от первой колонны до первого киловатт-часа электроэнергии. И за это время перемещено 561600 кубометров земли, уложено 140000 кубометров бетона и смонтировано 9500 тонн металлоконструкций. Подобных темпов отечественное энергостроение не знало. На земле тюменской свершилось еще одно чудо. И чудо ли это на самом деле или совершенно закономерный, предвиденный блистательный финиш хотя и тщательно подготовленного броска?!»

Управляющий трестом «Уралэнергострой» Поляковский отмечал, что сделано невозможное. Бывалый человек, повидавший многие стройки, признавался, что происходящее в предпусковые дни не могло не волновать и

не восхищать. На коллегии министерства было сказано, что при строительстве Сургутской ГРЭС проявлена исключительная оперативность, — как сказал министр, «оперативность на высшем уровне». Это была огромная победа И.Н. Каролинского, который проявил себя настоящим стратегом, умело выстроившим ход наступления от начала до конца.

Он построил в северном крае много объектов: и пуско-резервную ТЭЦ, и первые энергоблоки, и Южно-Балыкский газоперерабатывающий завод, ТЭЦ в Тобольске и Тюмени, жилой городок энергетиков... Каролинский оставил нам, ныне живущим, столько, что и не перечислить, воспринимается это теперь обыденно, буднично, как само собой разумеющееся. Он сделал столько, сколько хватит не на одну человеческую жизнь, а ему было отведено на это чуть больше десяти лет. Иосиф Наумович торопился жить, работать, дарить приятные мгновения.

У Каролинского при жизни были недоброжелатели, остались они и после смерти. Некую ревность испытывают они к доброй славе, которая окружала Иосифа Наумовича при жизни. Сохранив неприкрытую зависть, они

Храм

пытаются принизить роль начальника стройки и возвысить свою. Эти потуги выглядят нелепо, отвратительно.

— Только не надо делать из Каролинского легенду, — злословит такой недоброжелатель, забывая о том, что легенда не рождается на пустом месте, для этого надо совершить хотя бы один значимый поступок.

Каролинского в семидесятые годы хотя бы понаслышке знали все сургутяне. О стройке без конца писали и столичная, и местная печать. Своим долгом отметить здесь почитали и первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и космонавт, и известный поэт. О самом начальнике в газетных публикациях, в книгах о Тюменщине упоминалось вскользь, мельком: гремели имена бригадиров, рабочих, которых Иосиф Наумович поднимал, что называется, на щит. Он оставался в тени, и даже на снимках тех лет это просматривается: то вполоборота стоит, то с краю примостится. Однако не заметить его было трудно: Каролинский был крупным, грузным человеком, почти богатырем, и в то же время деликатным, ранимым, умеющим не заслонять собой других.

Большинство из тех, с кем первый начальник стройки начинал работать, одерживал одну трудовую победу за другой, продолжают жить сегодня в Сургуте и хранить добрую память об Иосифе Наумовиче.

Н.Н. Лавыгин со своей бригадой прибыл на северную стройку из Киева. Лето семьдесят второго стояло дождливое. Им предстояло вести монтаж мостовых кранов главного корпуса будущей ГРЭС. А вначале нужно было построить дорогу в дымососное отделение, по которой бы доставили узлы этих кранов.

Вооружившись лопатами, трое суток монтажники топили дорогу. Все старания были напрасными: дождь размывал песок, превращая его в хлябь. Мокрые, усталые, злые, они готовы были сорваться на ком угодно. Подъехал «бобик», из него вышел незнакомый мужчина. На него-то и обрушился удар не стесняющихся в выражениях монтажников. А спустя час на помощь к ним была брошена техника — трактор и машины, груженные гравием. Что за чудеса? Как выяснилось, это был начальник строительства, который оперативно решил вопрос прокладки дороги. А ведь все это находилось в компетенции других людей, которые не особенно усердствовали на своем посту. Так состоялось первое знакомство ставшего впоследствии знаменитого бригадира и Каролинского.

Неудача постигла строителей при монтаже первых ферм машинного зала: уронили 49-тонный груз. А следом предстояло поднять кран, вес которого на две тонны был больше. Настроение у всех на «нуле», волнение, паника вселились в людей, суета царит, неразбериха. Откуда ни возьмись появился начальник стройки. Заметив Лавыгина, подошел к нему, поинтересовался, как собирается бригадир выполнить операцию. А внимательно выслушав, спросил, уверен ли он в том, что все получится. После того как объяснения были выслушаны, дал разрешение на подъем.

Вначале многотонную тяжесть приподняли над землей на двести миллиметров: груз держался устойчиво. Потом полегоньку двинулись дальше. Когда операция была завершена, Каролинский пожал руку бригадиру. И к этому

молчаливому рукопожатию не требовались какие-либо слова — они были лишними. На многих стройках довелось работать Николаю Николаевичу до переезда в Сургут, разных руководителей он повидал, но толковые среди них попадались крайне редко. Иосиф Наумович, по его мнению, был из таких, он умел слушать и слышать людей, реагировал на их малейшие просьбы и замечания. Уж сколько лет минуло с тех пор, а Лавыгин помнит каждое мгновение, из которых и складывается жизнь.

Обмолвился как-то бригадир, как было поставлено дело на строительстве девятой домны на Магнитке, где он тоже в свое время монтажными работами занимался. По двенадцать-шестнадцать часов порой приходилось авралить без перерыва. А какая работа на ум пойдет, если кончилось курево, сводит желудок от голода? На Магнитке тогда решили вопрос так: прямо на стройку стали доставлять и папиросы, и горячие пирожки. Каролинский не забыл этого замечания, и вскоре на площадке появились девчата-коробейники. Позже установили вагончик, прозванный монтажниками «тараканчиком», где можно было перекусить, взбодриться горячим кофе.

Или еще один случай, о котором поведал Николай Николаевич. Его бригада вела циркуляционные насосы. Крановщик на минутку отлучился, а чтобы дело не стояло, Лавыгин занял его место. Вдруг камешек в окно кабины крана легонько стукнул. Глянул вниз — а в траншее начальник стройки стоит и пальцем грозит: мол, не своим делом занялся. Пришлось ретироваться. Было в то время часа три-четыре ночи. До сих пор непонятно, ког-

да же отдыхал Каролинский, откуда он силы черпал для нового дня, который нес не меньше хлопот и забот, чем предыдущие сутки?! Или летела бригада вместе с Иосифом Наумовичем на Южный Балык, где нужно было пускать газоналивную эстакаду. Прибыли на место — Каролинский дает команду: сначала в баню, а потом за работу. Напарились пихтовыми вениками — усталость как рукой сняло, а потом трое суток как черти пахали почти без отдыха. Такую черту характера, как человечность, Каролинский не растратил, не очерствела его душа к людям, хотя ему пощады со стороны вышестоящего начальства не было.

Связь в Сургуте и на стройке в ту пору была полуавтоматическая. Каролинский узнавал по голосу каждую телефонистку. Сургутянка З.А. Круковская была знакома с Иосифом Наумовичем еще по Карагандинской ГРЭС, откуда он перетащил многих на новую стройку. С мужем здесь произошло несчастье, и она засобиравлась уезжать из северного города. Каролинский уговорил остаться: мол, куда ты рвешься, как ребятишек одна будешь поднимать? А тут я вам всегда помогу. И действительно, не забывал, поддерживал.

Энергостроитель И.Г. Бугров жил в соседях у Каролинских. Через стенку глубокой ночью раздавался голос начальника — он и в это время суток не знал покоя, дозванивался до Москвы, докладывал, требовал, решал насущные проблемы стройки. Из-за отвратительной связи приходилось вести разговор на повышенных тонах, лишая сна соседей, которые не сердились на Иосифа

Наумовича, а наоборот, сопереживали ему: такой беспокойной работы врагу не пожелаешь.

А.Б. Гаврилина проработала с Каролинским малость — всего год с небольшим, а узнала его раньше. Встречались в Москве на заседаниях главка, куда и руководителей, и специалистов вызывали часто. Один дрейфил перед высоким начальством, другой подобострастничал, льстил, из льва, каким его знали подчиненные, превращался в покладистого ягненка. Каролинский всегда вел себя с достоинством, не пресмыкался, не старался юлить, понравиться. О стройке он знал все: цифры, объемы, сроки, графики. Он умел аргументированно доказывать и требовал того же от других.

— Уже работая в Сургуте, приходилось выезжать в командировки в главк, — рассказывала Аделя Борисовна. — Выходные дни там тоже были рабочими, бывало, допоздна засиживались. Иосиф Наумович заглянет к нам и неожиданно скажет, что завтра отдыхаем и идем в музей. Мы отнекиваемся, потому что работы неуправляемый, а он отвечает: в понедельник наверстаете. В другой раз спросит: в Загорске приходилось бывать? Нет? Ну как же такую красоту не посмотреть? Его интерес ко всему поражал — ведь времени у начальника стройки было в обрез. Если проходили какие-то вечера, то Иосифа Наумовича можно было увидеть на них. Общался, шутил, танцевал, вел себя настолько естественно, что никто не смущался. А его одержимость в работе передавалась всем.

У Каролинского был обычай с утра пораньше посещать все объекты. Рассказывают, что едва голову от по-

душки оторвали, глянули в окно, а Каролинский уже разгуливает по строительной площадке, где больница возводилась. На планерках какой-нибудь руководитель начнет выгораживать себя, недостоверную информацию представит — вот тут держись: не любил, когда изворачивались, лгали, оправдывались. Каждый день он объезжал объекты лично: не потому, что не доверял подчиненным, пытался подловить их на обмане — он хотел сам знать и видеть, что происходит на том или ином объекте. Поэтому его рабочий день не укладывался ни в какие нормативы.

В куртке из болоньевой ткани, в кирзовых сапогах, нередко передвигающийся пешком — таким часто видели его сургутяне. От кирзовых сапог руководителя крупнейшей стройки пришлось отучать долго. Он не придерживался правил этикета, который соблюдали все, кто переступал порог городской администрации — попросту Дома Советов. Как был в грязных, растоптанных сапогах — так и входил в кабинеты. Тогдашний глава Сургута не раз укорял Каролинского за то, что являлся не по форме одетый. Сменил-таки Иосиф Наумович «кирзу» на туфли, возил их, видимо, под сиденьем автомобиля, чтобы переобуваться при необходимости.

Работник Сургутского аэропорта Г. Семенов, который, казалось бы, не имел никакого отношения к строительству ГРЭС, описывал в местной газете такой случай. О Каролинском ему приходилось слышать — фамилия в городе звучала. А увидеть его довелось августовским вечером семьдесят третьего года. Авиатор жил в общежитии микрорайона энергетиков. Вышел он на балкон с

ребятами — строителями станции — и увидел, как к сооружаемому напротив зданию детского сада подъехала «Волга». Из нее вышел невысокого роста полный мужчина в плаще и исчез на территории объекта. Семенов заинтересовался у соседей, кто бы это мог быть.

— Как, ты не знаешь начальника строительства? — зашумели ребята. — Это же Каролинский, — и надо было слышать, с какой гордостью была произнесена эта фамилия.

Бывший председатель объединенного стройкома треста «Запсибэнергострой» В.Н. Савиных, несмотря на то, что с тех давних времен минуло много лет, вспоминает, каким непререкаемым авторитетом пользовался Иосиф Наумович у рабочих, они его буквально боготворили, потому что видели, что вкалывает он не меньше, а больше всех.

Хорошо был знаком с начальником стройки Н.К. Молодьков — в те годы он возглавлял промышленно-транспортный отдел городского комитета партии. Частенько приходилось Николаю Кузьмичу посещать планерки строителей, объекты социально-культурного назначения, готовить вопросы на бюро горкома. Выносились они не для того, чтобы пострашать Каролинского, снять с него «стружку», а чтобы помочь, вместе найти выход из трудной ситуации. По словам Молодькова, который в девятые годы возглавил городское общество старожил, это был исключительно порядочный человек, честный, внимательный к подчиненным. Одним словом, руководитель-трудяга. Иосиф Наумович был скуп на награды,

он их не раздаривал, поощрял за конкретные дела. Однажды Н.К. Молодьков с немалым для себя удивлением узнал о том, что министр отрасли П.С. Непорожний подписал приказ о награждении Николая Кузьмича знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР». Каролинский преподнес такой сюрприз тому, кто постоянно помогал ему решать проблемы, возникающие чуть ли не ежечасно.

Самого начальника стройки награды, как уже говорилось, обходили стороной. Дважды здешний партийный орган рекомендовал кандидатуру Иосифа Наумовича для вручения ему самой высокой награды, подписывалось и в обкоме представление к званию Героя Социалистического труда, а дальше документы где-то застревали. В очередном указе его фамилия отсутствовала, зато министерские чиновники прокалывали на парадных пиджаках новые дырочки. Надо полагать, что свою роль сыграла и пресловутая пятая графа, которая исковеркала многие судьбы талантливых людей, породила волну эмигрантов. Он перерос эту стройку, ему прочили большую карьеру и под всякими предлогами мешали сделать ее.

— Вклад Каролинского в развитие энергетики очень большой, — считает бывший первый секретарь городско-

Главная площадь города

го комитета партии М.М. Конев. — Его работоспособность была поразительной. Характер у него был взрывной, он мог и кулаками постучать, и ногами потопать, но не был злопамятным. Наверное, никто не сможет сказать, что он был близким другом Иосифа Наумовича, мне кажется, что в свой внутренний мир он никого не пускал.

Наверное, ему не хватало времени для того, чтобы обзаводиться друзьями — ведь с ними нужно встречаться, выкраивать час-другой, а Каролинский предпочитал тратить каждую минуту на то дело, которое стало смыслом жизни. И на укоры супруги в том, что дети почти не видят отца, что он не принимает участия в их воспитании, отвечал одинаково: он воспитывает сыновей своим примером.

Из жизни И.Н. Каролинский ушел за два дня до своей очередной годовщины — 48-летия. Был май семьдесят девятого, когда его не стало. Проводить в последний путь начальника стройки и просто хорошего человека поехали многие сургутяне. Была в их числе и В.И. Панасевич, которая построила немало объектов электроэнергетики. Она рассказывала, что и в Тюмени, и в Свердловске в те майские солнечные дни откуда-то набегали тучки и шел кратковременный дождь. Создавалось впечатление, что плакали об Иосифе Наумовиче даже небеса.

Соратники Иосифа Наумовича — строители и монтажники — не один раз обращались в соответствующие органы с просьбой увековечить в названии одной из улиц города имя того, кто оставил о себе добрую и долгую

память. Понадобилось чуть ли не два десятка лет, чтобы решение наконец-то было принято: такая улица ныне в Сургуте есть. Правда, дома на ней еще не построили, перспективной она считается. А протянуться эта улица должна от проспекта Пролетарского до улицы 30 лет Победы.

Трудно представить, как она будет выглядеть, скажем, через десяток лет. Но хочется надеяться, что опрятно, ухоженно, красиво — ведь получила она имя достойного человека. И.Н. Каролинский снова оказался как бы в тени, как это происходило и при его жизни: вроде бы есть улица, названная его именем, на карте города, и в то же время по ней невозможно прогуляться, заглянуть в залитые светом окна сургутян, для которых он строил электростанцию, получившую образное название энергетического «солнца» Сибири...

Зоя Сенькина

О присвоении названий улицам города Сургута

Рассмотрев представленные ходатайства трудовых коллективов: ...открытого акционерного общества «Запсиб-электросетьстрой» и обращения актеров театра на Таганке Н. Губенко, В. Золотухина, Г. Жаворонкова с предложениями увековечить имя И.А. Киртбая... учитывая рекомендации комиссии по переадресовке, присвоению названий улицам и нумерации зданий и сооружений в городе (протокол от 23.11.98), городская Дума решила:

1. Присвоить:

— улице № 23«З» от дороги «Сургут-Аэропорт» на запад (продолжение улицы Профсоюзной) — имя Игоря Киртбая...

2. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на первого заместителя мэра Новицкого В.Ф.

Мэр

А.Л. Сидоров

*Из решения городской Думы города Сургута
№ 141-ПГД
от 30 декабря 1998 г.*

И.А. Киртбая (1939—1991). Талантливый организатор электросетевого строительства на Севере. Новатор производства, хозрасчетных отношений при прокладке ЛЭП.

Инженер с душой лирика

В характере каждого человека есть черты, определяющие его судьбу, кристаллизующие личность для современников и потомков. Игорь Киртбая жил по-платоновски: лучшими человеческими качествами, Главной жизнью; не жалел ее, будто она досталась ему «даром». В нем органично и естественно сочетались мудрость аксакала с детской простотой души, кавказский темперамент с изумительным самообладанием. Для этого человека будущее было так же реально, как настоящее. Таким я увидела его в повествовании друзей, сослуживцев и бесконечно сожалею, что не могла быть знакома с Игорем Алексеевичем лично.

Даже не самые лучшие рассказчики, говоря о Киртбая, становились заразительно эмоциональными, восторженными. Люди высоких постов и регалий, как школьники, перебивали друг друга, вспоминая его. Трагические слова прозвучали, когда речь зашла о широте натуры, гостеприимстве Киртбая: «Это и губило...»

Несколько полноватый, чуть заикающийся, он тем не менее обладал необыкновенным внутренним обаянием. Даже незнакомый с ним человек при встрече бывал

очарован в первые же минуты. Игоря постоянно окружало великое множество самых разных людей, к нему тянулись, вокруг него всегда бурлила жизнь. Трудно сказать, что в нем ценили больше: высокий профессионализм, новаторство или общечеловеческие качества. «Напишите о том, как простой линейщик Торчук Николай пригласил его на свадьбу», — просили собеседники. Киртбая в то время был уже в чине начальника мехколонны. Он пришел. Гуляли в единственном тогда в Сургуте кафе «Орион». Торжество удалось, но по ходу праздника к Игорю Алексеевичу каждые пять минут подходили приглашенные со своими личными проблемами: квартира нужна, машина, новая должность и т.п. Он каждого выслушивал... Да и на работе двери его кабинета всегда были открыты. Никто не припоминает случая, чтобы Киртбая кого-то не принял.

Игорь Алексеевич был назначен главным инженером 14-й мехколонны в Сургуте в 1968 году. По сути дела, эта механизированная колонна была в начальной стадии формирования, и все самые тяжелые организационные мероприятия легли на его плечи: налаживание хозяйства, формирование коллектива, создание инфраструктуры, на которую в те времена средств не выделялось.

До 1968 года Сургут не имел собственных источников электропитания, не был связан высоковольтными линиями электропередачи с Большой землей. Город обеспечивали электричеством так называемые электропоезда (железные вагоны с огромными генераторами), которые баржами по реке тащили в город. Нужны были запасы

горюче-смазочных материалов на долгую сибирскую зиму. Наконец, в семидесятых начал строиться высотный переход через Обь. Это был первый мощный энергомо́ст, линия 500 киловольт — от Тюмени до Сургута. Игорь

Киртбая руководил всеми работами по сооружению этого единственного высотного перехода, уникального по своим размерам, не говоря уже о его значимости для развития нефтяной промышленности Западной Сибири.

Опору на одном берегу Оби поставили, а вторую не успели, вошли в зиму. Новаторская идея Киртбая, который предложил пробурить лед реки и поставить временные деревянные опоры, позволила запустить электроэнергию и обеспечить Сургут и ближайшие месторождения электроэнергией по меньшей мере на семь месяцев раньше срока.

Уникальный ход инженерной мысли Игоря Алексеевича позволял выполнить то, что не могли рассчитать столичные проектировщики. Экономия средств для страны была огромной, но кто тогда это считал...

Когда начали строить Сургутскую ГРЭС, водохранилища еще не было. Но высоковольтные линии на Нижневартовск мощностью в 500 киловольт должны были пройти именно в том, подлежащем затоплению, месте, и прежде чем затопить чашу, Киртбая предложил сделать фундамент, забетонировать и забить сваи. Это, безусловно, требовало жесткого уплотнения рабочего графика, но

идею поддержали. До того, как вырубili лес и заполнили водохранилище, было поставлено 12–15 опор, сделаны монолитные фундаменты, что значительно удешевило и ускорило процесс строительства и ввода ЛЭП-500.]

Кстати говоря, мехколонна, руководимая Киртбая, очень быстро стала внекатегорийной, то есть выполняемые ею объемы оказались гораздо выше требуемых для предприятия с таким коллективом. И уже в 1974 году Игорь создает первый трест, а через пять лет, благодаря его умелому руководству, появляется уже несколько трестов в системе Минэнерго. Он организовал сеть механизированных колонн на огромной территории Тюменской области с охватом газовых месторождений в районах На-

дыма, Уренгоя, Нижневартовска, Томской области. Все то, что сопряжено с освоением в Западной Сибири нефти и газа, в первую очередь связано с именем Игоря Киртбая, который шел впереди нефтяников и газовиков.

Масштабность мышления Игоря Киртбая иногда пугала руководство Минэнерго. Он опережал своей профессиональной компетентностью многих вышестоящих начальников, смотрел намного дальше, занимался иногда даже не завтрашним днем, а настолько отдаленной перспективой, что она была видна лишь ему. Естественно, за это не всегда хвалили, поскольку не понимали. Бывали случаи, когда руководство свердловского треста требовало сиюминутных результатов, а Игорь Алексеевич, принимая решения, учитывал «прекрасное далеко».

Уже в восьмидесятые годы он приглашал психологов для установления совместимости сотрудников. Выводился рейтинг каждого работника, что помогало назначать на руководящие должности неформальных лидеров, людей, заслуживающих доверия коллектива, формировать авторитетный в рабочей среде аппарат управления.]

Игорю Алексеевичу принадлежит огромное количество новаторских идей и абсолютно нестандартных решений. Они серьезно облегчали работу, значительно продвигали ее вперед. Кажется, не было ни одного проекта, который, попадая в руки Киртбая, не претерпевал бы серьезных изменений. Если строилась линия, проект которой прошел киртбаевское «сито», в ней применялись самые последние достижения науки и техники. Талантливейший инженер-изобретатель, впервые в Минэнерго

Игорь Алексеевич разработал и внедрил поточный метод строительства на линиях электропередачи, когда каждая бригада выполняла узкоспециализированные работы.

Один из его друзей, Анатолий Зубарев, в то время редактор газеты «К победе коммунизма», присутствовал на очередном экспериментальном строительстве Киртбая, когда опробовался вариант монтажа свай на подвеску в воду с помощью вертолета. В своем репортаже журналист писал:

«...На практике получается, что многокилометровые трассы электрических рек Севера строятся только зимой, когда промерзнут озера. Где-то месяцев семь в году выпадает из рабочего календаря строителей.

Как продлить строительный сезон, сузить природные «окна»? И вот, пожалуй, найден выход — прокладывать ЛЭП с помощью вертолетов.

Опора была поставлена и смонтирована за полчаса чистого времени одним вертолетом». Эта киртбаевская идея не устарела и сегодня.

Живой ум изобретателя сочетался в нем с хладнокровным спокойствием философа. Прекрасный организатор, Киртбая никогда не позволял себе срываться на крик, редкий случай, когда он повышал голос. Зато, говорят, давал задания коллективу в такой форме, что не выполнить их было стыдно. Почему люди легко подчинялись ему? Может быть, чувствовали сверхъестественную волю и в то же время искреннюю заботу о каждом.

Хотя в жизни Игорю бывало ох как непросто. Не умел он отсиживаться в тени, прятаться за чужими спи-

нами. Случалось, что проектировщики не в состоянии были отыскать техническое решение того или иного вопроса, а Киртбая, исходя из местных условий и возможностей, находил выход и принимал решение самостоятельно, брал тем самым на себя огромную ответственность. В случае неудачи никого не подставлял — ни большого, ни малого. И за это его уважали даже противники.

Об Игоре Киртбая говорят: «Трудоголик! Работал с утра до ночи без выходных и праздников». Доля лукавства в этом есть. Да, первейшим для него было ДЕЛО. Но ни себе, ни окружавшим его людям в праздниках он не отказывал.

С ностальгией вспоминают сетевики, как при Киртбая отмечался День энергетика — 22 декабря. Умел он покорить и удивить людей. Все женщины предприятия 8 Марта 1975 года были сражены подарком: каждой из них мужчины преподнесли живые цветы, о которых в то

время невозможно было и мечтать. Оказывается, накануне, седьмого, Игорь Алексеевич отправил самолет в Новороссийск за тюльпанами и мимозами для милых дам. Потом некоторое время это было доброй традицией.

— Как-то раз, — вспоминают коллеги, — заставил бригаду в 1972-м «вкалывать» в Новый год. Сказал,

что закончить работы нужно срочно. Тогда глупая установка «сверху» была: объект сдать 31 декабря до 00.00 часов, ни на пять минут позже. Пообещал двойную оплату. «А кроме того, — говорит, — привезу из Свердловска две бочки пива». Пивзавода в Сургуте тогда не было, бутылка пива ценилась на вес... двух бутылок водки. В лесу под Стрежевым бригада из восьми человек работала все праздники и выполнила запланированное. А когда вернулись с вахты, он извиняющимся тоном (заикался немного): «М-мужики, п-простите. Одну пришлось г-гаишникам отдать». Да что там, бочка — литров сто, все остались довольны.

Игорем Киртбая люди в большинстве своем восхищались. О нем очень много писали и в местной, и в столичной прессе. Правда, по-разному. В одних журналах — что «он герой, сделал невозможное: приобрел и отправил сверх нормы три единицы техники на труднопроходимые участки в помощь рабочим». В других, через месяц, что «его нужно судить, потому что производство плановое. По плану положено пять тракторов, где же он взял восемь? Это нарушение». До поры до времени дальше публикаций дело не шло.

С выполнением и перевыполнением планов у Игоря Киртбая проблем никогда не было. Для многих людей работа — тяжелое бремя. Но встречаются поэты своего дела, которым труд приносит наслаждение. Таким был Киртбая. По Минэнерго трест занимал только первые места, получал Переходящее Красное знамя. Регалии самого Игоря Алексеевича на официальных мероприятиях

устанавливали перечислять: награжден премией Ленинского комсомола, медалью ВДНХ, орденом Дружбы народов. А что уж грамот и похвальных листов...

Иногда кажется, что он был избалован удачей. На самом деле баловал и заботился об окружающих его людях Игорь.

В те времена практически не выделяли средств на строительство жилья и развитие инфраструктуры: детских садов, школ, гостиниц — всего того, что необходимо для нормальной жизни. Игорь смог договориться со знакомыми студентами-архитекторами из Львова, которые за неделю бесплатно спроектировали прекрасную деревянную гостиницу с каминным залом, бассейном, баней. Ее построили на берегу озера, и долгое время это была чуть ли не единственная гостиница Сургута. На втором этаже в комнате с общим столом и телевизором все стены были исписаны словами благодарности посетителей, гостей (как у Любимова на Таганке). Даже на потолке, по словам очевидцев, не было «живого места». По его распоряжению возведены замечательный детский садик, который был одним из лучших в городе, школа, жилые дома.

Все это находилось в поселке Лунный близ Сургута, место для которого он выбирал с коллегой Валентином Жоровым.

— Как-то вызвал меня Игорь Алексеевич, говорит: «Нас выселяют из здания треста на Майской. Пошли другое место искать». А недалеко от города на великолепном пригорочке у нас подстанция строилась. Вечером пошли туда на лыжах. До 22 часов ходили. Тут Игорь запнулся

и упал в снег. Я его попытался вытащить и тоже провалился. Лежим на снегу, луна яркая, красиво, тихо... «Здесь будем строиться, — говорит Киртбая. — Как назовем поселок?» «Давай Лунным». Так и называли».

Фантастическим казалось то, что, несмотря на колоссальнейшую производственную нагрузку, он не забывал о нормальной человеческой и светской жизни. Большой интеллеktуал, любитель театра. Если делегация сибиряков приезжала в Москву, то всем составом Киртбая «тащил» ее на Таганку. В театре, в актерской среде, чувствовал себя как рыба в воде (его третья жена, Татьяна Жукова, была с Таганки). Как правило, такие вечера заканчивались за кулисами далеко за полночь. Его связывала многолетняя дружба с Владимиром Высоцким. Игорь мог пригласить популярнейших артистов в Сургут (Кобзона, который гордился дружбой с Игорем, Ольгу Воронец, Игоря Костолевского) и завезти их в самую глубину, на трассу, где знаменитости выступали для бригады рабочих из десяти человек.

Дом его всегда был полон гостей. О хлебосольстве и гостеприимстве Игоря ходят легенды. Рассказывают, что на стол выставлялось подчистую все, что было, вплоть до детского питания. Простой и милый в общении, большой эрудит, он очаровывал женщин, завоевывал сердца самых взыскательных собеседников в считанные секунды. Наверное, говорила кровь предков, выходцев из Абхазии. Искренность, открытость привлекали и аккумулировали вокруг Киртбая огромное количество людей, как хороших, так, к сожалению, и плохих.

Он всю жизнь доверял людям, может быть, излишне. Его предали те, кто в лучшие времена назывались товарищами и друзьями, в общем хоре кричали о его успехах, писали хвалебные статьи.

«Игорь Алексеевич не понаслышке знал, что предложенные им новшества вызвали в его окружении неоднозначную реакцию, — рассказывает Анатолий Зубарев. — Большинство с закатанными рукавами бралось за воплощение его идей, а иные втихушку стряпали досье на предприимчивого руководителя, находили себе сторонников в местном руководстве, в области, в министерстве. И когда Киртбая развернулся уже у Полярного круга, опрокинули на него ведро грязи.

«Дело» попало в союзный Комитет народного контроля. Ретивые чиновники обложили Игоря Алексеевича, подключились следственные органы, прокуратура. Самого высокого уровня. И — суд. Да не один. И все-таки

Киртбая взял верх. Только с потерями».

А все — привычка жить, творя добро. Самое большое и горячее сердце тоже теряет силы от бессмысленной, бесполезной борьбы и растрачивается гораздо скорее от понимания несправедливости и нелепости происходящего...

Он любил жизнь, умел жить и помогал красиво и пол-

но жить другим. Был «прекрасным грешником», а не книжным героем.

Одна из новых улиц Сургута носит сегодня имя профессионала-энергостроителя, новатора, интеллектуала, эрудита, романтика, жизнелюба Игоря Алексеевича Киртбая.

Инна Жавнерчик

О названии улицы Григория Кукуевицкого

Признавая трудовые заслуги заместителя генерального директора акционерного общества открытого типа «Сургутнефтегаз» Кукуевицкого Григория Михайловича в развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири, его личный вклад в строительство и становление города Сургута, принимая во внимание ходатайство правления и профсоюзного комитета акционерного общества открытого типа «Сургутнефтегаз», в целях увековечивания памяти Кукуевицкого Григория Михайловича:

1. Назвать часть улицы Магистральной от транспортной развязки № 1 до проспекта Набережный улицей Григория Кукуевицкого.

2. Управлению архитектуры и градостроительства администрации (Унжаков) внести соответствующие изменения в генеральный план города.

Глава администрации

А.Л. Сидоров

*Из постановления главы администрации г. Сургута
№ 147 от 8 ноября 1994 г.*

Г.М. Кукуевичкий (1935—1994). В народе его называли главным строителем города. Работая заместителем генерального директора «Сургутнефтегаза», внес большой вклад в градостроительство Сургута.

Деревья умирают стоя

Говорят, чтобы узнать человека, надо с ним два пуда соли съесть. Но вполне подойдет иная мерка — совместная многолетняя работа над общим делом, отношение к друзьям-товарищам по этому самому делу, вообще к людям. Соратники Григория Михайловича Кукуевицкого знают и помнят его именно по этим основным качествам человеческой натуры. Имя Кукуевицкого в Сургуте буквально на слуху: так называется одна из самых заметных и оживленных улиц в городе, где выстроились в ряд не только жилые дома, но и офисы крупных ведомств. Для огромного большинства сургутских нефтяников это имя олицетворяет целую эпоху в развитии топливно-энергетического комплекса Западной Сибири в целом, и сургутского региона прежде всего. Личность первой величины — яркую, колоритную. Человека, который вошел не только в историю, но и в конкретные судьбы сургутян.

...А собственная судьба Григория Михайловича Кукуевицкого просится на страницы какого-нибудь художественного произведения — настолько она нестандартна, увлекательна, изобилует неожиданными поворотами и совпадениями. Родители его — коренные бакинцы, в

шумном южном городе родились оба сына Кукуевицких — Григорий и Рафаил. Отец Михаил Григорьевич был крупным партийным работником, не избежавшим репрессий конца тридцатых годов: по чьему-то доносу был арестован и сослан, к счастью, не очень далеко — в Буйнакск. Прошла целая жизнь, Юдифь Борисовна вырастила и подняла обоих сыновей, прежде чем реабилитировали их отца и тот смог вернуться в семью. Но и спустя много лет Михаил Григорьевич показывал своим мальчикам бакинскую «Лубянку», сломавшую его жизнь. Неудивительно, что в нефтяном Баку молодые люди мечтали стать нефтяниками так же упорно, как довоенные парни и девушки стремились в авиацию. Но вот почему

в индустриальный институт решил поступить Григорий Кукуевицкий — с его-то музыкальными способностями и стремлениями? Впрочем, в семье Кукуевицких музыка была, что называется, в крови: каждый играл на каком-либо музыкальном инструменте, Рафаил даже мечтал поступить в консерваторию. А еще Григорий любил маленькие семейные спектакли; прекрасно декламировал, пел; увлекался шашками и шахматами; у него были отличные результаты по стрельбе — он выбивал 96 очков из ста. А еще он мечтал надеть белый халат врача и лечить, спасать людей. Одним словом, выбрать жизненную дорогу в этом сплетении способностей и склонностей оказалось совсем непросто, хотя мне думается, что его многочисленные таланты и дарования проявились бы в любом случае.

Как бы то ни было, в начале шестидесятых Григорий Кукуевицкий закончил Азербайджанский индустриальный институт и оказался вместе с однокурсниками в Татарии, в Азнакаево, в нефтепромысловом управлении, где его уже поджидала судьба в облике миловидной, нежной девчушки, тоже недавней выпускницы вуза. Парни из Баку с только что прикрепленными к лацканам пиджаков институтскими ромбиками по-орлиному огляделись в НПУ и увидели множество открытых, доброжелательных глаз и сердечных улыбок. И растаяли гордые сердца, в первый же год в Азнакаево нефтяники сыграли несколько свадеб молодых своих сотрудников.

Валентина держалась дольше всех девчат, хотя редкое свидание обходилось без цветов, которые дарил ей

Гриша. Уже и мама Валина одобрила дочкин выбор; уже друзья шутили: слушай, ну давай украдем невесту?! Весной, в апреле, они поженились, и с тех пор тридцать шесть лет подряд, где бы и как бы ни заставляла их эта дата, праздновали Кукуевицкие день рождения своей семьи. Первые апрельские годовщины были особенно шумными и яркими; молодые нефтяники держались дружно, кучно, все было открыто, на виду, как в хорошей деревне.

...Сургут в жизни каждого из нас начинался примерно одинаково: газетные и журнальные статьи о нефтегазовом феномене, рассказы — вздох — уже уехавших незнамо куда, в тайгу и болота, друзей или родственников:

— Представляешь, нефть бьет фонтанами, рыбы в реках — хоть ковшом вычерпывай, закаты — в полнеба. Знаешь, какой это город — Сургут?! Народу едет — силлица! Через несколько лет там третье Баку будет, вот посмотришь!

Вот это «третье Баку», по всей вероятности, и смутило Григория Кукуевицкого, сорвало с благополучного, казалось бы, места работы и жизни, где уже поднимался он вверх по ступенькам профессиональной карьеры: не кем-нибудь, а начальником отдела института «Главнефтепроект» уже был в ту пору молодой бакинец, постепенно забывавший горячий южный город. Тем более что и друзья-однокашники постепенно разлетелись кто куда: одни выросли до объединения «Татнефть», другие — аж до столичного министерства, третьи — третьи уезжали «за туманом и за запахом тайги» в Западную Сибирь, на

север Тюменщины. Кукуевицкий выбрал Тюменский Север — или это Север выбрал его?! В шестьдесят шестом трудно было еще угадать в развороченном крутыми переменами провинциальном Сургуте будущую нефтяную столицу Среднего Приобья: деревянные свежесрубленные дома предполагаемого микрорайона нефтяников, глубокие — в метр высотой — колеи на так называемых улицах, лютые полчища гнуса и комарья. Зато несколько скважин с сургутских месторождений могли заполнить нефтью целый танкер. А в нефтепромысловом управлении «Сургутнефть» Григорий Кукуевицкий нашел атмосферу кипучей деятельности и нетерпеливого, истового ожидания все новых и новых открытий большой нефти. Это было совсем не похоже на Татарию с ее устоявшимся производственным ритмом и напоминало скорее джекклондоновский Клондайк с его азартом, вызовом природе и суровым обстоятельствам жизни. А следовало превратить его в нормальный, обустроенный мир, подчиняющийся человеческим планам и устремлениям.

В тот первый сургутский период своей жизни (а будет еще и второй) Григорий Михайлович успел многое. В лютые январские морозы встретил приехавших жену и двух малюток-дочерей, и уж коли не мог осыпать их цветами (да и к чему это было, если на повестке стоял более насущный вопрос — выжить?!), постарался устроить быт семьи так, чтобы насквозь промерзшие углы их квартиры не перепугали окончательно его «девчонок».

Он возглавлял отдел капитального строительства, основной задачей которого было не жилищное обустрой-

ство нефтяников и их семей, а обустройство нефтегазовых месторождений, которые «пачками» открывали геологи. Надо было прокладывать дороги, строить промыслы, нефтепроводы, товарные парки — и не забывать при этом о жилье и соцкультбыте.

В те времена нефтяники из разных регионов прекрасно знали друг друга: встречались на многочисленных отраслевых совещаниях, министерских коллегиях, партхозактивах, выручая в трудных, экстремальных ситуациях (а было их ох как много!), ревностно наблюдая за ростом и успехами соседей, примечая и сманивая молодых и перспективных.

Кукуевицкого пригласили на работу в Нижневартовск, сначала в НГДУ «Мегионнефть», а затем главным инже-

нером дирекции строящихся трубопроводов Западной и Северо-Западной Сибири. Для нефтяного Нижневартовска это было время таких выдающихся личностей, как В.В. Бахилов, В.А. Абазаров, Р.И. Кузоваткин, Г.И. Пикман, Н.А. Москаленко, Н.П. Дунаев, А.Г. Исянгулов, и рядом с ними, в одном ряду — совсем еще молодой, 40-летний Г.М. Кукуевский.

Кто знает, может, и не состоялся бы второй сургутский период его жизни, если б по инициативе тогдашнего нефтяного министра Н.А. Мальцева не началось реформирование отрасли — превращение раздутых от непомерных объемов НГДУ в стройные вертикали производственных объединений. В октябре 1977 года, когда родилось несколько «нефтегазов», «командиры производства» по указанию свыше были перетасованы. В Нефтеюганске объединение возглавил вартовчанин Кузоваткин, нефтеюганский начальник НГДУ стал руководителем объединения в Нягани, в Нижневартовск уехал сургутянин Вязовцев, и т.д. Кстати, такую кадровую политику тогда проводили в армии. Только «Сургутнефтегаз» возглавил «свой» Захарченко, который решительно воспротивился этой кадровой чехарде, руководителями служб и подразделений у него стали свои, доморощенные, в лучшем смысле этого слова, специалисты. Только замом по капитальному строительству генеральный директор «Сургутнефтегаза» пригласил к себе «чужого».

— Я пригласил на работу в «Сургутнефтегаз» единственного иногороднего, который к тому времени работал в Нижневартовске, — Григория Михайловича Кукуе-

вицкого, — рассказывает Николай Петрович Захарченко. — Отличный строитель-нефтяник, грамотный руководитель, к тому же в недавнем прошлом сургутянин, еще не растерявший нити, связывавшие его с этим городом. Он влился в нашу команду так, словно никогда не уезжал. И когда кто-то из министерства попробовал «наехать» на меня: вот, мол, Захарченко только своих на работу пригласил, я сказал: а Кукуевецкий?! Прекрасно зная, что Григорий Михайлович был и остался сургутянином. Кратно возросли объемы: и бурения, и добычи, а они без строительной составляющей не могли быть реализованы.

Конец семидесятых — это время появления на карте области новых городов и поселков, которые росли, как грибы после дождя. Тысячи людей ехали на Тюменский Север — по путевкам комсомола, в одиночку — на собственный страх и риск, ехали семьями; и всех надо было принять, устроить — а куда?! Набивали под завязку общежития, а чаще всего ставили балки и вагончики — прямо на месторождениях, вплотную к стенам промысловых цехов. И строили капитальное жилье такими темпами, что удивлялись сами. Еще не была сдана первая очередь Сургутского домостроительного комбината, а в обязательствах 1978 года уже было записано: выпустить и ввести 300 тысяч квадратных метров жилья. Иной областной город столько не вводил. На глазах рос новый Сургут — с белыми пятиэтажками домов, с полным набором соцкультбыта: детсадами, школами, магазинами, больницами — и полным инженерным обеспечением: водозабором, очистными сооружениями, благоустройством.

«Не каждому дано так щедро жить — друзьям на память города дарить», — слова популярной тогда песенки невольно приходят на память, когда речь заходит о строительстве тех лет. Поделившие недра производственные объединения по-хозяйски взялись обустраивать эту землю. Нефтяные «генералы» на вертолетах облетали свои вотчины и соседские, решая, где «посадить» тот или иной город. В считанные годы поднялись среди безжизненных некогда пространств Когалым, Радужный, Лангепас, Ноябрьск и другие нефтяные города.

Сургут набирал высоту — круто, резко, с тем чтобы никогда не снижать ее потом, как бы трудно ни приходилось. В руководстве «Сургутнефтегаза» сменился генеральный директор, приходили новые люди, которые не могли не заразиться каким-то особым здешним настроением, поистине деловой и творческой атмосферой, стремлением как можно лучше делать свое дело и которые неминуемо превращались в убежденных сургутян.

Многие нынешние руководители строительных подразделений «Сургутнефтегаза» были «высмотрены» Григорием Михайловичем как раз в эти кипучие восьмидесятые годы, из них он подготовил и воспитал целую плеяду талантливых строителей.

Вспоминает заместитель начальника УКСа «Сургутнефтегаза» Сергей Васильевич Савенков:

— Строителем я стал с легкой руки Кукуевицкого — именно он принимал меня на работу в управление комплектации оборудованием. В то время это был важный участок, оборудование нужно было заявлять заранее, не

позднее чем на год вперед, а то и на пятилетку. Его Величество План был неоспорим, и если не подать вовремя заявку, то добиться потом внеплановых поставок — гиблое дело. Капитальное строительство, которым командовал Кукуевицкий, было под пристальным оком молодого тогда генерального директора Богданова, еженедельно проводились селекторные совещания с участием заместителей министров и других ответственных лиц. Помню, как впервые Григорий Михайлович поручил мне подготовить выступление на селекторном. Конечно, он мог и сам это сделать, но ему хотелось, чтобы его молодых специалистов увидели, услышали, заметили. Я, конечно, заикался, бледнел, но меня внимательно слушали очень серьезные люди, и я приободрился, воспрял, и речь моя полилась ровнее. Я принял боевое крещение и на следующее селекторное уже пришел более сильным и уверенным.

До сих пор говорят о строительной школе Кукуевицкого, под добрым, умным и крепким крылом Григория Михайловича народ подобрался молодой и пытливый, отзывчивый на науку. Наставник умел радоваться успехам своих питомцев, сопереживал, если случалась неудача, но никогда не устраивал прилюдных разносов, унижающих человеческое достоинство. Один на один, в кабинете, по телефону — да, но не было случая, чтоб жесткий выговор заместителя генерального прозвучал публично. Случалось, кое-кто из молодых не оправдывал надежд, на него возлагавшихся, с ним терпеливо маялись, предлагая Кукуевицкому переместить человека по службе —

что может быть проще?! Не могу, отвечал Григорий Михайлович, я принимал его на работу — и я несу за него ответственность.

Были ли у него любимчики? Были, целый трест ходил у него в фаворитах. Речь идет о строительно-монтажном тресте №1, любимом детище Григория Михайловича, создания которого он долго и упорно добивался. Года два Кукуевицкий бомбил министерство, и в конце восьмидесятого был издан-таки приказ о создании на базе трех СМУ нового треста, который Григорий Михайлович дальновидно пометил номером один. А что, интересовались у него, будут номера и два, и три? Будут, непременно будут, отвечивал он. И действительно, вскоре был создан СМТ №2 — для строительства линейной части нефтепроводов и ЛЭП. Немногим раньше появился в структуре «Сургутнефтегаза» трест «Сургутремстрой», благодаря которому нефтяные микрорайоны Сургута, рабочих поселков Лянторский и Федоровский стали красивее и привлекательнее. Задачей же коллектива СМТ-1 изначально было обустройство месторождений и капитальный ремонт нефтепромысловых объектов, эти работы до сих пор составляют 80 процентов всех трестовских объемов.

Двадцать лет назад, когда создавался СМТ-1, Кукуевицкий пригласил на должность управляющего Андрея Филипповича Муху, и по сию пору возглавляющего трест.

— Безусловно, — убежден управляющий, — Григорий Михайлович много сделал для становления первого строймонтажного треста, всей строительной структуры

«Сургутнефтегаза». Он помогал созданию материально-технической базы, заботился о кадрах, о зарплате, о бытовых вопросах наших работников. Приезжал к нам по праздникам, на профессиональные конкурсы. И если где-то хвалили построенный нами объект, воспринимал как личную похвалу и очень гордился нашими успехами.

Зато и спрашивал с нас тоже «по-родственному», по-свойски. Как-то первый секретарь горкома партии Аникин решил посмотреть, как строится торговый центр на Белом Яру (этот поселок в те годы усиленно застраивал и обустраивал «Сургутнефтегаз»). Дела там шли хорошо, и Григорий Михайлович с легким сердцем взялся сопровождать «хозяина города». На ту беду прораб без моей команды снял оттуда кран, и на стройке, естественно, царило затишье. Только я вернулся домой, звонит Кукуевский, из телефонной трубки искры летят. Говорю: Григорий Михайлович, сейчас на эту тему говорить не могу, в доме гости. Он кричит — я положил трубку. Будь что будет, думаю, снимет с работы, скорее всего. Дня три он мне не звонил, что служило признаком крайней обиды. А затем — звонок, словно ничего не случилось. Теплый голос, деловой разговор, о происшедшем — ни намека. Мне даже не по себе стало, я тут же приехал к Григорию Михайловичу, извинился. А он: работа есть работа, наверно, можно было и по-другому. И сам извинился. В это он весь: вспыльчивый — и одновременно глубоко порядочный, благородный человек. Иной раз ставишь ему вопросы — по материально-техническому обеспечению, по проектной документации, — он весь

накаплился: что, некому в тресте эти вопросы решать?! Через час-другой уже звонит: получайте, я распорядился. Некоторые не понимали его, а кто близко к нему был, знали его надежность и порядочность.

Умение выслушать, поставить четкие и конкретные вопросы, проанализировать ситуацию, сделать нужные выводы, зачастую очень острые и нелюбимые, но без злости и малейших признаков оскорбления — вот его стиль. Об этом помнят и партнеры нефтяников — домостроители. У Кукуевецкого был непререкаемый авторитет среди подрядчиков, рассказывал мне один из строителей, если он говорил — «так», никто уже не перетакивал.

Его влияние, эрудицию и компетентность ощущали и вышестоящие руководители, с которыми Григорий Михайлович общался на равных. Один из начинающих с Кукуевицким специалистов нынешний заместитель начальника УКСа Виктор Константинович Дятлов вспоминает:

— Случился как-то пожар на Федоровском: сгорела дожимная насосная станция. Неприятность крупная, съехалось много начальства, даже министр нефтяной приехал, кажется, это был Мальцев. Кукуевицкий организовал работы по восстановлению ДНС, его дергали со всех сторон, царила легкая паника, а Григорий Михайлович одинаково легко и свободно общался с министром и с бригадиром монтажников, решая, как быстрее «расшить» узкие места, кого куда поставить, какую помощь может оказать министр. Для меня до сих пор это пример действий специалиста-нефтяника высочайшего класса в экстремальной ситуации.

Конечно, правительство страны выделяло огромные средства на освоение производства, куда меньше — на жилье, создание нефтяникам нормальных условий работы и жизни на месторождениях. Руководство объединения исхитрялось под видом производственных объектов вводить в строй бассейны, спорткомплексы, детсады и т.д. За это наказывали, если «обман» вскрывался. До сих пор косо смотрят на это в «верхних эшелонах» власти: и чего это города такие понастроили в тайге, ваше дело — нефть добывать, больно много хотите.

Да, северяне действительно хотели и хотят многого. Всего лишь за пять лет — с 1975 по 1980 годы — населе-

ние Сургута удвоилось, превысив сто тысяч человек, в городе была самая высокая рождаемость по стране. При этом обеспеченность жильем не превышала половины от норматива, а культурно-бытовыми учреждениями — не составляла и трети от нормы.

Специалисты УКСа «Сургутнефтегаза» во главе с Г.М. Кукуевицким сформировали новую, современную инфраструктуру города. Да, в градостроительстве допускались ошибки, снижение качества работ, отставание с прокладкой инженерных сетей и коммуникаций. Город оказался разбит на ведомственные «хутора», но именно Кукуевицкий старался исправить это положение, застраивая «промежутки» все новыми и новыми микрорайонами.

В 1981 году нефтяники перевыполнили план по жилищному строительству, в эксплуатацию было сдано 143,5 тысячи квадратных метров жилья. Невероятная по нынешним временам цифра!

Медленно, трудно — то денег нет, то стройматериалов, — но неуклонно шло сооружение спортивных учреждений. Сегодня действующие в Сургуте спортивно-оздоровительные комплексы «Нефтяник» и «Олимпиец» могут составить мечту любого большого города.

Особой заботой Григория Михайловича был современный больничный комплекс, который строили нефтяники и которым пользовались все сургутяне. На средства «Сургутнефтегаза» строились корпуса, приобреталось дорогостоящее оборудование, выплачивалась зарплата медработникам. Начиная с семидесятых и по девяностые годы управление капстроительства «Сургутнефтегаза» ежегод-

но вводило какой-нибудь объект медицинского назначения: поликлиники для детей и взрослых, роддом и женскую консультацию, больничные корпуса, диагностический центр окружного значения.

И это только часть сделанного и подаренного Сургуту великим строителем. Ведь размеры дела определяют масштабы личности, и наоборот: личность, ее размеры задают делу размах и величину. Кукуевицкий и был такой личностью. Небольшого роста, слегка прихрамывающий (у него с детства была больна нога, он мучился с ней долгие годы), с выразительными строгими глазами, которые, казалось, занимали все лицо, Григорий Михайлович буквально преображался от улыбки — ничего начальственного в нем не оставалось. Испытание большой властью над людьми мало кто выдерживает. Кукуевицкому было чуждо начальственное чванство, он никогда не подчеркивал свое должностное высокостояние, и если кто-то из подчиненных впадал в подобострастие, мог и оборвать. В кабинет к нему можно было войти в любое время, беспрепятственно. Подчиненные могли спорить с замом генерального, отстаивая свою точку зрения, в запальчивости доходило до высоких тонов — но все прощалось во имя дела.

Каким-то образом он знал дни рождения всех своих сотрудников и первым поздравлял именинника. Был необыкновенно внимателен и галантен с женщинами: на 8 Марта обойдет, бывало, всех и поздравит: кого — коробкой конфет, кого — цветами или стихами. Одна из женщин, знавшая Григория Михайловича еще по работе в

«Сургутнефти», на мой вопрос, чем запомнился ей молодой Кукуевицкий, улыбнувшись воспоминанию, призналась:

— Лезгинкой. Как-то мы отмечали очередной праздник, не помню уж какой, и Григорий Михайлович, душа нашей компании, в азарте вскочил на стул и сплясал лезгинку. Конечно, мы были тогда все поголовно молодые, с возрастом стали солиднее, но он и долгие годы спустя оставался горячим поклонником кав-

казских тостов, шуточных песен, анекдотов — в дружеском застолье никто лучше его не мог этого сделать. Когда начинал острить, получалось это у него блестяще, штампов и затасканных острот он себе не позволял, юмор прорывался по ситуации, всегда кстати. Многогранная эрудиция и глубокий интеллект делали Григория Михайловича прекрасным собеседником. Подкупали его обаяние и такт, располагая к искренности, заставляя забывать о его высоком положении.

Друзья помнят его пристрастие к преферансу — сугубо мужской игре, требующей четкого, живого ума и гибкой памяти, любовь к кроссвордам — гимнастике для мозгов. Самая нежная привязанность Григория Михайловича — его семья: преданная Валентина Алексеевна, дочери Марина и Ирина, внуки. Мой дом — моя кре-

пость, любил повторять глава семьи. Им, самым любимым и близким, адресованы были последние слова этого замечательного человека.

На плечах Кукуевицкого громоздилась невероятная глыба дел, вопросов, проблем, забот, а он, казалось, и не замечал ее, нес легко и просто — на взгляд постороннего. Между тем уже случился первый инфаркт. Григорий Михайлович отдыхал в Сочи, где стояла необычная для октября жара. Сердце остановилось, когда он вышел за газетой. Друзья до сих пор убеждены, что если б не Сочи, не жара...

Это был скорбный день для Сургута, потерявшего одного из самых достойных своих сыновей; прощаться с Григорием Михайловичем пришли сотни и сотни людей.

В эти дни заканчивалась строительством вторая музыкальная школа, которую сооружал Кукуевицкий, и сама собой родилась мысль — сегодня кажется, что она пришла в голову одновременно множеству людей — присвоить школе имя ее создателя.

— Нефтяники еще в семьдесят пятом построили нам здание школы, — рассказывает ее директор Марианна Степановна Дунская, — но нас тогда убедили, что Сургуту крайне необходимо музыкальное училище, и мы отступились. Потом пришли новые времена, нефтяники вроде уже и не обязаны были строить музыкальную школу, но Григорий Михайлович все же согласился. Это была поистине его лебединая песня — красавица-школа, выстроенная и отделанная по высоким меркам. Григорий Михайлович любил повторять, что строит не баню, а дом искусства, под крышей которого дети получают музыкальное образование, дом, где поселятся музы. Так и случилось: свыше 500 детей учатся в этой непревзойденной пока что музыкальной школе, поступают потом в консерватории, участвуют в различных конкурсах. Еще при жизни Григория Михайловича и при его активной помощи для школы приобрели очень редкий и дорогостоящий концертный рояль старинной немецкой фирмы «Бифштейн» — на нем играют великие музыканты, которые приезжают в Сургут, и наши ученики. Кто бы еще решился на это?! Для этого надо быть человеком, смотрящим в будущее, понимающим, что истинные ценности лежат в сфере духовной, в красоте окружающего мира. Григорий Михайлович полной грудью вдыхал энергию

жизни и передал ее будущим поколениям. К 30-летию школы мы открыли в ее стенах стенд памяти Г.М. Кукуевицкого, собираемся установить на здании доску с барельефом. Вы знаете, что Григорий Михайлович и его семья близко знали и общались с Магомаевым? Случайное ли это совпадение?!

Нет, конечно, совсем не случайное. Как и то, что нынешний офис «Сургутнефтегаза», самое красивое и импозантное в городе здание, находится на улице Кукуевицкого. И новое представительное здание «Сургутнефтегазбанка» — тоже. А сколько еще красивых и полезных зданий появится на улице, названной именем главного строителя города?!

Сегодня модно критиковать и ругать прошлое, называть его застоем, но история существует независимо от того, одобряем мы ее или нет. У большинства сургутян недавняя их история вызывает гордость за сопричастность к ней, за «университеты» того поколения, которое понемногу начинает уже уходить. Воплощаясь в названия месторождений, улиц и — в «другие долгие дела».

Алла Ярошко

О переименовании улицы Центральной

Исполком городского Совета депутатов трудящихся решил:

В связи с 10-летием со дня преобразования рабочего поселка Сургут в город окружного подчинения и за большой вклад, внесенный в освоение нефтяных богатств Сургута, переименовать улицу Центральную, присвоив ей имя первооткрывателя сургутской нефти Героя Социалистического труда, знатного бурового мастера Николая Борисовича Мелик-Карамова.

Впредь именовать улицу улицей Мелик-Карамова.

*Зам. председателя исполкома
городского Совета
За секретаря член
исполкома городского Совета*

В.А. Усик

В.И. Щепеткина

*Из решения исполнительного комитета
Сургутского городского Совета депутатов
трудящихся Тюменской области
№ 146 от 10 июля 1975 г.*

Н.Б. Мелик-Карамов (1930—1975). Сын потомственного азербайджанского нефтяника посвятил себя разведке недр Севера. Возглавляемая им буровая бригада открыла несколько нефтяных месторождений. Герой Социалистического труда.

Грозный покорил Сибирь. Сын Грозного — ее недра

[В Сургуте, пожалуй, нет более примечательной улицы, чем той, что названа именем Мелик-Карамова. И выделяется она среди всех прочих проспектов, бульваров и улиц города не длиной, шириной или особой красотой, а своим месторасположением. Именно эта улица, как пуповина, связывает город старый, со своей вековой историей, патриархальным укладом, и город новый, который за последние 30—40 лет стремительно рванулся ввысь многоэтажными домами, раскинулся площадями и проспектами, засиял неонам витрин и фонарей.]

По этой улице можно совершить экскурсию в прошлое Сургута, вернуться в день настоящий и даже заглянуть в будущий. Здесь кое-где как островки застывшей истории сохранились деревянные дома, срубленные сто лет назад, в ее начале находится старейшее предприятие города — рыбокомбинат, вдоль нее стоят памятники первым комсомольцам и сургутянам, трудившимся в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Проходя тенистыми тротуарами, можно «полюбоваться» безликой архитектурой первых в городе крупнопанельных домов и возвышенной красотой строящегося Преображенского храма с позолоченными маковками куполов, вознесшихся в небо на высоком берегу Оби.

Заканчивается же эта улица-экскурсия на строящейся дамбе, что в скором времени вернет первозданную красоту Сайме, вдоль которой она и пролегает. Прошрое, настоящее, будущее...

[Но давайте еще немного побудем в недалеком прошлом, чтобы попытаться понять, что же это за человек был такой, Мелик-Карамов, за что ему выпала честь — дать свое имя улице?]

...Август 1962 года. Усть-Балыкская партия глубокого бурения совсем недавно прибыла на новое, перспективное в плане нефтеразведки место, где позже появится новый город — Нефтеюганск. Несколько брезентовых палаток да пара деревянных домов — вот и весь лагерь. Один из домов стал «трехзвездочным отелем», но не в качестве предоставляемого сервиса: в то далекое время о звездах на отелях никто и не знал, а в смысле своей multifunctionality. Днем в здании размещалась контора партии, вечером — клуб, а ночью оно превращалось в общежитие для геологов-буровиков. Вот и получается — по звезде за каждую услугу.

С первого сентября этого же года приказом на базе партии была создана Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция, возглавил которую Иван Григорьевич Ша-

повалов, а главным геологом стал Фарман Курбанович Салманов, только что переведенный на новую должность из Сургута.

Бурение на новой площади в то время вела единственная бригада — Дмитрия Васильевича Зверева, но вскоре начала прибывать новая техника, приезжать со всех уголков Советского Союза специалисты. Одним из первых из Березова прибыл старший вышкомонтажник Н.Д. Драцкий. Человек этот был знаменитый, он первым в Западной Сибири осуществил по суше и воде перевозку буровой вышки в неразобранном виде.

Вместе с большей частью своей бригады из Нарыкар приехал в Усть-Балык и Николай Борисович Мелик-Карамов, тоже человек весьма известный, да вдобавок ко всему еще и сын знатного буровика. В 1951 году его отец Баграт Мкртович (его на русский манер в Бориса переименовали) пробурил Р-1 — первую на тюменской земле геологоразведочную скважину. Буровая стояла на окраине Тюмени, где сейчас высятся дома микрорайона геологов. Нефти тогда Баграт Мкртович,

прозванный Грозным за свое место рождения и суровый нрав, не нашел, однако эта буровая стала первой, но далеко не един-

ственной точкой опоры геологической мысли, приведшей позже к успеху.

Помбуром у Грозного во время прохождения своей производственной практики работал Ф.К. Салманов, и вот теперь судьба свела Фармана Курбановича с сыном своего первого бригадира, приехавшего в Усть-Балык продолжать дело отца — искать на сибирской земле нефть.

Николай Борисович был невысокого роста, с темными кавказскими глазами, живым характером, одержимый работой. Но, наверное, лучше всего о нем расскажет Александр Андреевич Халин, много лет проработавший в бригаде Мелик-Карамова, а позже, при переводе Николая Борисовича в Аганскую нефтеразведочную экспедицию, и возглавивший ее.

Летом 1962 года Александр с семьей отдыхал на Черном море и в конце августа вернулся в Нефтеюганск — как с легкой руки Салманова стал называться поселок Усть-Балык. Мастером его бригады в то время уже был назначен только что приехавший Мелик-Карамов. Халин подошел к человеку небольшого роста, очень подвижному, но с первого взгляда ничем не примечательному. Спросил:

— Извините, вы Николай Борисович?

— Да, я.

— Я Халин Александр, бурильщик, вернулся из отпуска. Когда мне выходить на вахту?

Карамов ответил, что бригада уже укомплектована, свободного места бурильщика нет. И посоветовал обратиться к главному инженеру, пусть, мол, найдет Халину другую бригаду.

Спорить бурильщик не стал, хотя и имел все права занять свое прежнее место в бригаде.

Пошел к конторе и только хотел открыть дверь, как услышал голос молодого инженера Бориса Михайловича Блинова:

— Саша, подожди! Куда спешишь?

Халин в двух словах рассказал ему, в какой переплет попал. Блинов рассмеялся, а потом и говорит:

— Знаешь, меня назначили буровым мастером на Р-72 Усть-Балыкской площади. Пока буровая еще в монтаже, но я сколачиваю бригаду. Иди ко мне.

На другой день отпускник поехал на новую буровую и приступил к работе.

Новую скважину пробурили на пять дней раньше срока, сдали ее испытателям для исследования, а бригаду перебросили на Р-73.

Блинов был неосвобожденным председателем разведкома, и его вызвали в Ханты-Мансийск. Исполнять свои обязанности он оставил Халина и дал задание: оснастить буровую, приготовить глиняный раствор, навернуть замки на бурильные трубы. Члены бригады

работали очень хорошо и вскоре выполнили почти все, что наметил бригадир. Оставалось на час работы, как вдруг к ним на машине приехал главный инженер экспедиции вместе с буровым мастером Мелик-Карамовым.

Исполняющий обязанности мастера подошел, поздоровался, и тут главный инженер его и ошарашил:

— Эту скважину будет бурить Мелик-Карамов.

Но Александр, как говорится, встал на дыбы, отказался выполнять распоряжение и повел свою вахту на буровую.

К 16 часам забой был 170 метров, и в это время подошла машина с другой вахтой. Из кабины вылез Мелик-Карамов, а из кузова выскакивали один за другим члены его бригады во главе с бурильщиком Виктором Онищенко.

Николай Борисович подошел к Халину и приказал сдать вахту Онищенко, а завтра с 8 часов выходить на работу в его бригаду: приказ о новом назначении уже подписан. Так он оказался полноправным членом новой бригады.

Со временем Халин и Мелик-Карамов сдружились, а после того, как во время отсутствия Николая Борисовича Халин при возникновении критической ситуации на буровой взял инициативу на себя и не допустил обвала шахты, бригадир стал оставлять его за себя на время отпуска или командировок.

Работа у коллектива ладилась, бурили скважины глубиной 2400 метров, иногда и 2800 метров. Люди держа-

лись за свое место, хотя Николай Борисович был очень требователен ко всем и терпеть не мог халатности и обмана.

Однажды зимой помощник дизелиста Александр Калинин поздно вечером начал качать воду на буровую и в котельную, но вспомнил, что не закачал дизельное топливо. Побежал качать его, а тут и смена вахты, которую принимал Николай Бахтин. Калинин передал ему смену, но забыл сказать о водяной линии, которую он в спешке не продул воздухом.

В четыре часа ночи Бахтину нужно было накачать воду на буровую. Он паром отогрел центральный насос и подал воду, которая, пройдя всего 50 метров, уперлась в

ледяную пробку. Двести метров труб оказались замороженными.

О происшествии доложили Карамову. Он начал разбираться с Калининым, который заверял, что продул воздухом все трубы перед тем, как сдать вахту.

— Сказал бы ты правду, я бы тебя простил, — заявил виновнику Николай Борисович. — А за вранье будешь наказан.

Подошло время зарплаты, и Калинин недосчитался в получке 300 рублей, а в то время это были большие деньги.

Не любил Николай Борисович и игру в карты. Однажды ночью он зашел в домик, где должны были отдыхать вахтовики, а там четверо из них играют в «храп» на деньги. На столе — банк свыше 100 рублей. Наутро все четверо

были отправлены на базу, хотя в бригаде был некомплект. С той поры, если и играли в карты, то только в «дурака», и то не на интерес, а на удары картами по носу.

Но особенно строго обращался бригадир с теми, кто позволял себе выпить на буровой. Стоило такому любителю хоть один раз появиться под хмельком, как Карамов безжалостно изгонял его из своей бригады, не смотря на прежние заслуги. Но такие случаи были крайне редки. Люди, работающие в бригаде, неоднократно добивались рекордных результатов в бурении, имели за это очень высокую заработную плату и дорожили своим местом.

Что же любил Николай Борисович?

Прежде всего любил свою работу и для достижения поставленной цели не жалел ни сил, ни времени, проявляя при этом находчивость и изобретательность, но не чурался и обратиться за советом к старшим.

На скважине Р-1 Декабрьской площадки во время проведения электрометрических работ оборвался каротажный кабель. «Ерша» для ловли кабеля на буровой не было, и Николай Борисович решил изготовить ловушку для ловли кабеля из корпуса турбобура. Решено — сделано. При каждом спуске извлекали всего по 2—3 метра кабеля. Тогда Карамов обратился за советом к управляющему треста «Обьнефтегазразведка» Владимиру Алексеевичу Абазарову.

Тот подсказал, как сделать очень простой и надежный «ерш» из куса бурильной трубы: вырезать в нем окна и развернуть лепестки по всему периметру.

Послушался Николай Борисович дельного совета, сделали такое приспособление. И при первом же спуске самодельного устройства подняли кабель на поверхность.

Очень любил Карамов свою жену Нину Ивановну и трех дочерей — Любу, Таню и Наташу.

Увлекался рыбалкой, часто баловался охотой. Однажды он и несколько человек, что пошли с ним на охоту, увидели в лесу медведицу с маленьким медвежонком, которые переходили охотничью тропу. Карамов, который шел первым, вдруг замер, предостерегающе подняв руку. Медведица, увидев людей, встала на задние лапы и громко зарычала, а медвежонок выскочил вперед нее и устоялся на охотников. Мать, опустившись на все четыре лапы, поддала медвежонку под зад, как нашкодившему ребенку, схватила зубами за загривок и не спеша пошла в лес. Мелик-Карамов проводил ее взглядом, выждал еще несколько минут и лишь потом скомандовал своим спутникам продолжать путь.

Как и все мужики, а он был еще и кавказец, любил Николай Борисович в нерабочее время посидеть в хорошей компании и пропустить рюмку-другую, но после одного случая, чуть не закончившегося трагически, стал относиться к этому совсем по-другому.

Как рассказывает Александр Андреевич Халин, было это в шестьдесят пятом году, когда Николай Борисович собирался в отпуск. Семья уже улетела, а он задержался на несколько дней, надо было закончить очередную скважину. Но вот все дела были сделаны, сква-

жина передана испытателям, и уже подписан приказ об отпуске. Значит — надо его обмыть. Собралась солидная компания. За рюмкой и разговорами припозднились и расходиться по домам стали во втором часу ночи. Мелик-Карамов жил в то время на улице Строителей, а по ней тогда ездили только тракторы да гусеничные вездеходы. До того разбили дорогу, что она превратилась в жидкую песчаную реку. Николай Борисович вступил в эту жижу, сделал шаг, второй — и вдруг по пояс провалился в яму. Попытался выбраться, но оставил в грязи сапог. Нагнулся, чтобы его вытащить, и почувствовал, как грязь стала засасывать все тело. В голове появилась мысль: «Погибать мне рано, ведь у меня трое детей». Собрал все силы, Карамов пополз-

поплыл по этой грязи до берега-обочины. Еле выбрался живой. С тех пор больше никогда не засиживался в компаниях.

В те годы город гордился трудовыми успехами бригады Мелик-Карамова. Все рекорды геологоразведки были им побиты. Буровики давали самую высокую проходку на станок, на долото, скорость и качество, и главное — высокую результативность поиска. Многие месторождения Сургутского, Нефтеюганского и Нижневартовского районов были открыты прославленной бригадой.

Вот что писал бывший председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков в своей книге «Дело жизни» о Николае Борисовиче.

«Когда в одну из поездок по Западной Сибири я побывал в Усть-Балыке, меня познакомили с замечательным мастером Мелик-Карамовым. Его очень любили рабочие. Порой резкий и вспыльчивый, он отличался тем не менее чуткостью, человечностью, обостренным чувством справедливости. Помню, проговорили мы тогда с Николаем Борисовичем долго, обстоятельно и о работе, и о жизни, и о разных трудностях. Прощались друзьями, по старинному обычаю расцеловались».

За выдающиеся достижения в труде в 1966 году Николаю Борисовичу было присвоено звание Героя Социалистического труда. Через четыре года экспедиция, где он работал, ушла из Нефтеюганска в Новооганск, что в двухстах километрах севернее Сургута. Там знатный мастер пробурил со своими товарищами еще не одну скважину, открыл не одно месторождение.

Двадцать три года проработал Мелик-Карамов в нефтеразведочных экспедициях Главтюменьгеологии. Был одним из первооткрывателей Усть-Балыкского, Мамонтовского и Южно-Балыкского месторождений, активным участником разведки Федоровского, Южно-Сургутского, Варьеганского и других месторождений нефти и газа нашего автономного округа.

Умер Николай Борисович в 1975 году, возле дверей своей квартиры, которую незадолго до этого получил в Тюмени. Сердце не выдержало тяжелого ритма работы, северных вахт, неустроенного быта геологоразведчиков. Было ему всего 45 лет.

В тот же год аганские нефтеразведчики выступили с ходатайством о присвоении одному из месторождений имени Мелик-Карамова, и сейчас на нефтяной карте есть Карамовское месторождение. Именно там стоит скважина-первооткрывательница Р-78. А в Сургуте — улица имени знатного нефтеразведчика.

Владимир Добрынин

П.А. Мунарев (1929–1993).

Комсомольский вожак, секретарь райкома партии, первый градоначальник Сургута. Инициатор создания и много лет возглавлял общество «Старожилы Сургута».

И сердце помнит, и душа хранит

Ничего необычного в его биографии нет. Детство с шалостями и проказами. Раннее пристрастие к труду. Вступление в комсомол. Натура живая, инициативная. Заметили. Пригласили на освобожденную работу в аппарат райкома комсомола. Прошло время, и избрали секретарем. Дальше — больше. Учеба в Высшей партийной школе и работа в райкоме КПСС. А потом забот, хлопот свалилось столько, что не продохнуть.

Случилось это в 1965-м году. На сессии городского Совета народных депутатов Петра Александровича Мунарева избрали председателем. По нынешним временам — мэром, градоначальником.

Что из себя представлял в то время Сургут, только-только получивший статус города? «Северный захудалый поселок с деревянными тротуарами, тихими сельскими улочками, неспешным течением жизни, — вспоминает Мунарев в своей книге «Так было, так начиналось». — Но уже продолжался интенсивный поиск нефти, началась промышленная разработка открытых месторождений, бурное строительство жилья, объектов промышленного назначения».

Горсовет размещался в старом одноэтажном деревянном доме. В нем и в давние времена, когда Сургут был еще уездным центром, пребывала городская управа. У новоиспеченного градоначальника под началом по штату значились: заместитель, секретарь, финансист, заведующий общим отделом. В подчинении — маломощное коммунальное хозяйство в виде электростанции, водокачки, пожарки, а все остальное — торговля, общественное питание, бытовка, транспорт — в ведении геологов, строителей, нефтяников, крепко пускавших корни в северную землю.

Население города росло как на опаре. В шестьдесят пятом составляло десять тысяч, через пару лет выросло до 22 тысяч человек. В последующие годы увеличивающиеся темпы роста вызывали особую тревогу, в пору было растеряться...

В горсовете двери не закрывались сутками. Новоселы требовали крыши над головой, хлеба, воды, света, дорог. Мунарев упрашивал нефтяников, строителей: дайте, помогите. Благо везло Сургуту на руководителей-хозяйственников. Они понимали общегородские проблемы, откликнулись на просьбы местных властей и делали многое, чтобы скрасить жизнь и быт новоселов...

— Парадоксы поджидали на каждом шагу, говорит Петр Александрович. — По нормам, утвержденным в верхах, городу с населением в 10, 30, 50 тысяч человек необходимо было иметь определенное количество школ, магазинов, клубов, автобусов, машин «скорой помощи»... На наши запросы и требования ответ поступал один: спрашивайте с хозяйственников. Разговариваем с ними: рады

бы построить магазин, открыть больницу, отремонтировать дорогу, да только средства отпущены на бурение, добычу нефти, строительство жилья. На социалку — ни копейки.

— А как же выкручи-

вались?

— Хитростью! — смеется Мунарев. — Допустим, в титуле значится склад. Проектно-сметная документация есть, отпущены фонды на материалы, предусмотрено финансирование. Отводим землю, начинаем возводить объект. Втихаря производим перепроектирование, правдами-неправдами выбиваем оборудование, мебель. И появился... Дом культуры «Строитель».

Таким же образом построили телевизионную станцию «Орбита», кафе «Орион», мост через Сайму, объездную дорогу.

— И, наверное, влетало?

— Не без того! Но мужики-то понимали, что жить в Сургуте нам, а не московским министрам.

— Неужто эти самые министры?..

— О чем ты говоришь! Москва знала одно: дайте скорее и больше сибирской нефти. И летели ракетой в небо плановые цифры нефтедобычи. А чтобы цифры превратить в нефтяные реки, нужны были не только деньги, металл, машины, но и прежде всего люди. Их зазывали, вербовали, командировали тысячами, забывая, что

человеку нужна не только работа, но и хлеб, кров, одежда, ему надо где-то развлекаться, лечиться, растить и учить детей.

— А спрос за все с местных властей.

— Да еще какой! Строгий.

Случилась беда в Сургуте: вспыхнула эпидемия паратифа. За одну неделю заболели сразу 106 человек. В Сургут свалилась министерская комиссия во главе с главным эпидемиологом страны. Она исследовала все возможные источники заражения и пришла к выводу: источник — молокозавод. А это деревянный тесный домишко, где не представлялось возможным соблюдать стерильность и точность технологии. Завод тут же закрыли на ремонт, а населению предложили в срочном порядке пролечиться. Мунарева вызвали на заседание президиума Совета Министров РСФСР и... вклеили выговор.

— После ЧП как-то изменилось положение?

— Не сразу. Где-то в семидесятых годах стали отпускать средства на строительство социалки.

...Еще до указа Президиума Верховного Совета России — придания статуса города — кипели споры: какой строить город? Назывались цифры в 250, 320 тысяч населения. И даже в 700. Один из проектировщиков «Сибгипротранса» предлагал ставить вопрос о создании областного центра в Сургуте. Наконец, плановые органы остановились на численности в 125 тысяч человек, и московскому «Гипрогору» выдали задание на проектирование Сургута. Но споры не прекращались. На сей раз — где строить город? Каждый проектный институт и ведомство

предлагали свой вариант. В итоге шесть лет Сургут возводился без генерального плана.

И потому нефтяники, строители, геологи, речники строили себе отдельные мини-города. Они вписывались в будущий генплан, но обособленно, со «своими» инженерными коммуникациями, культурно-бытовыми объектами.

Где-то в конце 68-го — начале 69-го «Гипрогор» «затащил» в Сургут подрядчиков-коллег из проектных институтов. Три дня до хрипоты спорили: где «посадить» город, который к тому времени уже разбросался километров на шестнадцать. «Вече» проектировщиков склонялось к варианту нефтяников: расположить город между поселком нефтяников и западным промышленным узлом, растянув город еще на десяток километров. Большая часть этой территории — заливная пойма, которая после паводка превращалась в болото. И, что немаловажно, при этом подлежал уничтожению большой массив лесного окружения. Как можно согласиться?

— Не согласимся. Ни за что! — в сердцах сказал Мунарев.

И не уступил. Крепко поддержала Мунарева пресса. В местной газете «К победе коммунизма» была развернута широкая дискуссия по градостроительству. «Правда», «Советская Россия», «Тюменская правда» приняли в своих публикациях сторону горсовета. Настолько все было серьезно, основательно, доказательно, что «гипрогоровское» решение сначала оспорил отдел архитектуры, затем исполком областного Совета. И институту было предло-

жено разрабатывать генплан строительства Сургута в сложившихся границах.

Позднее, в 1986-м году, «Тюменская правда» писала: «Сургут долгое время ругали. Ставили в пример, как не надо строить города на Севере. Кто бывал здесь в 70-е, знает: тут поселочек нефтяников, там — энергетиков, где-то там — геологов. Между этими островками — километры. Не город, а какой-то конгломерат поселков.

Скоро в Сургут (да, впрочем, можно уже и сейчас) будут ездить, чтобы посмотреть, как надо строить город на Севере».

Петр Александрович вроде и порадовался публикации, но на сердце не полегчало. Упрямство, неуступчивость председателя горсовета кое-кому из верхних эшелонов власти шибко не нравились. Возражал он крепко, когда Минэнерго положило глаз на старый Сургут. И как ни сопротивлялся Мунарев — сломали. Растащили старые дома бульдозерами, плодородные земли частных огородов начальство перевезло на свои дачи. И на прежних улицах — Красноармейской, Революционной, Советской — поднялись бетонные коробки.

Неизвестно, по какой причине «ушли» Петра Александровича с поста мэра. В народе сургутском и по сей день бытует мнение, что пострадал Мунарев из-за строптивого характера. Пожалуй, так оно и было.

Горком партии «бросил» Петра Александровича на хозяйственную работу. В геологоразведку. Пропадал в командировках. По городам, по заводам: такова жизнь снабженца. В редкие дни, когда Мунарев бывал в Сургуте, он заходил

ко мне в редакцию городского радиовещания «поговорить про жизнь» — так он окрестил наши встречи. Засиживались допоздна. Он вспоминал, рассказывал, я — больше помалкивал, слушал. О чем? Конечно же, о городе, его боли. Хотя журналистов и приглашали на всякие совещания, встречи в горком партии, горисполком, многие темы оставались для прессы закрытыми. Петр Александрович приоткрыл мне глаза на многие тогдашние события. С надрывом души повествовал. А я чувствовал, глазом невооруженным замечал: таял Мунарев, хотя и хорохорился, бодрячком себя вел. Оказывается, он уже серьезно занемог. И когда брякнул пенсионный звонок, ни дня больше не ходил на работу...

Имя Петра Александровича у меня всегда ассоциируется с Сургутом. Он — первый из сургутян, с кем я познакомился, кто влюбил меня в этот город.

...Белоснежный речной трамвайчик, разрезая серо-бурые холодные волны, неторопливо на вид, но ходко проскочил Иртыш за Ханты-Мансийском и полез как бы в гору, против течения по Оби. Слева потянулся материковый таежный и крутой берег, а справа удалялась Самаровская гора, постепенно переходя в сор, который простирался на десятки километров, в половодье заполненных водой.

Версты оставались за кормой, по берегам — редкие деревни. Примостился на скамейке и смотрел по сторонам, отмечая новые места, через которые в скором времени будут пролегать мои командировочные дороги.

— Вы, похоже, первый раз в этих краях?

Я оторвал взгляд от берега, на котором рыбаки растаскивали стрежевой невод. Рядом стоял крепыш сред-

него роста, с открытым и добрым лицом, лет тридцати с хвостиком, в добротном недорогом костюме, при галстуке.

— Вы правы, — я чуть придвинулся, приглашая незнакомца присесть. — Не здешний. Плыву в командировку. В Сургут.

— Пора познакомиться. Мунарев. Секретарь райкома партии. Петр Александрович. По-деревенски — ваша сваха.

— Как это понять? — я все больше проникался любопытством к человеку, который располагал к себе открытостью, непринужденностью.

— Как-нибудь потом. На досуге. Времени-то у нас будет достаточно. — Мунарев разочка два крепко затянулся сигаретой. — Вчера вечером в окружке партии познакомился с вашим личным делом. По фотографии и признал...

Каких-то пять-десять минут общения — и мы вели себя, как старые знакомые. Петр Александрович — местный, сургутский, на секретарство райкома партии из низовки пришел.

— Сургутский район — разбросанный. Большой. Где еще такой в Союзе сыскать? Хозяйство многопрофиль-

Сургут телекомсет

ное. Рыбодобыча и лесозаготовки, сельское хозяйство и пушной промысел. Есть и местная промышленность, торговля. Само собою разумеется — школы, учреждения культуры, здравоохранение. А недавно добавилась геолого-разведка. Тут захватывающее дело.

Разговор прервал вахтенный капитан:

— Пристань Пилюгина. Стоянка три минуты.

Оперевшись на поручни, Мунарев улыбался:

— В народе деревню называют «Поищи уздечку».

— Почему так?

— Зимой-то по району ездим на лошадях. От деревни до деревни. Как говорится, «по веревочке». В каждой деревне ямщицкий станок, где можно с пылу-жару отведать пельменей, чарку водки выпить, кружку кипятка и отдохнуть на нарах. Конечно, и лошади отдыхают. А когда подоспеет время ехать дальше, обнаружишь, что увели чересседельник или узду. Не во всех деревнях, а вот в Пилюгино — как правило. Отсюда и название.

Рассказчик Мунарев был превосходный. А знаток местной жизни какой! Обычаев, людей! Слушал и диву давался. Большинство сургутян имеют фамилии Кайдаловы, Кондаковы, Проводниковы, Щепеткины, Меньшиковы... По преданию они дальние потомки ермаковских казаков. Но по фамилиям редко друг друга знают, больше — по кличкам: Тухловские, Филипповские, Зимоваловские, Почтальоновские... Прозвища, видимо, тоже уходят в старину, хотя есть и современные. В районном Доме культуры работала Александра Взорова: молодая деваха, общественница. И вот, когда родила первенца,

устроила крестины-октябрины на современный лад. Начиталась зарубежных романов и пожелала назвать сына Цедриком. Где нашла-вычитала, вряд ли могла вспомнить. Имя было вписано в метрики, позднее — в паспорт. И только уходя на фронт, сын поменял имя — стал Анатолием. А вот Взорову после крестин стали звать Шурапионерка.

Часа полтора-два мы разговаривали. Точнее, я был внимательным слушателем, а Петр Александрович без умолку рассказывал. Об истории Сургута. Оказывается, сюда ссылались первые революционеры, отбывали царское наказание декабристы. О праздниках. Самый веселый, нарядный и хмельной — сабантуй. А еще о театре. Как такового в Сургуте нет, но в Доме культуры ставятся спектакли по пьесам Островского, Чехова...

Басистый продолжительный теплоходный гудок над Обью.

— Вот и приехали, — Мунарев поднялся со скамейки. — Бери вещички. На берегу встретимся.

По обе стороны дебаркадера простиралась Обь. У пристани она расплескалась дай боже! И справа, и слева берега километра на два были заставлены лодками. Они были пришвартованы цепями, тросами и просто веревками. И каких только тут лодок не было! Плоскодонные, тупоносые, сбитые из простых тесин... Белые, как первый снег, нежно-голубые, как июньское небо, густо-зеленые, как побеги озими... Лодки пестрели, сливаясь с песком... Я напряг зрение и стал читать надписи на бортах: «Обь», «Победа», «Пятилетка», «Обрыв», «Утес»...

Мунарев дождался меня на берегу. Мы сели в двухколку и поехали. Рядышком. И до сих пор мне кажется, что так мы с ним и ехали все годы, начиная с 1961-го.

...Наши вечерки продолжались. И приобрели некий творческий характер, воплощаясь в мемуарные воспоминания, хотя Мунарев никогда не вел дневниковых записей: память у него была цепкая. Мы тогда выдали с ним большой цикл передач о Сургуте, о людях. Даже помышляли издать книгу, да все как-то не получалось. Сомневались, позволят ли, как-никак опальный председатель горисполкома. Позднее, когда Мунарева уже не стало, его давнишний друг М.М. Конев задумку исполнил. Хорошая память о хорошем человеке и для хороших людей!

А годом позже осуществилась и еще одна задумка Петра Александровича: открылся историко-культурный комплекс «Старый Сургут». Когда Мунарева «одолели» энергетики и начали интенсивно застраивать самое красивое место прежнего Сургута, он заразился идеей — перенести домов десять-пятнадцать — старинной деревянной архитектуры — на берег речки Сайма, создав своеобразный музей под открытым небом. Журналисты поддержали, поддержали и горожане. После долгих дебатов и власти местные согласились. Дело упиралось в средства. Нашли вариант: коли на месте старой застройки Сургута поднялся жилой массив энергетиков, то им и раскошелиться. Опять переговоры, согласования, изыскания средств. Не один год минул, от разобранных старых домов почти ничего не осталось. Те, что поставлены в историко-культурном центре «Старый Сургут», — так

называемый новодел, сделаны по рисункам, чертежам старожилов. Все равно хорошо. Мне думается, что «Старый Сургут» — это памятник первому мэру, и не грех было бы назвать комплекс его именем.

Наверняка историки запишут в заслугу Мунареву и обществу «Старожилы Сургута». Детище Петра Александровича, которое он создавал и многие годы возглавлял, совсем недавно отметило десятилетний юбилей.

...В восточном жилом массиве города, в народе по-прежнему называемом Черным Мысом, есть небольшая улочка. Точнее, проезд, нареченный именем Мунарева. Скромная табличка, даже мемориальной доски не имеет. И не каждый живущий в домах ведаёт, кто же он был, Мунарев?

Из отпущенных ему Богом шести десятков с хвостиком лет пятьдесят точно отдано Сургуту. По первости занимался радиофикацией домов, верховодил молодежью. Повзрослел — мотался по колхозным деревням, поселкам лесорубов, рыбаков, буровым геологоразведчиков, будучи партийным вожаком. Потом почти десять лет правил Сургутом — в самый тяжелый период становления города. «Эти годы нельзя забывать, как участникам тех событий, — пишет П.А. Мунарев в своих воспоминаниях. — Надо знать тем, кто сегодня живет и трудится, кто завтра будет жить в Сургуте». Мунарев как раз из тех, кто попал в бурный водоворот событий 60–70-х годов. На самый гребень волны.

Анатолий Зубарев

О присвоении имени Флегонта Показаньева улице города Сургута

В соответствии с решением городской Думы о присвоении имени Флегонта Показаньева одной из новых улиц города Сургута и решением городской комиссии по топонимике (протокол от 18.09.2000 № 5):

1. Присвоить новой улице, строящейся от улицы Губкина до улицы № 1 «З», имя Флегонта Показаньева.

2. Контроль за выполнением распоряжения возложить на заместителя мэра, начальника департамента культуры, молодежной политики и спорта Черняка Я.С.

И.о. мэра

С.В. Иванов

*Из распоряжения администрации
города Сургута
№ 2666 от 22 сентября 2000 г.*

Ф.Я. Показаньев (1922—1996). Участник Великой Отечественной войны. Много лет на советской, партийной работе и столько же отдано краеведению. Автор многих работ по истории северного края. Заслуженный работник культуры РСФСР. Почетный гражданин города Сургута.

Историк, краевед, археолог? Просто — Человек

К сороковинам Флегонта Яковлевича Показаньева в 1996 году мне приснился странно-пророческий сон. Будто стоит он в наглухо застегнутой военно-морской офицерской форме на высокой вершине, заканчивающейся далеко в небесах, а я — у подножья этой горы. И так до него высоко, и так печален его лик.

Я, конечно, помянула тогда покойного, тем более что помянуть Флегонта Яковлевича есть чем: он был одним из первых подвижников в различных областях культуры и краеведения Сургута и района.

Его современники Николай Иванович Ездаков, Анатолий Михайлович Сыроватский, Константин Яковлевич Лагунов, друзья-ветераны, сотрудники музея и многие другие

еще при жизни Флегонта Яковлевича, а ему исполнилось бы в январе 2002 года 80 лет, задавались вопросом, кто он: историк, археолог, лектор?

В 1960 году он создал редакцию радиовещания на общественных началах и длительное время принимал непосредственное участие в ее работе. Содействовал открытию первой детской музыкальной школы. 1963 год — создал историко-краеведческий народный музей. 1966 год — организовал городское отделение общества охраны памятников истории и культуры, экскурсионное бюро на общественных началах. Проводил экскурсии, готовил исторические разработки и материалы для экскурсоводов. 1968 год — восстановил имена воинов-сургутян, погибших в годы Великой Отечественной войны. 1971 год — совместно с И.П. Захаровым издал брошюру «Краткий очерк истории Сургутской партийной организации». 1972 год — выпустил плакат «Памятники Сургутского района», издал брошюру «Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий». Разработал и заказал четыре серии нагрудных значков о Сургуте.

Проявил инициативу и принял участие в строительстве памятников и памятных знаков в городе Сургуте, селах Тундрино, Локосово, Юган. Собрал материал, разработал тексты, написал пояснительные справки и характеристики, изыскал деньги, заказал 18 мраморных мемориальных досок. Активно участвовал в подготовке и проведении празднования 370-летия и 375-летия Сургута. Прочитал более 500 лекций о Сургуте, провел десятки экскурсий с туристами, учащимися, различными со-

ветскими и зарубежными делегациями, снимался в документальном кино. Внес вклад в изучение Барсова городка и других археологических памятников Сургутского района.

Принял участие в написании и подготовке к печати совместно с И.П. Захаровым книги «Сургут в годы Великой Отечественной войны»...

Велико наследие Показаньева на литературном поприще. При его жизни увидела свет новая книга о Сургуте — «Город древний, город славный», под его редакцией вышел сборник «Дорогами войны», где целую главу занимают его воспоминания о времени, о себе, о друзьях-товарищах. Издание о войне было предпринято к 50-летнему юбилею Победы по заказу городской администрации. В серии «Города нашего края» Ф.Я. Показаньев совместно с Л.В. Петровой издал исторический очерк «Сургут». Он же подготовил к изданию автобиографическую «Ленькину науку», «Записки уездного исправника Пирожникова», к сожалению, не изданные.

Был в то же время активным членом многих общественных организаций. Помогал ДОСААФ, нынешнему РОСТО, военкомату, детским дворовым клубам. В марте 1970 года совместно с Г.Ф. Пономаревым создал городской совет ветеранов войны и труда. С 1970 по 1981 годы был заместителем председателя совета, с 1981 по 1989 — его председателем, и до конца дней своих — бессменным членом президиума совета.

Установил имена 1065 сургутян, погибших в годы войны. Памятник погибшим открыт в 1968 году. Спи-

сок погибших использован в книге «Память», где в числе энтузиастов-общественников отмечен и Ф.Я. Показаньев.

Имена 80 сургутян, погибших в борьбе за Советскую власть в Сургутском уезде, известны моим современникам тоже благодаря его подвижническим усилиям, мемориальные доски у братской могилы установлены в 1987 году. Именно Показаньев первым назвал имена сургутян, незаконно репрессированных во времена культа личности Сталина.

В декабре 1967 года Флегонту Яковлевичу было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». В апреле 1988 года он был назван Почетным гражданином города Сургута. Награжден грамотами и памятными адресами партийных, советских, комсомольских и других общественных организаций.

Многое, к чему он прикоснулся, осталось незавершенным, многое ждет еще своего исследования. Поистине широко мыслил Ф.Я. Показаньев и «копал» историю. Он признавался, что еще с молодости задумал написать книгу о спецпереселенцах, но по ряду причин откладывал эту задумку. Начиная записывать обрядовые обычаи коренных жителей — ханты. Почти никогда в разговорах и в автобиографии он не рассказывал, что из семьи ссыльных. Может, потому в одной из автобиографий он очень сухо и коротко сообщает: «Родился 17 января 1922 года в Юргамышском районе Курганской области. С 1930 года в Сургуте». С позиции дня сегодняшнего, когда в Сургуте подавляющее большинство жителей — новопоселенцы

из разных уголков России, этот факт воспринимается иначе.

Родом Показаньевы из Курганской области, из неизвестной для нас деревни Калиновка, о которой мы знаем благодаря воспоминаниям Флегонта Яковлевича. Репрессии в отношении семьи начались с переселения ее в бедняцкий дом на окраине деревни. «А наш крестовый, построенный в 1923 году из толстого соснового бруса дом, — как сообщала потом не попавшая в ссылку замужняя сестра Клавдия, — перевезли на станцию Мишкино и пристроили к зданию райисполкома». «В ночь на 16 февраля 1930 года нашу семью, — писал Показаньев, — вы-

вели из дома, посадили на подводы, разрешив взять минимум одежды, обуви, пищи, и увезли на станцию Мишкино. Таких, как мы, там скопилось много».

В рукописях Флегонта Яковлевича я нашла стихотворение, которое знали многие спецпереселенцы: «Тридцатый год настал тяжелый, в середине февраля часов в 12 ночи темной Россия вся сошла с ума». И потянулись обозы на север. Везли спецпереселенцев в вагонах-товарняках, пока была железка. А от Тюмени вновь грузили на подводы и везли дальше.

«Обозы двигались медленно, — вспоминает Показаньев, — было холодно и голодно. По дороге умерло много детей. Их не хоронили, а оставляли в деревнях на милость местных жителей и власти. Отец, узнав у конвоя, где будет очередная остановка, уходил вперед и подыскивал дом для ночлега, ведь семью из 12 человек разместить было непросто. К весне добрались в Демьянское, а в начале июня всех переселенцев погрузили в смрадные, тесные, сырые трюмы парохода и повезли в Сургут. В туалет и за кипятком стояли длиннющие очереди. На пароходе ехали и обычные пассажиры, но нас на верхнюю палубу не пускали. И все же мы пробирались туда, тогда я впервые увидел

маленькую лодку — облас, на которой ехал один человек.

В Сургуте всех разместили по квартирам. Настала важная пора, и всех мужчин повезли на угожья, они взяли и подростков, чтобы легче прокормиться. Нашу семью приписали к Широковой. Отец тем временем построил в одном километре от деревни землянку, и к зиме все туда перебрались».

В 1931—1932 годах недалеко от Сургута руками спецпереселенцев, к которым относились и Показаньевы, был построен поселок Банный. В Банном открыли школу: в одной половине дома, составляющей не более 20 квадратных метров, учились дети, в другой жил учитель, немец по национальности, Ян Борисович Варкентин со своим братом. Здесь и учился Показаньев. Партами служили добротно сколоченные столы топчанного типа, такими же были и сиденья. Мальчик Флена, как звала его ласково мать, к десяти годам уже бойко читал, писал, считал, решал задачи, знал наизусть много стихотворений Пушкина, Лермонтова.

Отец Показаньева Яков Калистратович по тем временам был человеком грамотным, имел образование в объеме приходской школы. После отцовского чтения вслух сын быстро и накрепко запоминал прочитанное. В школе мальчик запоминал дословно один раз прочитанный текст. Его, десятилетнего, и тринадцатилетнего брата Василия учитель записал во второй класс. Учебников в ту пору не хватало, и учитель придумывал свои задачи, иногда прямо на ходу. Показаньев, как правило, всегда раньше всех

знал ответ и тянул руку, за что получал от учителя наре-
кания.

«Мелочь, — пишет Флегонт Яковлевич в своих вос-
поминаниях, — которая не относится к учебе, — это не-
затишающее чувство голода, горькие лепешки из березо-
вой коры и невообразимая бедность».

В пятый класс мальчик уехал учиться в Черномысов-
скую школу, где год жил в интернате, устроенном в обык-
новенном жилом доме. В одной половине жили девчон-
ки, в другой — ребята из разных переселенческих посел-
ков Сургутского района. Интернат просуществовал один
учебный год, в нем не было ни воспитателей, ни убор-
щиц. Единственным добровольным наблюдателем вы-
ступал старый учитель Константин Михайлович Лосев,
живший поблизости. Он заходил по вечерам, предвари-
тельно постояв под окнами и понаблюдав за проделками
детей, журил за беспорядки, заставлял учить уроки.

Особенно голодали пацаны в период распутицы, ког-
да прерывалась связь с домом. Тогда Флена брал удочку
в надежде, что поймает на уху. Затем начались квартир-
ные мытарства. Жил половину зимы шестого класса в
бане рыбозавода вместе с отцом, где тот по направлению
спецкомендатуры работал плотником. Уроки учить бегал
обычно босиком по снегу — к однокласснице Жене Южа-
ковой, жившей поблизости. Баню топили через день.
Тепло сменялось холодом, сырость — оледенением. По-
том отец уехал, устроив сына на квартиру к бабушке
Тетериной. За время учебы квартиры менялись. Держали
одно время на постое парня Иван Тимофеевич Менши-

ков, Прасковья Михайловна Вострякова, Вера Андреевна Овсянкина, Константин Рычапов.

Окончив семь классов, работал кучером и водовозом, жил в конюховке. Оказалась эта жизнь не слаще школьной, через год парень вновь пошел учиться. Экзамены за десятый он сдал успешно, получил аттестат. А через три дня началась война.

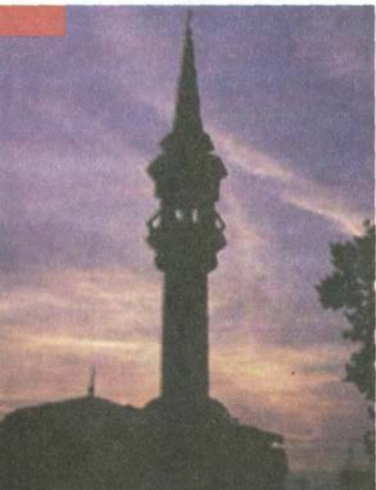
В большой и дружной семье Показаньевых царили лад и мир, многие соседи заходили к ним на огонек. Яков Калистратович, один из немногих поселян, выписывал центральные газеты и непременно местную. По вечерам при свете керосиновой семилинейной лампы Флена любил беседовать с отцом.

— Попрет немец на нас, — делал вывод Яков Калистратович, прочитав очередное сообщение из «Известий».

— Получит отпор, — храбрился сын.

— Почитай-ка нам местную газету, — просили соседи напоследок. Отец давал Флене газету «Колхозник», в которой регулярно печатались сводки достижений охотников, рыбаков, земледельцев, и тот читал.

Тогда, возможно, и зародилось у Флегонта Яковлевича желание побольше узнать и рассказать о том крае, куда забросила их судьбина.

Но мирная жизнь была прервана войной с Германией. Показаньева призвали в действующую армию. На фронтах был дважды ранен, но не комиссован, а направлен в военное училище.

«Наше детство проходило в разное время, — вспоминает младший брат Флегонта Борис Яковлевич. — Когда я закончил среднюю школу, он уже поступил в Тобольский пединститут. Потом война, фронт».

В 1948 году Флегонт Яковлевич приезжал домой за невестой Лилией Николаевной Тетюцкой. Поездка к месту его службы в Забайкальский военный округ стала их свадебным путешествием. Лилия Николаевна вспоминает, что в гарнизоне все жены офицеров выстроились, как на парад, встречая молодую пару. «Меня это очень смутило и разозлило: что, думаю, за невидаль какая! Но постепенно поняла, что для гарнизона, расквартированного вдали от жилья, приезд невесты, жены — почти эпохальное событие».

Сорок восемь лет прожили вместе супруги Показаньевы, двух лет им не хватило до золотой свадьбы. И в их доме всегда царили мир и согласие, супруга делила с

Вокзал

Флегонтом Яковлевичем все его дела, помыслы, стремления. В последние годы Показаньевы все лето проводили на даче. Был у них маленький дачный домик, баня, теплица. «И все создано нашими с Лилией Николаевной руками, — говорил он. — Уйдем мы — достанется кому-то. Не этого жаль, а что жизнь человеческая коротка, и даже в этой короткой жизни многие не умеют жить как следует».

Вернувшись в Сургут после 15-летней службы в армии, капитан запаса Показаньев устроился физруком в среднюю школу, ту самую, которую закончил в канун Великой Отечественной войны. Заниматься школьникам под руководством бывалого фронтовика было очень интересно, к ребятам пришли спортивные успехи в районных, окружных и даже областных состязаниях. Появился фотоальбом «За спортивную честь школы», потом еще один — «Летопись сургутской средней школы». От ее истоков и до наших дней. Альбом этот хранится сейчас в музее народного образования Сургута.

Недолго проходил в физруках Флегонт Яковлевич. Ему предложили возглавить районный отдел культуры, а затем — отдел пропаганды и агитации райкома КПСС. В нем просыпается будущий краевед, историк, писатель. В эти годы он раскопал на речке Кедровой, где потом построили цех космической связи «Орбита», следы стоянки древнего югорского племени, и теперь в археологическом справочнике Кедровая значится как стоянка предков угров, которую обнаружил Флегонт Яковлевич Показаньев.

Увлеченность не мешала, а скорее помогала ему справиться с основной работой, он был и ответственным секретарем общества «Знание», и заведующим парткабинетом райкома КПСС, инструктором и заведующим отделом райкома партии. Внешне Флегонт Яковлевич Показаньев был обыкновенный человек. Невысок и негромок. И одет, как все другие. Но очень уж зорко и проницательно смотрели на людей яркие синие глаза, за которыми угадывалась незримая сила, она и притягивала, и волновала, и радовала. Сила это — глубокая, острая влюбленность в свой студеный таежный край. Будучи лектором, экскурсоводом, рассказывал о событиях вековой давности так подробно, будто сам был одним из участников или хотя бы очевидцем. Сотни цифр, имен, названий — по памяти, без конспектов.

Не назвать точно, с чего началась сургутская «Повесть временных лет», творцом которой был Показаньев. Может быть, с лаконичных записей в «летописи средней школы» или с «трудового списка мещанина Александра Григорьевича Тверетина, окончившего трехклассное уездное училище в 1888 году». Уйму времени отнимали у Показаньева папки документов и записи воспоминаний старожилов. Он торопился. Ему удалось восстановить, казалось, уже безнадежно утраченные страницы истории Сургута. Никто не давал ему денег на научные командировки, не освобождал от хлопотливых обязанностей. Он честно нес «служебную нуду» и, жертвуя своим отдыхом, выкраивал время, чтобы посылать письма с запросами (иногда по десятку в день) в Ленинскую библиотеку,

Государственный Эрмитаж, архивы и музеи Москвы, Новосибирска, Тюмени, Тобольска, сургутянам, давно покинувшему город на Оби.

Были найдены деньги на изготовление фотокопий редких книг, статей о Сургуте, обнаруженных в библиотеке имени Ленина. По его предложению улицам Февральская, Мартовская, Сосновая были присвоены имена героев Гражданской войны: Антонина Зырянова, Ивана Кайдалова, Михаила Щепеткина.

По настоянию краеведа появились мемориальные доски в честь отбывавших в Сургуте ссылку декабристов и революционеров, активных членов социал-демократических организаций, в память о первом коммунистическом субботнике и открытии первого промышленного предприятия в городе — рыбоконсервной фабрики, положившей начало новому отряду сибирского рабочего класса.

Трудно назвать уголок, где не был Показаньев. Из своих поездок, а они измерялись тысячами километров, он привозил кучу разной утвари. Допотопные луки-самострелы, искусно сплетенные из бересты и корней табакерки, туески, пороховая мерка из медвежьего зуба — все эти экспонаты можно увидеть в городском краеведческом музее, куда со временем танкист Ф.Я. Показаньев сдал и свои военные «доспехи»: шинель, планшет и прочее.

Краеведческая работа не принесла Показаньеву ни высокого денежного оклада, ни быстрого восхождения по служебной лестнице. Но неутомимый патриот города опроверг пословицу — один в поле не воин — и навсегда

остался в истории города на Оби.

К 70-летию со дня его рождения центральная городская библиотека выпустила библиографический указатель прижизненных работ Флегонта Яковлевича Показаньева. Он насчитывает 40 страниц и 25 тем, по которым автор выступал в различных печатных изданиях. Неутомимый патриот Сургута, всю свою жизнь он был внештатным корреспондентом газеты «К победе коммунизма» — нынешней «Сургутской трибуны». С ее страниц он говорил о необходимости создания историко-архитектурной этнографической зоны на берегу Бардаковки, где в конце XVI века была построена первая крепость.

«10 ноября 1982 года, — читаю в его дневниках, — я подготовил для горисполкома обоснование необходимости создания в Сургуте историко-архитектурной зоны. К чему это приведет? А пока 12-летние хлопоты не дали никакого результата. Хоть плачь, хоть ругайся». Писал он и новую историю — зарисовки о вышкомонтажной бригаде нефтеразведочной экспедиции Георгия Видру, о строителях нефтепровода Усть-Балык—Омск, первых сур-

гутских нефтяниках, о строительстве Нижневартовска, о деятельности кооперативов в городе.

И еще одну страницу своей жизни оставил Флегонт Яковлевич Показаньев потомкам. Ему не было и пятидесяти, когда он взялся за создание городского совета ветеранов. Начинался совет со стола в одном из кабинетов городского комитета КПСС, где Флегонт Яковлевич и его молодой коллега Геннадий Федотович Пономарев создавали ветеранское объединение. Многие называли его ходячей энциклопедией, большим знатоком истории города.

Он и умер на боевом посту. Первого марта 1996 года в сургутской городской библиотеке семейного чтения проходила встреча читателей с автором книги «Город древний, город славный». Флегонт Яковлевич был бледнее обычного, но сохранял свою неизменную гордую осанку. Помнится, не одна женщина признавалась в симпатиях к этому человеку. Несмотря на возраст — 74 года, — был строен, собран, подтянут, все так же сияли на красивом его лице голубые до синевы глаза. Потом Лилия Николаевна, жена, рассказывала, что отговаривала мужа от этой встречи. Но она же лучше всех знала пунктуальность и обязательность Флегонта Яковлевича. Несмотря на угрозы, он «подкрепился» микстурой и ушел — как оказалось, навсегда. Лилии Николаевне не забыть той тревоги, того предчувствия, что не покидали ее в тот вечер, и раскаяния, что она не пошла вместе с ним. Жена до сих пор верит: будь она рядом, не случилось бы того, что случилось...

В разгар беседы ему вдруг стало плохо, и только что говоривший Флегонт Яковлевич вдруг грузно осел, дыхание участилось. Вызвали «скорую», она сняла давление и увезла больного в больницу. Но тщетно: из комы он так и не вышел. А утром весь город был ошеломлен: умер Флегонт Яковлевич Показаньев. Гроб с телом покойного установили в фойе второго этажа ДК «Энергетик», создали комиссию по организации похорон. И люди шли проститься со своим почетным гражданином, историком, краеведом, писателем, шли многочисленными группами, чтобы отдать Флегонту Яковлевичу последний долг.

Еще раз собрал нас всех Ф.Я. Показаньев на месте своего последнего упокоения. Когда открывали на кладбище памятник. По случаю открытия состоялся митинг, на котором выступали знающие его люди, прожившие рядом с ним жизнь.

Ветеранская организация, которую создал Флегонт Яковлевич в 1970 году, вышла в городскую Думу с предложением «Об увековечении памяти Почетного гражданина города Показаньева Ф.Я.». Одним из решений Думы был пункт: присвоить имя Показаньева Флегонта Яковлевича одной из строящихся улиц города. Это решение приняли в апреле 1996 года, сразу после смерти Показаньева, а 22 сентября 2000 года строящейся новой улице — от ул. Губкина до ул. № 1 «З» — присвоено имя Флегонта Показаньева.

В архивных бумагах хранится исповедь нашего земляка. Как человек скрупулезный и аккуратный, он зара-

нее подвел итог своей жизни. Вот что он писал: «Видимо, человеку свойственно исповедаться и подводить итоги жизни. За последние годы, особенно в период расширения гласности и углубления демократии, в период переоценки сложившихся и устоявшихся взглядов, характеристик и определений, я постоянно обращаюсь к прожитому, сужу свои дела и думаю, правильно ли жил?

Осмыслив пройденный путь, считаю, что жил правильно.

В 1944 году на фронте связал свою судьбу с партией и все годы оставался верным ее бойцом. Никогда не помышлял о привилегиях, не рвался в большие чины, работал на тех участках, на которые направляла партийная организация. Обязанности выполнял инициативно, творчески, добросовестно, не повинаясь приказу или распоряжению, с душою к людям. При этом не избегал тех ошибок, которые допустила партия, однако, сомневаясь в правильности некоторых решений, высказывал свою точку зрения, а решение все же с усердием выполнял.

Например, высказывал сомнение в положительных результатах запрещения держать домашний скот в городе и рабочих поселках (1959 г.); высказывался против свертывания сельскохозяйственного производства в малых деревнях, их разорения и полного исчезновения; яростно боролся против бесхозяйственности, варварского истребления лесов и других природных богатств района; требовательно выступал в защиту коренных народностей Севера, за создание историко-этнографической зоны в Сургуте, за сохранность памятников истории и культуры.

Это можно проследить по моим выступлениям в газетах и на собраниях.

Так как же я жил? Пусть, наконец, об этом скажут потомки, которым попадут в руки мои воспоминания и архивные документы».

Еще при жизни он написал завещание Андрею Показаньеву и заготовил надпись для места последнего упокоения. Таким он был, Флегонт Яковлевич Показаньев.

Галина Кондрякова

Об увековечивании памяти главного геофизика тов. Федорова

Рассмотрев заявление администрации, профсоюзной, партийной, комсомольской организаций и коллектива работников Сургутской нефтеразведочной экспедиции об увековечивании памяти лауреата Государственной премии, главного геофизика Сургутской экспедиции Федорова Виктора Петровича, одного из первых геофизиков, прибывшего в Сургут и посвятившего все последние годы своей трудовой деятельности (1951—1965 гг.) поискам нефтяных месторождений Западной Сибири, исполком городского Совета решил:

1. Переименовать улицу Нефтяников в улицу им. Федорова В.П. Считать улицы Ямскую и Садовую продолжением улицы им. Федорова. Названия улиц Ямская и Садовая упразднить.

*Председатель исполкома горсовета
Секретарь исполкома горсовета*

**П. Мунарев
М. Щепеткина**

*Из решения № 4 исполкома
Сургутского городского Совета депутатов трудящихся
от 14 января 1966 года*

В.П. Федоров (1912–1965).

Родом из Москвы. Участник Великой Отечественной войны. За открытие газа на Ставрополье награжден государственной Сталинской премией. Сибирь покорила его в первый же приезд и на всю оставшуюся жизнь. Работая в Сургутской нефтеразведочной экспедиции, проявил свой незаурядный талант в открытии нефтяных богатств Приобья.

Из плеяды первых

Виктор Петрович Федоров — коренной москвич: родился в Уланском переулке, что рядом с Садовым кольцом.

1933 год. Столица распахнула перед выпускниками школ двери своих высших учебных заведений. Выбор у абитуриентов широк, да и культурная среда довоенной Москвы благотворно влияла на поиск жизненного пути: молодежь стремилась активно участвовать в строительстве новой жизни. Накануне, в 1932 году, известный на всю страну академик И.М. Губкин выдвинул гипотезу о несметных нефтегазовых богатствах в недрах Западной Сибири. Несмотря на резкую критику и скептицизм коллег, он уверенно призывал к развертыванию в Западной Сибири полевых нефтегеологических исследований и организации нефтепоисковых работ. Напряженные дебаты ученых вокруг поиска крайне необходимых стране энергоносителей не остались без внимания простых советских людей, и особенно молодого поколения. Скорее всего, неукротимая вера академика Губкина заставила столичного паренька Витю Федорова делом своей жизни избрать геологоразведку, которому, как и многим искрен-

ним энтузиастам-строителям нового мира, хотелось конкретной, практически полезной деятельности на благо развивающейся свободной страны Советов. И стремление к открытиям, дающим родине колоссальные результаты роста и развития, и острая нехватка углеводородного сырья, и уже ощущавшаяся угроза нарождающегося в недрах Германии фашизма — все вместе взятое волновало и заставляло делать обдуманный выбор. Виктор Федоров выбрал Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе, который стал началом его профессионального пути, откуда в 1939 году он вышел в огромный, неведомый человеку мир геофизики.

Война прервала профессиональный рост молодого геолога и привела уже артиллериста Федорова в блокадный Ленинград. Военные дневниковые строки Федорова взяты мною из очерка о Викторе Петровиче журналиста А.П. Зубарева:

«1941 год, 23 декабря. Первое знакомство с боевым расчетом. Условия жизни плохие, но люди не ропщут. Ночью оружие вывезли на огневую позицию. И начался первый бой младшего лейтенанта Федорова с фашистами, в котором слегка контузило разрывом от снаряда.

1942 год, 20 февраля. Утром посмотрел в зеркало. Голова полна седых волос — совсем старик. Ночью ожидается наступление финнов.

Подвезли 15 снарядов (маловато, но лучше, чем ничего), гранаты и ящик патронов.

9 марта. Нашли сарай, где раньше хранилась соль. Нагребли земли и попробовали отсеять соль. Завтрак пло-

хой — гороховая вода. Съел весь сахар и почти весь хлеб. Курева нет. Говорят, что рядом папиросы продают по 10—15 рублей за штуку.

7 апреля. Сегодня исполнилось 30 лет. Прожито много, но бесцельно и бестолково. Подчас не верится, что доживешь до мирных дней...

1943 год, 13 марта. Жизнь в окопах становится совершенно невыносимой. Все эти дни ждем наступления...»

Великая Победа вновь окунула в трудовую жизнь основательно разрушенной фашистами страны.

Нужны были силы, чтобы преодолеть трудности разрухи, нехватки послевоенного времени. Помогал критический взгляд на себя, который у Федорова был от природы, он давал возможность ломки стереотипов, мешающих продвижению вперед. Работал Виктор серьезно, кропотливо, вдумчиво, анализировал полученный опыт, суммировал его в результаты. И вот первая трудовая победа: в 1950 году за открытие месторождения природного газа в Ставрополье Виктор Петрович Федоров становится лауреатом государственной Сталинской премии.

1952 год. Командировка забросила Федорова в Новосибирск, где базировался трест «Сибнефтегеофизика». Западная Сибирь уже явно «пахла» нефтью, избирала и притягивала к себе специалистов, несмотря на самый разгар научных споров. Конечно же, наслышанный о Сибири, В.П. Федоров оказался в числе избранных, и в том же 1952 году его направляют главным инженером в Средне-Обскую комплексную геофизическую экспедицию.

В это же время в соседнем сибирском регионе — в Среднем Приобье — велись первые сейсморазведочные работы. В сентябре 1953 года два мощных фонтана газа ударили близ Березова, их суточный дебит — в полтора миллиона кубометров газа! Удача дает все больше шансов сторонникам разведки недр Западной Сибири. Чтобы «пощупать» приобские недра, в сентябре 1957 года в Сургуте высадились первая группа геологов-нефтеразведчиков Колпашевской геофизической экспедиции, подчиненной Новосибирскому геологическому тресту, в котором работал в то время Виктор Петрович Федоров. Во главе экспедиции стоял Фарман Курбан-оглы Салманов — молодой энергичный специалист, свято веривший в нефтегазовую судьбу Сибири и азартно стремившийся открыть здесь «третье» Баку. Они-то и подготовили высадку десанта гелогоразведчиков для бурения опорных скважин. Первая в январе на Черном Мысу дала вместо нефти фонтан горячей воды. Следом скважина Р-1 также не дала нефти, хотя располагалась в пределах почти сплошного нефтяного поля, всего в нескольких сотнях метров за пределами залежи. Но об этом узнали гораздо позже.

Данных разведки было мало, и приходилось почти на пальцах доказывать существование нефти, целесообразность освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, преодолевать суровый северный климат. Основные геологические и нефтеразведочные работы осуществлялись в зимний период, после промерзания болотистой рыхлой почвы. И если в первые годы было недостаточно геофизических материалов, то материалов по бу-

рению было и того меньше. Бурили в тех местах, где геофизики давали структуру, и «прокалывались всухую», уходили на другое место — всего в сотнях метров от нефтяного моря.

Западной Сибири позарез нужны были опытные специалисты — об этом говорила вся страна, и Виктор Петрович Федоров, хорошо знакомый с перспективами развития нефтегазовой отрасли в Западной Сибири, переезжает из Новосибирска в Сургут. Здесь

11 января 1960 года он устраивается на работу в Сургутскую нефтеразведочную экспедицию главным геофизиком.

В этом году в среднем течении таежной реки Конда бригада бурового мастера Семена Никитовича Урусова пробурила «легендарную» скважину, дебит которой составил 350 тонн в сутки. В Шаиме была открыта первая западносибирская нефть. Уверенность геологов нарастала: нефтегазоносность меловых и юрских отложений в пределах Западно-Сибирской низменности подтвердилась, открытия нефтегазовых месторождений следовали одно за другим и в середине 60-х годов достигли своего апо-

гея открытием гигантов мирового значения: газового — Уренгоя — и нефтяного — Самотлора и Федоровского.

Конечно, когда позарез нужна нефть, фигура главного геофизика становится очень важной, если не сказать — основной, открывающей геологам перспективу работ; здесь нужны глубокие и основательные знания. Виктор Петрович имел эти знания и к тому же обладал удивительным чутьем, чувством прозрения, научной интуицией и аналитическим складом ума. Именно это позволяло ему, изучая сейсмические и структурные карты, «проникать» особым зрением сквозь землю. Под его руководством в точно указанных местах геофизики проводили сейсмические работы, затем они выдавали геологам структурные карты внутреннего строения отложений, а те по этим картам закладывали скважины и искали месторождения. 21 марта 1961 года буровая бригада Г.И. Норкина из скважины № 1 на Мегионской площади получила мощный нефтяной фонтан, а Сургут упорно «молчал» — до тех пор пока на территории Сургутского района не забили два мощных фонтана на Усть-Балыкской площади из скважин №№ 61 и 62.

Музыкальное училище

Район работ Сургутской нефтеразведочной экспедиции в то время охватывал площадь широтного течения реки Оби и ее притоков: Большого Югана, Тром-Агана, Ваха. Эта территория называлась Сургутским Приобьем, располагалась между селом Тундрино на западе и селом Корлики (по реке Вах) на востоке; с севера ограничивалась 62 градусом северной широты, на юге — 59. В полевых условиях работали: Пимский, Сургутский, Юганский, Нижне-Мысовой участки глубокого бурения, Нижне-Вартовская, Охтеурская партии.

В 1961 году разведка приступила к глубокому бурению Партсъездовской, Мегионской, Сургутской, Локовской, Юганской, Охтеурской, Ермаковской площадей, чтобы «пощупать» нефть в мезозойских отложениях Сургутского Приобья, с одной стороны, и изучить геологическое строение этих структур — с другой. В результате испытания скважин была получена нефть!

15 октября, в честь открытия XXII съезда КПСС, на Усть-Балыкской площади был получен фонтан нефти свободным дебитом 540 тонн в сутки, и согласно приказу по управлению Усть-Балыкская площадь была названа Партсъездовской. В том же году было подтверждено третье месторождение нефти, полученное из песчаника верхнеюрского возраста на Сургутской площади. Получение трех месторождений нефти из отложений различного возраста подтвердили открытие новой нефтеносной провинции в Западной Сибири.

Сейсморазведка шла дальше, проводилась в объеме площадных работ, где нужно было найти локальные струк-

туры и провести зондирование, изучали региональную тектонику. В результате были оконтурены три локальные структуры: Северо-Сургутская, Островная, Угутская, уточнено техническое строение Чернореченского вала и выявлены локальные структуры, осложняющие Тромьганский вал.

Мегион и Усть-Балык до 1963 года были в Сургутской экспедиции. Потом она «поделилась» на Усть-Балыкскую и Мегионскую.

Начался второй этап в истории поисков нефти и газа на сургутской территории. На этом этапе, который продолжался до второй половины 70-х годов, были открыты почти все месторождения нефти и газа, связанные с крупными структурными ловушками. С 1962 года по 1976 в поиск было введено 65 площадей, на 40 из них открыты залежи нефти.

— Сургутскую структуру, — рассказывает Федор Николаевич Людофун, — мы выявили только в 1962–1963 годах, прямо у Сургута. Пробурили в ней несколько скважин, но промышленного притока не получили, хотя бурили в пределах месторождения. Но это мы сегодня знаем, что бурили в пределах Восточно-Сургутского месторождения, открытого в 1977 году. Так вот, первую «чисто» сургутскую нефть открыли в пласте Ю-2, который распространяется и на Сургутскую площадь. В свое время мы бурили и «вскрывали» его, но особого внимания тогда на этот пласт не обратили. Мы ждали фонтан и не «выжимали» промышленный приток: в начале 60-х и не знали о таковом, добычи в то время не было, и чтобы

определить рентабельность добычи, нужно было знать стоимость совокупных затрат. Теоретически рассчитать было возможно, а практически...

После Мегиона, Усть-Балыка последовали месторождения: Западно-Сургутское (1962), Северо-Сургутское, Локосовское (1963), Тайлаковское, Вершинное, Быстринское (1964)... Объем бурения нарастал.

После открытия месторождений Совет Министров СССР в декабре 1963 года принял постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области». Перед геологоразведчиками и нефтяниками была поставлена конкретная задача: довести добычу нефти в 1964 году до 100 тысяч тонн, а по области к 1970-му — до 10 миллионов тонн нефти. Эти цифры в то время обсуждению не подлежали.

Этим же постановлением было положено начало строительству железной дороги Тюмень—Сургут, аэропорта в Сургуте, нефтепровода Среднее Приобье—Омск.

Чтобы понять все сложности тех лет — от слякоти болот, обжигающих ветров, морозов до упорного, жертвенного труда, — нужно самому пройти этот путь. Для тех, кого притянул к себе Север — геологов и нефтяников, — это был обычный каждодневный труд. Вот один из таких примеров.

Плановое задание проходки за 9 месяцев 1960 года по глубокому бурению Сургутской нефтеразведочной экспедиции было установлено в 10900 метров — факти-

чески пробурили 9636 метров. Темпы были ударные, но вечные нехватки то одного, то другого ставили плановые задания под угрозу. Вот и в эти девять месяцев что есть сил гнали метраж, пока не кончился талевый канат. Длительный простой буровых — дело нешуточное, только канаты привезли — тут наводнение, аварии и осложнения на скважинах вновь срывают план. Потом начались бесконечные авралы, чтобы наверстать упущенное и выполнить годовое задание. Конечно, выполнили, но какой ценой! План нефтеразведки, как на войне, обсуждению не подлежал. Задачи формулировались ясные: искать и найти нефть.

— Виктор Петрович Федоров, — продолжает воспоминания Федор Николаевич Людофун, — для таких молодых людей, как я, был фигурой монументальной, в полной мере обладающей недюжинными качествами: волей, силой, прозрением. Нас удивляли его эрудиция и огромная трудоспособность. Он постоянно был в движении, знал ситуацию, был в курсе полевых событий. После встречи с Виктором Петровичем всегда хотелось знать больше и больше — так заряжал он окружающих своей положительной энергией. Он делал ставку на молодежь, к нам ехали студенты на практику, почти каждый год работали студенческие отряды, создавались свои комсомольско-молодежные бригады.

Конечно, под влиянием такого человека, как Виктор Петрович Федоров, формировались характеры, а юноши и девушки проходили суровую и благотворную школу жизни, мужества, преданности делу. Листая отчеты тех

лет, видишь, что только в 1961 году было принято на работу 489 человек, из них инженерно-технических работников — 73, 19 — с высшим образованием (в основном это были молодые специалисты), служащих — 27, рабочих — 355 человек. Общая численность на начало года была 1380 человек, персонал основной деятельности — глубокое бурение и геологоразведка — 1363 человека, из них рабочих — 1020 человек, служащих — 58, ИТР — 240 (53 — с высшим образованием, 80 — со средним техническим) и 97 практиков. Эти цифры говорят о том, что «случайных» людей в экспедиции не было. Поэтому и ответственность Виктора Петровича, в силу его характера, была велика.

— Если бы вы один раз встретились с таким человеком, то сразу бы поняли, с кем имеете дело. Что греха таить, бывало, придешь к нему в кабинет раздраженным и злым, но под его бесконечно добрым взглядом все отрицательное просто растворялось в несколько минут, ситуация и сама жизнь приобретали позитивную направленность.

...Действительно, многие считали, что в главном геофизике была некая «волшебная» сила, его уважали как человека, имеющего эту силу. Он обладал на редкость мягкой улыбкой, доброжелательным, но цепким, изучающим взглядом, уважительностью в обращении. В то же время был таким солидным, что даже намек на панибратство или грубость абсолютно исключались. Федоров больше слушал, чем говорил, изучая собеседника, судил всегда по делам, по практической работе, по способности

решать поставленные задачи. Умение ценить людей по их деловым и нравственным качествам отличало его от многих других управленцев.

Виктор Петрович умел радоваться успеху товарищей, стремился поддержать доброе дело, сопереживал, если случалась неудача, взыскивал за провинность по справедливости.

Задачи он всегда ставил ясные и точные. При этом обязательна была обратная связь — требование выполнения поставленных задач. Особый дар Виктора Петровича — анализировать, обобщать и выдавать результаты. Это поднимало его авторитет среди коллег и сослуживцев. Именно благодаря такому отношению к людям молодые геологи, работники изыскательских партий раскрывали свои возможности и всеми силами стремились «найти» нефть.

— В то время мы, молодые геологи, не сильно-то понимали, почему вдруг, имея нефтяную структуру, мы «не открываем» нефтяные месторождения. Ведь это было время, когда в полную силу развернулось создание главной энергетической базы страны в Западной Сибири. Поэтому мы просто «болели» нефтью, самым горячим желанием было — открыть месторождение. Эта потребность давала частые встречи с главным геофизиком, и тогда мы просто требовали от Виктора Петровича нефтяные структуры, как будто только от него, его возможностей и желания зависели наши открытия.

...Федоров мог очень доступно и ясно объяснить, обосновать то или иное геофизическое явление, разобрать

ситуацию, указать точную причину возникающих затруднений. Если у людей нет знаний, то попытки что-либо вразумительно объяснить часто выражаются многословием и усложнением ответа, которые ясности в дело не вносят. Виктор Петрович умел давать вразумительные ответы. Его решения могли быть быстрыми и неординарными.

— Конечно, живя рядом со значительной личностью, работая бок о бок с этим человеком, не всегда понимаешь это. Но в Викторе Петровиче значимость была видимой, явной. Мы — поколение военных лет, воспитанники Сталина, когда узнали, что Федоров — лауреат Сталинской премии, воспринимали его человеком другого жизненного измерения. Он же, обладая глубокими знаниями, не имел даже признаков высокомерия. Помню, однажды я зашел в кабинет Федорова, посидел, поговорил. Он хитровато улыбнулся и подмигнул:

— Ну что, месторождение открывать будем?

— Как не будем? Будем! Только вот где?

— Иди бури — и откроешь!

Речь шла о «трудном» Северо-Сургутском месторождении: уже были пробурены 52-я, 55-я, 54-я скважины, но промышленного фонтана не получили. Нам было горячо, и все — бурильщики, помбуры, дизелисты и помощники, слесари, геологи, мастера — все жили одной мыслью: открыть месторождение. Вскоре после этого разговора с Федоровым в пласте Б-1 мы получили первый нефтяной керн. Это было 29 апреля 1962 года. Открыли нефть мастер Виктор Петрович Лагутин, бурильщики

Степан Власов, Валерий Югов, Борис Минц, дизелисты Николай Фаркоп, Сергей Яцков, я — геолог Федор Людофун. Когда подняли керн, бурильщик кричит: — Где Людофун?

Я прибегаю, а он мне показывает керн, из которого течет нефть. Мы вынули, разложили (а все окружили нас толпой и ждут результата), разломили керн, а там — песчаник, пропитанный нефтью. То-то радости было! Пока мы его изолировали и закрывали, бурильщик Степан Власов рапортует по радиации: есть нефть! — и передает описание поднятого керна.

Главный инженер управления Горский в честь такого открытия на другой день, 30 апреля, пообещал прислать спирт, но резко потеплело и дорога враз «развалилась». Благо что болота еще чуть-чуть держались, заказ почти по кочкам умудрились нам прислать.

Когда мы скважину «пристреляли», то получили приток в 40 тысяч кубов, это уже был хороший фонтан. Тогда эта структура называлась Северо-Сургутская, впоследствии она стала Федоровской, в честь Виктора Петровича Федорова.

Когда он заболел, то, зная, что это онкология, не упал духом, сохранил оптимизм и сердечность до самого конца. Сам дал распоряжение о том, где и как его похоронить. Только очень сожалел о жене.

Надежда Афанасьевна, его жена, была женщиной очень простой, скромной, человеком неисчерпаемого душевного благородства и чуткости. У них с Виктором Петровичем были схожие характеры, и они очень гармонично дополняли друг друга. Работала она в управлении вместе с мужем, и было отрадно видеть, как теплел взгляд Виктора Петровича, когда он хотя бы мельком видел свою жену. Его отношение к ней поражало свежестью чувств даже молодых.

— В нашем понимании он был пожилым человеком, — вспоминает Людофун, — но в их отношениях появлялся такой неизъяснимый трепет, какой свойственен бывает только влюбленным. Это наблюдалось и со стороны его жены.

В скромном жилье, в квартирке на улице Ямской, которая впоследствии получила его имя, было просто, но очень уютно. Федоровы были очень гостеприимными людьми, любили привечать гостей. Надежда Афанасьевна удивительно быстро собирала на стол. Даже в самые трудные «продуктовые» времена стол заполнялся вкусной грибной и рыбной едой, а по воскресеньям — ватрушками, пирожками, варениками, реже — пельменями.

Виктор Петрович тянулся к приезжающим с «земли» людям, очевидно, ему, коренному москвичу, знатоку русской и зарубежной классики, близко знакомому со мно-

гими известными советскими писателями, острослову и юмористу, не хватало «полнокровного» общения.

И на работе он притягивал к себе людей как магнитом, но в этом котле не было и тени никчемной пустопорожности и суеты, в нем кипела деловая настоящая жизнь. Приезжающие и отъезжающие, заходящие и выходящие с расчетами исследований и схемами сейсмических профилей, заявками на оборудование и требованиями на аппаратуру — все на равных правах у главного геофизика решали в кратчайшие сроки свои задачи. Часто из-за дверей слышался звонкий и заразительный смех: значит, снова Виктор Петрович меткой шуткой разрядил очередное напряжение, задал хороший эмоциональный настрой.

...Западная Сибирь слишком велика и мощна, и только с позиции сегодняшнего дня можно говорить о том, что нефтегазовый комплекс стоит на плечах геологов и геофизиков — начиная с нефтеразведочных партий и экспедиций и заканчивая сегодняшней интеграционной вертикалью. Точка, откуда шло это развитие, находится здесь, в Сургутской разведочной экспедиции, в том самом месте, где и по сей день работают коллеги Виктора Петровича Федорова, люди, которые продолжают начатое дело и при жизни заслуживают почета, наград и уважения, книг и очерков. Как и Виктор Петрович Федоров, человек-легенда, который за четыре года труда в Сургуте сделал свой шаг в бессмертие...

Алла Цукор

О переименовании улицы Сосновой в улицу имени Михаила Щепеткина

В связи с 50-летием присвоения Коммунистическому союзу молодежи имени Владимира Ильича Ленина исполком городского Совета депутатов трудящихся решил:

Переименовать улицу Сосновую в улицу имени Михаила Щепеткина, первого комсомольца города Сургута, погибшего во время Великой Отечественной войны.

*Председатель исполкома
городского Совета
За секретаря член исполкома
городского Совета*

Г. Мачехин

Н. Тимошков

*Из решения исполнительного комитета
Сургутского городского Совета депутатов трудящихся
№ 119 от 12 июля 1974 г.*

М.Г. Щепеткин (1905—1942).

Один из плеяды первых комсомольцев на Севере. Добровольцем ушел на фронт и погиб смертью храбрых на берегах Волги.

Улица Михаила Щепеткина

В тихой неприметной части города, где не встретишь современных офисов и модных магазинов, где среди одноэтажных деревянных домишек можно еще почувствовать колорит старого Сургута, есть улица Михаила Щепеткина.

Спрятавшись в районе Черного Мыса, она хранит в своем названии историю нашего земляка, человека, прошедшего нелегкий жизненный путь.

— Ох, деточка, такая жизнь тяжелая была, — сокрушается в разговоре со мной сургутянка Мария Ивановна Хмелева, — так жилось нам трудно. Жалко, что мама умерла, она бы рассказала. А мне не по силам... запуталось все в голове, если бы вот помог кто, если бы только зацепиться за ниточку воспоминаний...

Марии Ивановне уже за восемьдесят, она ветеран труда, долгое время проработала учительницей национального языка в сургутских школах, после вышла на пенсию и вот теперь большую часть времени проводит дома. В гости к ней я попала по рекомендации краеведа, Почетного жителя нашего города Ивана Прокопьевича Захарова, по-

советовавшего именно с этого «источника» начать поиски сведений о Михаиле Щепеткине.

Мама Марии Ивановны была старшая и единственная дочь из шестерых детей в семье Георгия Силыча Щепеткина. Жили они в районе Февральской улицы, где нынче расположен магазин «Лабаз». Глава семьи работал каменщиком, мать была домохозяйкой. Вообще Щепеткиных в Сургуте проживает много, ведь эту фамилию носили еще первые поселенцы здешних мест, однако, как оказалось, у «наших» Щепеткиных родственников практически не осталось, тех же, что есть, жизнь разбросала по разным уголкам страны, а переписку они не ведут.

— Скажите, Мария Ивановна, а вы помните вашего дядю, Михаила Георгиевича? Как он выглядел?

— Красивый был, высокий, статный. Добрый очень, я когда на учебе в Тобольске была, к нему заходила. Он мне всегда хлеба давал, помогал как мог бедной родственнице, ведь тогда голодно было... У него еще, кажется, жена была и двое ребятишек...

Мы сидим в небольшой моспроектовской квартире М.И. Хмелевой и под метрономное тиканье будильника пытаемся из отрывочных воспоминаний хозяйки составить хоть какой-то портрет ее именитого дяди. Но память Марии Ивановны ускользает, а документов и фотографии нет. Отдала она все, что было, еще лет пятнадцать назад школьникам, собиравшим информацию о первых комсомольцах, и найти эти материалы сегодня нет никакой надежды...

Встреча в Тобольске, которую припомнила Мария Ивановна, вернее, в Армизоне, если следовать данным Сургутского краеведческого музея, была в жизни Михаила Щепеткина гораздо позднее тех ярких и трагических событий, которые увековечили его имя. До этого «светлого» завтра ему еще предстояло дожить, а осуществить это под гнетом испытаний, что выпали на его долю, было совсем непросто.

Михаил родился в 1905-м. Его юность совпала с революционными волнениями, охватившими страну. Как и многие его сверстники, в первые годы советской власти Михаил вступил в РКСМ. В областном Центре документов новейшей истории хранится личная анкета, за-

полненная им в 1920 году. Бланк предназначался для регистрации и учета членов уездных комитетов Союза молодежи. На пожелтевшем листе бумаги аккуратным почерком выведены ответы на стандартные вопросы: «Фамилия, имя и отчество — *Щепеткин Михаил Георгиевич*; возраст — *15 лет*; образование — *три класса начальной школы второй ступени*; профессия — *ученик*; национальность — *русский*; с какого времени состоите членом Союза молодежи — *с 31 января 1920 года*; какие выборные должности занимали в РКСМ — *не занимал*; какими направлениями в деятельности Союза занимаетесь — *зав. экономическо-правовой комиссии*; проходили ли вы школу партийной работы — *не проходил*; с какого времени работаете в губернском Союзе — *с 12 июня 1920 года*; участвовали ли в работе съездов РКСМ — *нет*. Дата заполнения анкеты — *1 июля 1920 года*. Подпись — *Михаил Щепеткин*».

Сегодня трудно представить, что 15-летний мальчишка мог заведовать экономическо-правовой комиссией, но так было. В те годы рано взрослели. Дата вступления Михаила Щепеткина в РКСМ совпадает с днем создания в Сургуте ячейки комсомола, он был одним из первых, кто стоял у истоков комсомольского движения в Сургуте. В подшивках газеты «К победе коммунизма» можно найти публикации двадцатилетней давности, рассказывающие о том периоде. Вот что об этом пишет Н.Б. Патрикеев в материале «Первые комсомольцы Сургута», посвященном 50-летию Ханты-Мансийского округа: «27 января 1920 года сургутская группа РКП(б) поручила ком-

мунистам Зырянову и Могильному разработать план создания комсомольской организации. Первыми в нее вошли учащиеся высшего начального училища Иван Кайдалов, Таисия Яркова, Валентина Конева, Михаил Щепеткин, подготовленные сочувствующим большевикам учителем литературы А.В. Шананиным. Организационно ячейка была оформлена 31 января 1920 года на митинге молодежи после выступления А.П. Зырянова. 3 февраля ячейку в составе 29 комсомольцев утвердил Сургутский уездный комитет партии».

В апреле 1920 года секретарем уездного бюро РКСМ был избран друг и одноклассник Михаила Щепеткина Иван Кайдалов. Любопытен его доклад, отправленный в губком комсомола 2 июня 1920 года: «Настоящим письмом довожу до вашего сведения о работе уездного Союза. С начала его организации, то есть с 31 января сего года, работа очень и очень слабо продвигалась ввиду того, что не было никакой подходящей литературы, программ и инструкций, по которым всецело можно было бы руководствоваться. Первые председатели относились к работе Союза совсем плохо, потому что почти все занимали по несколько ответственных должностей... Канцелярские дела также не были приведены в порядок. С первого апреля, момента моего вступления в должность председателя, активность работы начинает понемногу проявляться. Была привезена литература, программа и инструкция... Заведены журнал протоколов, кассовые книги».

В докладе отмечается, что комсомольцы большое значение уделяют общественно-полезному труду, создаются

различные комиссии, одну из которых, как известно, в мае 1920 года возглавил Михаил Щепеткин. Также, как сообщается в докладе, согласно предложению инструктора губкома РКСМ Теньтюкова сургутская ячейка определила на очередном собрании организаторов-информаторов, которые выезжали на лодках во все волости уезда, где агитировали народ за Советскую власть, партию большевиков, комсомол.

В заключение доклада Кайдалов пишет: «По прибытии т. Теньтюкова работа секций повысилась и продолжалась бы так же далее, но в связи с тем, что весь элемент Союза состоит из граждан, занимающихся сельским хозяйством, работа в некоторой степени ослабнет. Приближаются домашние работы, которые продлятся до сентября (сенокос, рыбный промысел), так что работа в Союзе будет осуществляться по праздникам. Только с наступлением осеннего сезона мы сможем работать более активно; когда у всех появится больше свободного времени...»

25 июня 1920 года в ЦК РКСМ было отправлено письмо Тюменского губкома, где говорится о работе Сургутского уездного комитета: «В настоящее время здесь насчитывается восемь организаций (140 человек). Вначале с отдаленными пунктами связь была очень слабая, сейчас положение исправляется. На фронт ушли пять человек. Отношения с партией налаживаются, финансирование тоже. Сейчас работа в уезде приостановлена, так как большинство молодежи занимается рыбным промыслом и домашним хозяйством».

Мне удалось разыскать переписку с первыми сургутскими комсомольцами, которую вела и бережно сохранила педагог Галина Ивановна Шилова. В 70-е годы она работала директором городской школы-интерната и собрала богатейший архив материалов о первых комсомольцах. После ее ухода, правда, дело это совсем забросили, а собранные данные потерялись где-то в «перестроечных коридорах». Но письма Галина Ивановна оставила у себя, и потому они уцелели. Вот, к примеру, как описывает сургутскую жизнь в 20-е годы Алексей Васильевич Тетюцкий, ветеран Великой Отечественной войны, первый комсомолец нашего города, плечом к плечу работавший на заре Советской власти с Михаилом Щепеткиным:

«В то время Сургут выглядел так: зимой он утопал в снегах, а летом весь был в зелени. С трех сторон его окружал хвойный лес, улицы были покрыты травой-муравой. С четвертой стороны открывалась панорама на сплошную водную гладь с заливными лугами вдалеке. В лесах было изобилие боровой дичи, ягод, грибов, кедровых орехов — и все это в двух шагах от дома. Рыбы тоже было очень много. Население Сургута составляло не более двух тысяч человек, в большинстве это были рыбаки, и от их промысла зависело благосостояние семьи. Наш населенный пункт был тихим, вокруг была непроходимая тайга. По Оби были разбросаны на далекие расстояния друг от друга небольшие русские поселения, а в лесу вели кочевой образ жизни ханты и манси. В то время в Сургуте было две школы: для мальчи-

ков — двухклассная школа с пятилетним сроком обучения (в первом классе учились три года, во втором — два) — и для девочек — церковно-приходская школа с трехлетним сроком обучения. После революции была открыта начальная школа второй ступени, там мы и учились. В то время молодежь Сургута занималась самодеятельностью, например, весной на собственные средства ставили качели, а зимой устраивали ледяные горки, катались на лошадях под звуки колокольчиков, летом отправлялись по Оби на лодках с веселой песней. В 1920-м году в нашей школе второй ступени зародилась первая комсомольская ячейка...»

Но спокойно пожить сургутским комсомольцам было не суждено. В 1921 году север охватил мятеж, его пламя

объяло огромную территорию от Казахстана до Ямала. Крестьяне не хотели больше терпеть произвол местных властей. Надо отметить, что в России бунты всегда были сопряжены с дикой жестокостью и изуверством, и этот не явился исключением. Историкам еще предстоит дать полную оценку классовой борьбы в первые годы Советской власти, которые, по яркому замечанию А.А. Петрушина, автора многих работ по истории нашего края, подавались в оправе «мальчиш-кибальчишеских» подвигов. В последнее время наметились новые подходы в описании этого события, однако все авторы отмечают, что мятеж отличался своей лютостью, причем и с той, и с другой стороны практиковались пытки, расстрелы, заложничество.

Противоборствующими силами выступали, с одной стороны, отряды крестьян-мятежников, которые тогда назывались не иначе как бандами, и с другой — части Красной Армии, в составе которых были местные коммунисты. Через горнило этих кровавых событий предстояло пройти 16-летним комсомольцам из сургутской ячейки РКСМ, среди которых был и Михаил Щепеткин.

Зимой 1921 года весь обской Север был объявлен на чрезвычайном положении. В Сургуте организовали ревком, коммунисты и комсомольцы считались мобилизованными, и все перешли на казарменное положение. В то же время формировались группы, которые одна за другой уходили на фронт, к эпицентру мятежа — Тобольску.

Из воспоминаний Таисии Ярковой, участницы событий тех лет: «В Сургуте на связи оставался изменник Ключаров. Он все время передавал ревкому ложные сведения, что отряды белых продвигаются к Тобольску. На самом деле бандиты были близко от Сургута и знали план действий красных... Наша группа в составе 35 человек остановилась в селе Зенково, надо было сменить лошадей. Встретить нас вышли старики и женщины с детьми и наперебой звали зайти в избы, попить чаю. Мы были уверены, что фронт далеко, где-то под Тобольском, да и до Зенково доехали спокойно, поэтому командир отряда Бабушев согласился и разрешил разойтись по дватри человека. Было уже темно. В сенях каждого дома нас ждали враги... Ребята пытались сопротивляться, но силы были неравными и пятерых наших друзей убили сразу. Потом всех оставшихся втолкнули в темную комнату, где уже сидели арестованные коммунисты и комсомольцы. Немного позднее к нам привели товарища Бабушева. Ночью забрали всех мужчин, и большинство из них тут же расстреляли. Пятерых, в числе которых были Ваня Кайдалов и Миша Щепеткин, отправили в сургутскую тюрьму...»

По воспоминаниям очевидцев, Ивана Кайдалова казнили на глазах у матери. Олимпиада Кайдалова, мать Ивана, потом говорила: «Вся надежда у меня была на учителя Кондакова, думала, он у Вани преподавал, поэтому защитит его. Я ходила с просьбой отпустить сына на поруки, но мне отказали, сказав, что сделать этого нельзя, так как он преступник и остался на допросах при

своих убеждениях». Позднее организаторов кулацко-эсеровского мятежа, а именно так окрестили восстание, взяли в лесах у речки Калик-Еган. А через год выездная сессия Тюменского губсуда рассмотрела в Сургуте уголовное дело в отношении участников мятежа в Сургутском уезде. Перед судом предстал бывший учитель Кондаков, чьими учениками были Кайдалов и Щепеткин, он говорил: «У меня были три воспитанника — Хворов, Кайдалов и Щепеткин, и это были лучшие ребята в школе. Я хотел их спасти. Из Зенково их везли вместе с коммунистами и беспартийными... Пришел начальник Северного карательного отряда Зиновьев, и начался полевой суд. Вот здесь и сказалась вся свирепость, дикость русского народа... Мне удалось спасти Щепеткина. В расстрелах других я не виноват...». Суд не выявил непосредственных участников казни сургутских комсомольцев, участников же мятежа в Сургутском уезде приговорили к расстрелу, который «в силу Октябрьской амнистии был заменен на десять лет лишения свободы».

Как в дальнейшем сложилась судьба Михаила Щепеткина? Тогда, в двадцать первом, ему действительно удалось бежать из сургутской тюрьмы, но кто точно помог ему в этом — неизвестно. По данным Сургутского краеведческого музея, которые сообщила его сотрудница Лариса Викторовна Арсланова, устроителем побега был старший брат Михаила Евгений Щепеткин, работавший в то время охранником в тюрьме. Беглецу пришлось долгое время скрываться в тайге, на охотничьих заимках. Но потом он вернулся в родной поселок. Из того же

источника я узнала, что позднее Михаил поступил в Тюменское педагогическое училище, которое окончил в 1928 году. Он работал в Тюмени на комсомольской работе, был директором Армизонской средней школы Тобольского района (о чем вспоминала его племянница М.И. Хмелева). В 1942 году Михаил Георгиевич ушел добровольцем на фронт и пал смертью храбрых в боях под Сталинградом...

К сожалению, все мои попытки уточнить или дополнить эти сведения оказались тщетны. Многочисленные запросы в Армизонскую администрацию, редакцию газеты «Армизонский вестник», тюменский, ишимский и тобольский городские архивы, Центральный архив министерства обороны, который находится в Подольске, не дали результатов. Отовсюду приходили ответы о том, что сведения о Михаиле Георгиевиче Щепеткине отсутствуют.

Последним поступило письмо из областного Центра документов новейшей истории, где сообщалось, что «в архивных документах центра, кроме анкеты учета члена РКСМ Михаила Георгиевича Щепеткина, других данных не выявлено...»

Памятник А.С. Пушкину

Слабая надежда отыскать хоть какой-то след сургутского комсомольца в послереволюционной истории за-теплилась у меня, когда, поговорив еще с одним племянником Михаила Георгиевича, Владимиром Константиновичем Щепеткиным, я узнала, что якобы, по сведению далеких родственников, в Тобольске проживает дочь «дяди Миши», которая работает зубным врачом.

Но, обратившись в тобольскую горсправку, я получила отрицательный ответ. Скорее всего, дочь Михаила Георгиевича поменяла фамилию, выйдя замуж...

В сургутском архиве хранится решение № 119 от 12 июля 1974 года, где исполнительный комитет городского Совета народных депутатов постановил «в связи с 50-летием присвоения коммунистическому союзу молодежи имени В.И. Ленина переименовать улицу Сосновая в им. Михаила Щепеткина, первого комсомольца города Сургута, погибшего во время Великой Отечественной войны».

— Мы хотели увековечить память одного из первых комсомольцев Сургута, отдавшего свою жизнь за родину на фронте Второй мировой, — рассказал мне Геннадий Федотович Пономарев, бывший первый секретарь Сургутского горкома ВЛКСМ, а ныне руководитель одной из служб фирмы «Тюменьавиатранс», — поэтому и вышли с предложением назвать одну из улиц именем Михаила Щепеткина. Я мечтал, чтобы подрастающее поколение росло не на далеких героических историях, а изучало историю своего края и знало тех людей, которые здесь жили, трудились, отстаивали и защищали свои убеждения...

...Имя Михаила Георгиевича Щепеткина высечено в числе других 16 имен на памятнике первым комсомольцам в Сургуте. Его имя хранит одна из улиц нашего города. Хотелось бы, чтобы и в памяти будущих поколений оно осталось.

Наталья Сазонтова

Оглавление

<i>А. Сидоров.</i> В этом городе нам жить, любить, растить детей	3
<i>Г. Пономарев.</i> Их имена на карте города	11
О названии улиц, связанных с именами крупных общественных, политических и исторических деятелей	14
О присвоении улице имени Бахилова	16
<i>А. Зубарев.</i> Родом из Сибири	18
О присвоении названий улицам города Сургута	38
<i>О. Гаврилова.</i> «Как будут без нас одинокі вершины»	40
О названии улицы города именем генерала Иванова	60
<i>Т. Бондарчук.</i> Нарекли именем генерала	62
О названии улиц, связанных с именами крупных общественных, политических и исторических деятелей	72
<i>З. Сенькина.</i> Иван	74

О присвоении названий улицам города Сургута	92
3. <i>Сенькина</i> . Энергия преодоления	94
О присвоении названий улицам города Сургута	110
<i>И. Жавнерчик</i> . Инженер с душой лирика	112
О названии улицы Григория Кукуевецкого	124
<i>А. Ярошко</i> . Деревья умирают стоя	126
О переименовании улицы Центральной	146
<i>В. Добрынин</i> . Грозный покорил Сибирь. Сын Грозного — ее недра	148
<i>А. Зубарев</i> . И сердце помнит, и душа хранит	164
О присвоении имени Флегонта Показаньева улице города Сургута	176
<i>Г. Кондрякова</i> . Историк, краевед, археолог? Просто — Человек	178
Об увековечивании памяти главного геофизика тов. Федорова.	196
<i>А. Цукор</i> . Из плеяды первых	198
О переименовании улицы Сосновой в улицу имени Михаила Щепеткина	214
<i>Н. Сазонтова</i> . Улица Михаила Щепеткина	216

УЛИЦЫ СУРГУТА

Рассказ об именах, встречающихся на карте города

Составитель А.П. Зубарев

**Операторы ПЭВМ Д. Никифоров,
Ю. Никифорова и Н. Нохрина
Корректор Н. Тиунова
Дизайнер (обложка) В. Дыба-младший**

**Подписано в печать 23.05.2004 г.
Формат 70х108/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.-печ. л. 10,15. Заказ №
Тираж 1000.**

**ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.**

**Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.**

